Ева Габриэльссон
Мари Франсуаза Коломбани

МИЛЛЕНИУМ СТИГ и Я

Женщина, которая наносит ответный удар, или настоящая правда о Стиге Ларссоне.

Вы еще не читали «Миллениум»? Тогда начните с этой книги.
Guardian

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Чтобы по-настоящему понять детективы Стига Ларссона, нужно узнать, какую он прожил жизнь. И едва ли кто-нибудь способен рассказать об этом лучше, чем Ева Габриэльссон, его спутница на протяжении тридцати с лишним лет.

Именно Ева находилась рядом со Стигом в то время, когда он, начинающий журналист, готовил свои первые публикации; именно она потом его поддерживала в борьбе против правого экстремизма и угнетения женщин.

У нее на глазах рождались ныне знаменитые на весь мир детективные романы, слово за словом, деталь за деталью вырастая из общей — одной на двоих — жизни. Никто лучше Евы не знает, что стоит за каждым именем или названием, за каждым фактом или случаем, упомянутом в этих книгах. «Миллениум» — ее детище почти в той же мере, как и его. И когда внезапно умер Стиг, Ева лишилась не только близкого, любимого человека, но и всех прав на плоды их совместной работы…

Фото на переплете: Ева Габриэльссон и Стиг Ларссон в 1980 г. (из личного архива Евы Габриэльссон).

- Ева Габриэльссон
  - Предисловие
  - Про кофе
  - Юность
  - Наши матери
  - Встреча
  - Путешествие в Африку
  - Стокгольм
  - Агентство ТТ[9]
  - «Экспо»
  - Угрозы
  - «Миллениум»
  - Ценности Стига-журналиста
  - Феминизм
  - В сердце Библии
  - Всегда надо давать сдачи
  - Адреса «Миллениума»
  - Персонажи
  - Гренада
  - Искусство мореплавания
  - Вокруг недвижимости
  - На пути к публикации

    - Ноябрь 2004-го
    - После смерти Стига
    - Прощание
    - Месть богов
    - Мой дневник за 2005 год
    - Годы с 2005-го по 2010-й
    - supporteva.com
    - Четвертый том
    - Благодарности
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27

Ева Габриэльссон
Мари Франсуаза Коломбани
Миллениум, Стиг и я

Посвящается всем, кто поддержал меня, когда я пошатнулась, и всем, кто и теперь меня поддерживает.

Ева Габриэльссон

Предисловие

Цикл «Миллениум» окружен загадками, и в нем самом хватает тайн. На манер Платоновой пещеры[1] детективы Стига Ларссона наводят на мысль о скрытых пластах реальности, которые проступают один за другим, заманивая в пропасть. Трилогия богата знаками. Некоторые из них указывают на те или иные факты окружающей действительности, в других же отражена связь автора с Евой Габриэльссон, которая была его подругой тридцать с лишним лет. В них отпечаталась вся жизнь этой пары, где находилось место многому: научной фантастике, Библии, борьбе против правого экстремизма, скандинавской мифологии, шпионажу…

У Евы Габриэльссон взгляд особый, и «Миллениум», прочитанный ее глазами, — это не просто серия полицейских романов, известных во всем мире. Это прежде всего рассказ о вечной борьбе личности за мораль и справедливость, за те ценности, что всю жизнь защищал Стиг Ларссон. Для нее эти книги — зеркало судьбы: и отражение разделенной любви, и воплощение трагических моментов пережитого. Самым тяжелым испытанием для нее стала внезапная смерть Стига. В пятьдесят лет его свалил сердечный приступ; перед этим он только что сдал рукописи издателю, но так и не успел насладиться грандиозным успехом своей трилогии. Остальные беды подруги Стига породила людская корысть. В Швеции гражданский брак не дает прав наследования, и после смерти спутника жизни Еве не досталось ничего. Вышло так, что даже собственное жилье принадлежало ей лишь наполовину и какое-то время она боялась подойти к дверям их маленькой квартиры. Кроме того, ее очень угнетало разрастание «индустрии Стига Ларссона», которой занимались люди, абсолютно для него посторонние и чуждые по духу. Как грибы появлялись телесериалы, фильмы, книги лжедрузей, поднималась шумиха… И постепенно Стиг Ларссон — воитель, феминист, журналист, блистательный самоучка с огромной эрудицией — оказался низведен до уровня сочинителя полицейских романов.

Вся жизнь Стига, от начала до конца, сама была словно роман, и Ева — главная героиня этой сокровенной саги. Теперь она решилась доверить нам ключи от своих тайн. Верная подруга Стига, такая же идеалистка, как он сам, она не терпит компромиссов, и об этом знают все, кто с ней знаком. Друзья могут рассчитывать на нее так же, как могли рассчитывать на ее спутника, и в жизни, и в смерти. Остальные же заплутали на

дороге предательства, как говорил Стиг.

Сегодня Ева борется за обладание правами на интеллектуальную собственность своего покойного друга. Она делает это ради него, ведь больше всего на свете ему была ненавистна мысль о том, что его цикл «Миллениум», статьи против расизма, книги о правом экстремизме и работы о молодежи станут предметом наживы. Если суд примет ее заявление, она приоткроет завесу тайны над четвертым томом, за рождением которого наблюдала изнутри, как и за созданием предыдущих трех. Это дает поклонникам цикла надежду на новую встречу с его героями. И пусть трепещут недруги Лисбет Саландер и Микаэля Блумквиста. Книга выйдет под названием «Божье возмездие». Пусть они знают, что Ева, неподражаемая исполнительница сальсы[2] перед Предвечным, уже вот-вот покончит с начертанием их судеб и спляшет на их трупах.

Мари Франсуаза Коломбани

Про кофе

Меня часто спрашивают, действительно ли шведы пьют так много кофе, как персонажи «Миллениума». Действительно пьют. И по его потреблению Швеция — вторая в мире страна после Финляндии. Если бы у Стига Ларссона и Микаэля Блумквиста не было других точек соприкосновения, такой точкой, несомненно, стало бы впечатляющее количество выпитых за день чашек кофе.

Мы со Стигом оба любили кофе с самого детства. Бабушка Стига, не таясь, поила его кофейком лет с пяти, когда детям, в общем-то, положено пить молоко. Моя бабушка делала то же самое, но украдкой, если мама была дома.

Кофе был для нас обоих замечательным средством от всех невзгод, больших и маленьких, символом единения, общительности и гостеприимства. Без него не обходилось ни одной счастливой минуты, и он всегда сопровождал наши долгие беседы вдвоем или с друзьями. Думаю, за нашу тридцатидвухлетнюю совместную жизнь мы принесли кофейной индустрии немалый доход! Перепробовав множество способов приготовления кофе, все обычно возвращаются к турецкому, и у нас тоже кофейник с огня не снимался.

Нынче я себе кофе не готовлю. Как-то дико варить только полкофейника. Пустая половина означает, что никогда уже Стиг не взглянет на меня искрящимися от любопытства глазами поверх своей чашки. Такие глаза бывают у ребенка, когда он распаковывает подарок. И никогда уже я не услышу: «Ну, рассказывай. Что сегодня делала? Что новенького?»

В «Миллениуме» нередко бывает, что Лисбет Саландер обрывает разговор с Микаэлем Блумквистом фразой: «Мне надо над этим подумать». В первый раз прочтя ее, я прыснула со смеху. Если у нас со Стигом случались серьезные разногласия и мы оказывались в тупике, потому что я не желала принять его идею, дело всегда кончалось тем, что я говорила именно эти слова. Они означали, что сейчас самое время сменить тему, успокоиться, переключиться на что-нибудь другое. В этот момент один из нас обязательно поднимался и шел варить кофе — и мы снова становились друзьями.

Теперь я дома кофе не пью. Перешла на чай.

Мне не очень-то хотелось писать эту книгу — про Стига, про нашу жизнь и про мою жизнь без него.

Его отнял у меня сердечный приступ, случившийся 9 ноября 2004 года. Для меня этот день проклят, но для многих других с

него началась карьера. 9 ноября 1938 года нацисты устроили Хрустальную ночь,[3] взяв курс на истребление своих сограждан-евреев и сделав еще один шаг на пути к «окончательному решению», как они называли свой план ликвидации евреев и цыган. Стиг не забывал об этой дате: устраивал симпозиумы и семинары, посвященные Хрустальной ночи, и вечером 9 ноября 2004 года в помещении АБФ[4] тоже была назначена конференция.

В момент его смерти меня не было рядом: дела вынудили меня в этот день уехать в лен[5] Далекарлия. Если бы я была рядом, изменилось бы что-то? Наверное, я никогда этого не узнаю, но очень хочется думать, что да. Ведь если мы были вместе, это сказывалось на каждом мгновении нашей жизни.

Как успешный автор детективных романов Стиг стал известен миру в июле 2005 года, с выходом первого тома трилогии. Потом были фильмы и телеверсии. И все-таки «Миллениум» — всего лишь эпизод его биографии, но уж никак не дело жизни. Тот Стиг, которого произвела на свет «индустрия „Миллениума“», меня не интересует. Моему сердцу мил другой Стиг: мой спутник по жизни и союзник во всем, тот, кого я глубоко люблю и с кем была рядом тридцать два года. Нежный, увлекающийся, щедрый чудак… Журналист, феминист, воитель, моя любовь на всю жизнь.

Потеряв его, я утратила огромную часть самой себя.

Этот Стиг появился на свет 15 августа 1954-го…

Юность

В первом томе цикла «Миллениум», который называется «Девушка с татуировкой дракона», Микаэль Блумквист обнаруживает снимок, сделанный в день исчезновения Харриет Вангер, во время карнавального шествия, устроенного на детском празднике в городке Хедестад. Пытаясь разобраться в событиях этого дня и понять, что же могло так напугать девушку, он отправляется на встречу с супружеской парой, которая сорок лет назад во время туристической поездки и сфотографировала эту сцену. Расследование приводит его на север Швеции, сначала в Нуршё, потом в Бьюрселе, в лен Вестерботтен. Такой выбор может показаться странным, поскольку об этих Богом забытых местах не всегда знают и сами шведы. А вот Стигу они были хорошо известны. В 1955 году, совсем еще маленьким ребенком, его привезли туда к дедушке и бабушке по материнской линии. Его родители, Эрланд Ларссон и Вивианне Бострём, еще слишком молодые и не готовые к такой ответственности, вскоре перебрались жить на тысячу километров южнее. В 1957-м они снова снялись с места и переехали в Умео, городок в двухстах километрах от Нуршё.

Упомянуть эти места для Стига означало отдать дань уважения тесному кругу людей, с которыми он прожил лучшие моменты детства, и отблагодарить их за привитую ему систему ценностей.

С дедом и бабушкой Стиг обитал тогда в маленьком доме, окруженном лесами. Кроме кухни в избушке имелась всего одна комната, и не было ни воды, ни электричества, ни туалета. Для шведской деревни обычны такие дома, нечто вроде семейных ферм. Когда-то в них поселялись старики, передав молодому поколению ведение хозяйства. Стены в доме бабушки и деда были засыпные, и пространство между досками заполнялось, скорее всего, опилками, как часто делали в то время. Отапливалось жилье при помощи дровяной плиты, на которой бабушка и готовила. Зимой температура на улице опускалась до 37 градусов мороза, а световой день длился не дольше получаса. Стиг бегал в деревенскую школу на лыжах, при свете луны. Со свойственным ему от природы любопытством он неустанно обследовал леса, озера и дороги, где ему встречались и люди, и животные. Выживание в таких трудных условиях требовало немалой изобретательности, зато в результате получались личности независимые, находчивые, щедрые и отзывчивые. Как Стиг.

Он рассказывал, что его дед Северин был коммунистом-антифашистом, и во время Второй мировой войны его поместили в трудовой лагерь для лиц, представлявших угрозу национальной безопасности. После войны общество приняло бывших заключенных в штыки. Этот эпизод в истории Швеции в те времена замалчивали, замалчивают и сейчас. В 1955 году Северин уволился с завода и поселился с женой и маленьким Стигом в лесной избушке. Чтобы прокормить семью, он чинил велосипеды, моторы и выполнял разную мелкую работу у местных фермеров. Стиг обожал ходить с дедом на охоту и рыбалку. В начале книги «Девушка с татуировкой дракона» Микаэль Блумквист принимает предложение Хенрика Вангера, двоюродного деда Харриет Вангер, и поселяется в «гостевом домике» неподалеку от Хедестада. Действие происходит в разгар зимы, и на внутренней стороне оконных стекол расцветают ледяные розы. Именно такими розами зачарованно любовался Стиг в доме бабушки и деда. Они вырастали на окнах от теплого дыхания и пара от кастрюль, постоянно кипевших на плите. Он никогда не забывал ни этого волшебного зрелища, ни мороза, рисовавшего узоры на окнах. Детство ему досталось трудное, зато счастливое и полное радости и любви.

Маленький мальчик улыбается нам с черно-белой фотографии, а по бокам стоят двое взрослых, и им явно смешно, что они так вырядились для снимка. Они научили его верить, что в жизни нет ничего невозможного, и презирать колебания денежных курсов. У деда был старый «форд-англия», мотор которого он, талантливый механик и мастер на все руки, отладил сам. Несомненно, это и есть тот «форд» с вестерботтенским номером, который разыскивает Микаэль, в надежде, что автомобиль наведет его на след Харриет Вангер. И еще множество деталей, упомянутых в трилогии «Миллениум», Стиг почерпнул из своей, моей и нашей совместной жизни.

В декабре 1962 года Северин Бострём скоропостижно умер от сердечного приступа, в возрасте пятидесяти шести лет — как и его дочь, мать Стига. Бабушка еще шесть месяцев оставалась с внуком, а потом, не имея больше возможности жить в отдаленном лесном домике с ребенком, уехала в окрестности Шеллефтео, в том же лене Вестерботтен. До самой ее смерти в 1968 году Стиг приезжал к бабушке каждое лето.

Счастливый и беззаботный мир Стига разрушился в одночасье. На девятом году жизни он оказался в Умео у родителей. В 1958 году Эрланд и Вивианне поженились, и на свет появился младший брат Стига, Иоаким. Своих ближайших родственников Стиг почти не знал. Впоследствии он много

рассказывал о бабушке с дедом и очень мало — о родителях. Однако один из близких друзей деда и бабушки поведал мне, что Вивианне часто навещала сына, когда он был совсем маленьким.

Осенью 1963 года Стиг пошел в школу, и жизнь его полностью изменилась. Городская среда была ему чужда, даже враждебна. Прежде он жил в сельском доме, на вольном воздухе, пользуясь полной свободой, а теперь его вселили в тесную квартиру в самом центре города. Переход с земли на асфальт он перенес очень болезненно. С бабушкой и дедом он мог общаться постоянно, а родители целыми днями пропадали на работе. Ритм его жизни стал более насыщенным, зажатым в тесные рамки расписания.

Первоначально имя Стига состояло всего из четырех букв, и я точно не знаю, когда появилась пятая.[6] При мне она уже всегда была. Легенда гласит, что в Умео проживал еще один Стиг Ларссон, их вечно путали, и дело кончилось тем, что они кинули жребий, кому менять имя. Я же знаю другую версию: Стиг решил внести изменения в написание имени после того, как библиотека завалила его письмами с требованием вернуть книги, которые задолжал его тезка. Меня всегда очень забавляет, когда я слышу от посторонних людей анекдоты о Стиге. Будто те, кто их рассказывает, сами при сем присутствовали или он с ними поделился. В действительности детали того или иного случая могла знать только я, и рассказчик, по существу, взял их из моих интервью.

В семнадцать лет Стиг поселился отдельно от родителей — в маленькой квартире-студии в полуподвале того же дома, где обитала семья. Я не знаю, чем он занимался в этот период жизни, знаю только, что счастлив он не был. Казалось, тогда Стиг махнул рукой на себя и свое здоровье, словно все это не имело никакого значения — ни для него самого, ни для других.

Единственное, что было для него важно в самом себе, — строительный материал для образа Микаэля Блумквиста, который тоже мало занимался спортом, ел что попало, курил и, как я уже говорила, в огромном количестве пил кофе. Все это, вкупе с постоянными стрессами, в итоге и стало причиной преждевременной смерти Стига.

С 1972 года, когда мы с ним познакомились, Стиг только один раз вернулся в дом, где провел детство. Это произошло осенью 1996 года.

Мы с братом и сестрой совместно владеем семью гектарами земли в лене Вестерботтен, где расположены Нуршё и Бьюрселе. Эта земля, частично покрытая лесами, принадлежала нескольким

поколениям нашей семьи. В девяностые годы мы со Стигом предприняли две попытки расчистить подлесок, что входило в обязанности землевладельцев. Во время второй попытки, в 1996 году, мы провели немало трудных дней, вкалывая в лесу в компании змей и слепней, но были рады сменить сидение в офисе на физическую нагрузку. Нашим соседям в Эннесмарке хотелось побольше узнать о детстве Стига, и, закончив работу, мы отправились к домику бабушки и дедушки.

На дверях висел замок. Стиг прижался лицом к оконному стеклу. В доме ничего не переменилось.

— Все в точности так, как было тогда! — восклицал он. — Смотри, я спал вон там, вместе с дедом. И плита та же самая! Я помню, что по утрам, когда она была еще холодная, мы замерзали.

Он обследовал каждый метр вокруг дома, каждое дерево и камень. От нахлынувших воспоминаний он до того разволновался, что меня это потрясло: я никогда его таким не видела. У него даже голос изменился: стал глубоким и низким, потеплел.

Он говорил очень тихо, почти шептал. Мы засыпали его вопросами, и он выдавал одну историю за другой. Когда настала пора уезжать, он все повторял:

— Ну, еще минуточку, еще чуть-чуть…

Ему было не оторваться от этих мест. Однако время шло уже к ночи, и он посмотрел на меня умоляюще:

— Ева, давай не будем продавать дом, а?

— Милый, он в тысяче километров от Стокгольма. Это слишком далеко, и мы не сможем часто сюда приезжать. И потом, у нас нет ни денег, ни времени, чтобы содержать его в порядке, и в конце концов он развалится.

Тогда он еле слышно сказал с глубокой грустью:

— Но это все, что у меня есть…

На него накатила прежняя тоска, словно теперь, как тридцать лет назад, в детстве, его заново отрывали от родных корней. Мы долго молчали, и каждый думал о своем. Потом он сказал, словно смирившись:

— Да, это невозможно.

И мы уехали, но на сердце было тяжело.

Я сделала много снимков этого домика и подарила их Стигу, сотворив из них что-то вроде фотомонтажа. Он был ужасно доволен и повесил мое произведение над нашей кроватью.

Мы часто говорили об этой поездке, как о некоем волшебном приключении. Летом 2004 года, когда Стиг закончил третий том «Миллениума», мы строили множество планов и в том числе

собирались соорудить на острове «наше маленькое шале». Каждый нарисовал, каким он видит будущее обиталище, и мы сравнивали рисунки, сидя рядышком и потягивая кофе. Я часто разглядывала фотографии деревянного домика и хотела сделать Стигу сюрприз, спроектировав такой же вход и сине-белые двери.

Наши матери

Мне не раз указывали на то, что, кроме сестры Микаэля, в «Миллениуме» нет ни одного настоящего классического образа матери, как нет и описания ни одной классической семьи. Мать Лисбет Саландер не смогла защитить дочь, когда та была маленькой. Она смирилась с жестоким обращением своего сожителя, тем самым открывая путь трагическим событиям. В результате побоев у нее возникло нарушение мозговой деятельности, что привело к смерти еще в сравнительно молодом возрасте. Что же касается женщин из семьи Вангер, то все они были никудышными матерями. К примеру, Изабелла Вангер, мать Харриет и Мартина, прекрасно знала, что ее муж насиловал обоих детей, а потом Мартин, в свою очередь, собственную сестру, но ее это не заботило. В лучшем же случае женщины в романе равнодушны к детям или вовсе их не имеют, как Эрика Бергер.

Если вдуматься, то все это не случайно. Мы со Стигом росли без матерей, нас воспитывали дедушки и бабушки. Но никакая самая нежная бабушка не заменит мать.

Еще одним следствием тесного общения со старшим поколением стало то, что мы выросли, словно в XIX веке, в эпоху, которой мало коснулась эволюция нравов. Нам привили моральные ценности далекого прошлого, со всей их строгостью и ограничениями, а подчас и тяготами. Для нас не деньги и не успех составляли репутацию человека, а честность и умение держать слово. И эти правила не нарушались.

Мы со Стигом во многом походили друг на друга образом мыслей и восприятием. Это нас забавляло, но не удивляло: ведь у нас были общие корни.

Я родилась 17 ноября 1953 года в Лёвонгере, в ста километрах к северу от Умео, и была старшей из троих детей, появившихся на свет с промежутком чуть больше года. Когда мне исполнилось семь, родители развелись, и мы остались с отцом, бабушкой и дедушкой на их семейной ферме. Отец не хотел заниматься хозяйством. Учебу он бросил в тринадцать лет, но все-таки сумел стать журналистом и работал в ежедневной местной газете. Мои родители поженились по любви и, живи они в городе, наверное, остались бы вместе на всю жизнь. Гудрун, моя мать, окончила технический лицей и до замужества работала секретаршей на металлургическом заводе. Когда-то бабушка надеялась, что невестка поможет на ферме, но быстро поняла, что та не приспособлена к сельской жизни. Высокие каблуки и губная помада не вязались с образом крестьянки, да и казались бабушке

совершенно лишними. А в моих глазах мама всегда была такой милой и живой… Развод родителей проходил очень тяжело, и наши семьи рассорились. Отец добился, чтобы мы остались с ним, что было в те времена большой редкостью. Ему помогло то, что он имел работу, жилье и возможность поручить детей, то есть нас, заботам своих родителей. Я думаю, не последнюю роль здесь сыграли и принадлежность отца к либеральной партии, и знакомство со многими влиятельными людьми лена.

Мама уехала в Стокгольм и вскоре выучилась на медсестру. За тридцать один год я виделась с ней не более шести раз. Замуж она больше не вышла и умерла от рака в декабре 1992 года, как раз на Рождество. Отец умер в 1977 году. Бабушка с отцовской стороны, женщина добрая и справедливая, считала, что отец сделал не лучший выбор, женившись на маме, но вряд ли ей пришло бы в голову запретить нам с ней видеться. А у мамы, видимо, возник некий душевный разлад. Она, несомненно, была натурой чувствительной и психологически неустойчивой. От разлуки с детьми она очень страдала, но из-за большого расстояния и нехватки средств оказалась совершенно от нас оторвана. Потеряв ее, мы окончательно потеряли и всю материнскую половину нашей семьи.

И как и Стиг, когда его в детстве разлучили с бабушкой и дедушкой, я почувствовала себя совсем брошенной.

Когда Стиг познакомился с моей бабушкой, они сразу понравились друг другу. Она говорила, что он славный парень, а он называл ее фантастической женщиной. Надо сказать, она была с характером. Уродилась в отца, моряка, который за двадцать с лишним лет обошел все на свете моря, а потом женился на любимой девушке и сделался фермером. У бабушки была такая присказка: «Я бы хорошенько подумала». Когда она так говорила, мы понимали, что надо дважды взвесить, прежде чем за что-нибудь браться. Эта короткая фраза означала: «Можешь делать как хочешь, но отвечать будешь сам».

Когда я встретилась со Стигом, его мать, Вивианне, стала второй матерью и для меня. Она была очень сильной женщиной и сама заправляла семьей, как и моя бабушка. Я восхищалась Вивианне. Заведуя магазином готового платья и много работая, она постоянно стремилась изменить общество к лучшему и в конце концов, к удивлению местной политической элиты, стала депутатом муниципального совета от партии социал-демократов. Всем, кто заходил к ней в магазин, она со смехом объясняла:

— Ничего удивительного, ведь меня знает весь город!

А когда позже она вошла в комиссию по общественному

благоустройству, у нас с ней появилась еще одна точка соприкосновения: ведь я была архитектором.

Стиг многое унаследовал от Вивианне, включая и активную жизненную позицию. Он был очень к ней привязан, но не столько как к матери, сколько как к близкому другу. К остальным родственникам он относился гораздо прохладнее.

Поселившись в 1977 году в Стокгольме, мы уже не могли часто ездить за тысячу километров в Умео. Родители Стига несколько раз предоставляли нам на лето свой дачный домик в Эннесмарке, недалеко от моего родного города. По удивительному стечению обстоятельств этот дом строил брат моего деда. В 80-е годы мы несколько раз встречали Рождество в Умео с родителями Стига, но по большей части и Рождество, и Пасху, и Иванов день проводили с моей семьей. Потом Вивианне заболела раком груди. В августе 1991 года, после возвращения из больницы, у нее произошел разрыв аневризмы. Мы прилетели сразу же. Она не приходила в сознание, но мы долго пробыли возле нее: я держала ее за руку и тихонько рассказывала о Стиге, о наших планах, о наших бедах — будто вела обычную беседу. Я чувствовала, что она меня слышит. На следующий день Вивианне умерла, но все-таки она нас дождалась. Как и моя мать, которая шестью месяцами позже изумляла медперсонал хосписа, куда ее поместили, отчаянной борьбой с раком легких, кстати возникшим после рака груди. В конце августа 1992 года мы с братом приехали к ней. Она сидела на балконе, завернувшись в плед, курила и кашляла. Сестра в то время жила в Лондоне и приехать не могла, но мама настояла. И умерла только в конце декабря, когда все ее дети собрались вокруг нее. Так обе наши матери сами определили себе момент расставания с жизнью.

А вот Стиг — нет, он ушел внезапно.

В 1991 году мы купили квартиру в Сёдермальме и с тех пор стали проводить праздники в Стокгольме, с моим отцом и сестрой. Иногда к нам приезжал отец Стига Эрланд со своей новой подругой Гун. По заведенному обычаю мы вместе пили кофе или обедали где-нибудь в городе. Эрланд настаивал, чтобы Стиг приехал навестить брата: ведь мы ездили на север лишь ненадолго, чтобы заняться нашими лесными угодьями. Но между собой братья почти не общались: мы не присутствовали ни на свадьбе Иоакима, ни на днях рождения членов его семьи. От обсуждения этой темы с Эрландом Стиг уклонялся, ссылаясь на недостаток времени. Но я помню, что мы все же несколько раз во время визитов в Умео пили кофе вместе с Иоакимом и его семейством, чтобы сделать приятное Эрланду. У нас дома Иоаким

демонстративно не показывался, хотя и утверждал потом, что был в очень близких отношениях со Стигом. За тридцать лет он появился у нас дважды: в первый раз в конце семидесятых годов, а во второй — когда умер Стиг. Зато с моими братом и сестрой мы всегда тесно общались. Для меня они были единственной семьей, ведь отца и бабушку с дедом я потеряла, а с матерью связь оборвалась. Стиг же почти не ощущал родственной близости со своим семейством.

Встреча

Однажды осенью 1972 года мы с моей сестрой Бритт отправились на собрание в поддержку НФОЮВ,[7] которое проводилось в помещении школы Мимерскулан, в Умео. На подобном мероприятии я оказалась впервые. Отец голосовал за либеральную партию, но дальше этого его интерес к политике не шел. Я же едва ли могла сказать, что имею определенные политические взгляды, однако уже лет с четырнадцати чувствовала отвращение к войне во Вьетнаме. Теперь же, окончив лицей, я рассудила, что пора мне заняться и чем-то помимо учебы и экзаменов.

У входа стоял высоченный, худой и очень загорелый парень с радостной улыбкой и необыкновенно теплым взглядом. «Добро пожаловать!» — бодро приветствовал он каждого входящего. Это был Стиг. Ему тогда едва исполнилось восемнадцать, мне девятнадцать. Он засыпал нас с сестрой вопросами и, когда узнал, что мы живем в Хаге, одном из кварталов Умео, сразу же записал нас в группу, которой руководил лично. Потом он сознался, что не хотел упускать это знакомство.

Итак, началась наша совместная борьба против войны во Вьетнаме. Мы расклеивали листовки, ходили по домам продавать газеты или собирать деньги и очень много разговаривали между собой. Как случилось, что вспыхнула империалистическая война? Стига интересовало все на свете, он мог говорить без умолку, и в рассуждениях его проявлялись широта души и высокая нравственность. Это был слегка отчаянный, но абсолютно неотразимый интеллектуал. Он просто околдовал меня. Все его высказывания были очень конкретны. Он говорил с воодушевлением и в то же время ужасно забавно. В его обществе занятие политикой из долга, «обязаловки» превращалось в настоящее удовольствие, что редко случалось в нашем строгом окружении. Наши мысли часто совпадали, и мы оба не одобряли маоистские настроения и самодовольную болтовню иных сторонников НФОЮВ.

Идеи Стига казались мне настолько интересными, что я убеждала его записывать их. В Швеции даже в небольших газетах есть раздел «Культура», где печатаются разнообразные мнения. Мой отец, сам журналист, мог бы ему помочь, но Стиг, не чувствуя в себе достаточно уверенности, все время отнекивался. Наконец он поддался на уговоры. При виде своей первой публикации он пришел в такой восторг, что, полагаю, именно этот день можно считать датой его рождения как журналиста.

Осознав наконец свое призвание, он подал заявку в школу журналистики, но не прошел по конкурсу. Ничего удивительного, если учесть его совсем юный возраст. Как и все студенты, он мог бы попробовать еще раз, но не захотел, ибо утратил веру в себя.

Меня же тем временем заинтриговала доктрина маоизма, который был тогда в моде. Я стала посещать политические собрания и даже прослушала вводный курс этого учения. Будучи по складу рационалисткой, я искала ответы на многие вопросы, да только не там. Аргументы маоистов были легковесны, расплывчаты и инфантильны. Можно подумать, что, пройдя по воде яко по суху, можно разрешить экономические проблемы! Тогда появились троцкисты и какое-то время выступали заодно с маоистами, имея с ними даже общий банковский счет для сборов в пользу Вьетнама. Лично меня это восхищало. В общем, их в то время можно было назвать товарищами по борьбе. Но увы, каждый революционер жаждал своей собственной революции, а потому в их рядах незамедлительно обозначилась борьба за лидерство.

Однажды нас попросили собрать средства в поддержку красных кхмеров в Камбодже. Прежде чем заниматься этим, я пожелала узнать, что за политику они проводят, но в ответ получила: «Делай что сказано и не задавай вопросов!» Тогда мы со Стигом отказались участвовать в акции, а я так и вовсе вышла из общества солидарности с Вьетнамом.

И обратила внимание на тех, кого называли отступниками, — на троцкистов. Они казались мне более демократичными, и в их системе не возбранялась многопартийность, в то время как маоисты предпочитали авторитарный стиль. Стиг же остался с маоистами. Тогда мы еще не жили вместе, и я занимала комнату в студенческом общежитии. В течение всего следующего года мы яростно спорили о том, каким образом можно принести человечеству наибольшую пользу. Это было ужасно и зачастую доводило меня до слез. Я считала Стига глупым, пустым мечтателем, абсолютно оторванным от реальности. В это время меня приняли в Политехническую школу в Гётеборге, но мне хотелось остаться со Стигом в Умео, и я поступила на факультет математики и истории экономики. Стиг жил тогда в маленькой квартире-студии. Когда мы познакомились, он заканчивал краткий курс обучения, после которого мог найти работу, но для поступления в университет этого было недостаточно. Видимо, я имела на него влияние, потому что он на два года вернулся в лицей, чтобы получить диплом бакалавра. И получил, что, при врожденном упрямстве Стига, меня ничуть не удивило.

Чтобы прокормиться, он брался за любую работу: был

подмастерьем у слесаря, разносчиком газет, лесником, мойщиком посуды в ресторане… Несмотря на разногласия по поводу судеб человечества, нам хватало ума не смешивать дела сердечные с делами политическими. Вместе с друзьями мы поселились в просторной квартире и жили коммуной, в которую входила и моя сестра.

По прошествии некоторого времени Стиг тоже примкнул к троцкистам. Меня, как обладавшую опытом, сделали ответственной за политическое воспитание группы молодежи в том лицее, где он доучивался. И мы поменялись ролями: теперь он стал учеником, а я наставником.

Троцкистское движение требовало от студентов, чтобы они стали пролетариями и приблизились к миру рабочих. Вскоре одна из ячеек образовалась на заводе «Вольво». Однако наши товарищи из рабочих по этому вопросу высказались достаточно категорично: «У нас не было возможности учиться и потому не было выбора, а у тебя есть. Ну так и учись дальше!» Их точку зрения я разделяла полностью. Мы были первым поколением, имевшим право на высшее образование за счет государства, так неужели нам нужно было отказаться от этого и самим испортить себе жизнь? К тому же я происходила не из городской, а из крестьянской среды, хорошо знала, что такое пролетариат, и не видела никакой пользы для общества в том, что к нему кто-то будет присоединяться искусственным путем. Время от времени группы городской молодежи, в одежде, сшитой своими руками, отправлялись в деревню, чтобы организовать общину и жить крестьянской жизнью. Мы же, деревенские, на это смотрели как на спектакль!

На своих занятиях и лекциях я старалась вникнуть в жизнь юных слушателей, чтобы заставить их думать. Но наши руководители требовали от меня только знакомить учеников с теорией. В 1976 году меня сместили с должности, заменив кем-то более «красным», и я покинула троцкистское движение. Стиг же оставался троцкистом вплоть до конца восьмидесятых годов, но его привлекала скорее теория, чем практика. Он рассматривал это как средство продолжения интеллектуального и политического диалога, которым очень увлекался, и за его подписью появлялось много статей в «Интернационале», официальном журнале троцкистов. Написаны они были безвозмездно.

В романе «Девушка, которая играла с огнем» Лисбет Саландер подозревается в убийстве журналиста Дага Свенссона, чью книгу о торговле проститутками из Восточной Европы подготовил к изданию «Миллениум», и его подруги, криминолога Миа Бергман, которая исследовала ту же тему сексуальной

эксплуатации. О том, что ее объявили в розыск, Лисбет узнает, услышав, как разглагольствует с телеэкрана Петер Телеборьян, главный врач детской психиатрической клиники Святого Стефана в Уппсале, куда ее отправили более десяти лет назад. И замечает, что почему-то ни одна газета не упоминает о практике помещения пациентов в так называемую «комнату, лишенную раздражителей». Эту методику она сравнивает с той, что применялась к политическим заключенным во время процессов 30-х годов в Москве, и поясняет: «Лишение арестантов чувственных ощущений, согласно Женевской конвенции, классифицировалось как негуманное обращение, но диктаторские режимы охотно использовали этот метод в экспериментах по промыванию мозгов». Мы со Стигом хорошо разбирались в этом вопросе, поскольку в течение долгих лет много о нем читали. Для Сталина все политические оппоненты были предателями. Он уничтожал их физически, убирал упоминания о них из книг и прочих тогдашних источников информации, что привело к тотальному переписыванию истории. Выражение «московский процесс» стало для нас нарицательным обозначением.

Употреблять одни и те же слова, иметь одинаковые вкусы, одинаковые стремления — все это так естественно для пар, которые познакомились в ранней юности и выросли вместе. И тем не менее сейчас мне трудно объяснить, в какой момент мы со Стигом почувствовали, что созданы друг для друга. Более десяти лет спустя он писал: «Я уже больше не верил, не мог себе представить, что встречу еще кого-нибудь кроме тебя, кто бы так меня понимал». Я же сразу почувствовала, что этот человек правильно сложит пазл моей жизни и станет для меня самым главным.

Но в то же время наши отношения складывались отнюдь не легко и не гладко. Кто сможет спокойно отнестись к тому, что его личность и жизнь будут постоянно подвергаться обсуждению? Должна сказать, это достаточно тягостное чувство, сродни осознанию бесконечности Вселенной. Порой нам хотелось пойти на попятный и расстаться, но наше взаимное влечение было слишком сильно. Мы оказались в одной упряжке, хотя и страшились этого.

И в течение тридцати двух лет всегда находили, что сказать друг другу, о чем поведать, о чем поспорить. Мы вместе читали, искали, отстаивали, создавали.

Нам обоим это нравилось, а лично мне приносило огромную радость.

Стиг был человеком очень нежным и экспансивным.

С ним я поняла, что значит «иметь родственную душу».

Путешествие в Африку

В 1977 году, двадцати двух лет от роду, Стиг осуществил свою мечту: поехал в Африку.

Деньги на путешествие он в течение шести месяцев зарабатывал тяжелым трудом на лесопилке в Хёрнефорсе. Зачем ему было туда надо? Он так и не смог мне толком объяснить, и на то были свои причины. Я знала только, что его направил в Африку Четвертый интернационал, коммунистическая организация, основанная Троцким в 1936 году, после исключений и репрессий, которые обрушил Сталин на членов Третьего интернационала. Миссия Стига состояла в том, чтобы войти в контакт с определенными группами, вовлеченными в гражданскую войну в Эфиопии. Возможно, речь шла о передаче денег или документов. В этом заключался немалый риск. Стиг потом рассказывал, как ему случилось обучать бойцов местной милиции обращаться с минометом, передавая им знания, полученные за время военной службы. Оружие, поставленное Советским Союзом и спрятанное среди холмов Эритреи, предназначалось для женских отрядов. У Стига также имелись честолюбивые планы написать несколько статей о континенте, который его так интересовал и где события развивались так стремительно. Однако за все время его поездки, с февраля по июль, ни одна газета не заинтересовалась сюжетами, которые он предлагал. Надо думать, его сочли слишком молодым и неопытным репортером, хотя в период военных действий между Эфиопией и Эритреей ни один журналист из Швеции или какой-нибудь другой страны на позициях не присутствовал. Это было слишком опасно.

Покинув Умео, Стиг сначала отправился в Стокгольм, чтобы получить визы. Я поехала за ним — попрощаться. Встретив меня на вокзале, он не помнил себя от радости.

В последующие месяцы я получала от него письма, приходившие очень нерегулярно и из разных мест. Он выражался в них весьма осмотрительно и сжато, словно вел бортовой журнал. В письма не попало многое из того, о чем Стиг рассказывал мне потом: он опасался ареста и не хотел, чтобы важная информация оказалась в скверных руках и причинила вред тем людям, с которыми он встречался. Во время этого путешествия он подхватил малярию и серьезно заболел. В один прекрасный день он вдруг заблудился: глаза застилала пелена и он еле дошел до отеля, двигаясь на ощупь вдоль стен, а добравшись до комнаты, сразу потерял сознание. Когда его

обнаружили, то срочно отправили в госпиталь. Я узнала обо всем этом из письма, написанного вскоре после событий и пришедшего в один из летних дней. Оно потрясло меня до глубины души. Было страшно читать, как у Стига отказали ноги; как он, очнувшись в больнице, увидел на своей подушке засохшую кровь предыдущего пациента и снова потерял сознание. Я узнала, что Стиг едва не умер. А еще он писал, что понял, как много я значу для него, как он меня любит и что после возвращения хочет жить только со мной. Для меня не было новостью, что наши отношения крепки и серьезны, но он никогда не говорил мне об этом с такой торжественностью. Я читала письмо и плакала от страха, облегчения и счастья — Стиг выжил, и теперь мы будем строить нашу жизнь вместе.

Стокгольм

Обучение в университете Умео обогатило мою общую культуру, но все же не оставило желания после экзаменов продолжить учебу по прежнему профилю. Надо было решать с дальнейшим выбором, и я предпочла архитектуру. Эта дисциплина соединяла в себе все, что мне нравилось: и технику, и творчество. В 1977 году в Стокгольме я поступила в Королевскую техническую школу на факультет архитектуры. Несколькими месяцами позже приехал Стиг. В те времена найти жилье уже было непросто, но нам сдал комнату Сванте Бранден, психиатр, друг Стига, живший в Умео по соседству с ним.

Сванте появляется на страницах третьего тома «Миллениума» — «Девушка, которая взрывала воздушные замки». Он поддерживает Лисбет Саландер, сообщив о том, что анализ доктора Петера Телеборьяна — фальшивка и девушку поместили в психиатрическую лечебницу незаконно. Такой поступок был вполне в духе Сванте. Как и большинство наших друзей, он категорически выступал против любой формы насилия и посягательств на права человека и его свободы. За что Стиг и отдал ему дань уважения, сделав одним из героев «Миллениума».

Но аренда этой комнаты не решала наших проблем: там нельзя было жить вдвоем и потому мы не могли оставаться в ней долго. В те времена молодежи разрешалось за умеренную плату снимать меблированные комнаты в домах, идущих на снос, и мы тоже нашли себе такую, но в ней не было никаких удобств: ни горячей воды, ни отопления, так что и здесь мы не задержались. После этого Стиг нашел комнату в южном пригороде Стокгольма, и только в 1979 году я получила крошечную двухкомнатную квартиру в Ринкебю — такие квартиры давали студентам на период учебы. В ней мы прожили шесть лет. Нам так понравилось это место, что и новую квартиру мы стали подыскивать там же и в итоге застряли в Ринкебю на двенадцать лет. В то время там жили в основном иммигранты, и сейчас в Ринкебю можно найти представителей более семидесяти национальностей. Это был настоящий тигель, место великолепного смешения культур. Это благодаря Ринкебю трилогия «Миллениум» буквально пестрит иностранными фамилиями. Моя дипломная работа по архитектуре была посвящена реконструкции этого квартала. Большая часть лавочек располагалась в подвальных помещениях, и я предложила перестроить центр Ринкебю, создав место для магазинов, что пошло бы на пользу жителям.

Найти жилье в Стокгольме нелегко, но мы не только поэтому

не хотели покидать Ринкебю: нам просто там нравилось. Наше любимое кафе держали греки, соседями по лестничной площадке были финны, под нами жили цыгане, а на первом этаже турки. Глава цыганской семьи часто сиживал в тюрьме, а когда бывал дома, то бил жену. Помню, как-то раз, спасаясь от побоев, она позвонила в нашу дверь. Стиг напоил ее кофе, стер кровь с лица и вызвал полицию. Спокойствие было восстановлено. Тогда соседка финка написала жалобу, требуя, чтобы цыган выселили. Я вызвала социальные службы, у которых была особая программа по работе с цыганами, и объяснила, что на бедную женщину обрушиваются все беды разом: и побои, и угроза выселения. Но на этом история не кончилась. Однажды вечером, войдя в дом, мы удивились, почувствовав на лестнице сильный запах духов. Поднявшись к себе на четвертый этаж, мы увидели, что дверь в квартиру финки открыта и они с той цыганкой, обе нарядные, вместе собираются на какую-то вечеринку.

Чего только не бывало в Ринкебю! Во всяком случае, я никогда не боялась вечером возвращаться домой, даже тогда, когда Стиг занялся изучением крайне правых движений и ему стали угрожать. Незачем было путешествовать по миру, он сам приходил к нам в дом. Когда в 1991 году мы решили наконец перебраться в город, то долго не могли привыкнуть к тому, что все люди вокруг принадлежат к одной национальности.

Кроме политики мы со Стигом страстно увлекались научной фантастикой. Я перевела на шведский язык роман «Человек в высоком замке» Филиппа К. Дика, где повествуется о том, каким стал бы наш мир, если бы во Второй мировой войне победили нацисты. Нашими любимыми авторами были Роберт Хайнлайн и Сэмюэль Р. Дилэни. Приехав в Стокгольм, мы вступили в Скандинавское общество научной фантастики. Для двух чудаков, бредящих научной фантастикой, это было то, что надо. В течение двух лет мы редактировали журнал общества и время от времени торговали книгами в специализированном магазине в Кунгсхольмене. Особого дохода дело не приносило, но нас это не волновало. Фантастика стала нашим образом жизни, нас привлекали альтернативные миры, которыми были наполнены фантастические романы. Появление Интернета позволило нам увидеть их почти воочию. Например, «Снежная лавина» Нила Стефенсона, опубликованная в 1992 году, прекрасно рисует атмосферу киберпанка.[8] Действие книги разворачивается в кибернетическом мире хакеров — примерно таком, в каком Лисбет Саландер могла бы получить все права гражданства.

В мире научной фантастики киборги — наполовину люди, наполовину роботы — могут напрямую подключаться к

компьютеру, вплоть до срастания с ним. Именно так Лисбет Саландер подключается к Интернету, и ее необыкновенные способности роднят ее с киборгом. Так что цикл «Миллениум» можно считать в какой-то мере научно-фантастическим романом.

В то время Стиг работал на почте, а я получала стипендию. Мы еле сводили концы с концами, тем более что Стиг, в отличие от меня, был изрядным транжирой. Всю жизнь, даже в периоды безденежья, он завтракал в кафе, хотя стоило это очень дорого, и не желал менять свои привычки, несмотря на все мои усилия. Я же росла в крестьянской семье, имевшей свое хозяйство, но наличных денег мы почти не видели. Родители Стига, наоборот, не имели ничего своего и жили на съемной квартире, но привыкли к более богатой обстановке, чем мы. Хорошо еще, что Вивианне, работавшая в магазине готового платья, время от времени подкидывала мне кое-какие вещи.

За несколько месяцев до нашего переезда в Стокгольм умер мой отец. Ему было всего сорок шесть лет, но он злоупотреблял алкоголем и увлекался невероятными лекарственными смесями.

Двумя годами раньше он наделал столько долгов, что почти все имущество семьи, кроме фермы, ушло с молотка. Еще удалось спасти маленький домик в ста километрах от Умео, в Эннесмарке, — тот самый, лес возле которого мы со Стигом и моим братом и сестрой иногда приводили в порядок. Когда составляли опись имущества, судебный исполнитель и на него положил глаз, но мой отец (а может быть, Вивианне, точно не помню) нашел выход из положения. Мы со Стигом тогда уже составляли прочную пару, и наши семьи действовали сообща. Мой отец подписал с родителями Стига договор на аренду, и с этой минуты дом и лес стало нельзя продавать. Эрланд и Вивианне были счастливы. Они проводили в домике все лето, с увлечением выращивая клубнику и картошку. После продажи имущества долги отца были погашены, и еще осталось немного денег. Когда же отец умер, обнаружилось, что он успел все потратить и снова залез в долги. Тогда уж пришлось продать и ферму с обстановкой, все равно мы с сестрой и братом стали студентами и заниматься хозяйством не могли. Пропало все: наши книги, детские игрушки, фотографии — двести лет семейной памяти. Потеря единственного сына стала для моей бабушки страшным ударом, но и в этот раз она повела себя с необычайным достоинством: покорившись судьбе, бабушка пятнадцать лет прожила в деревне в полном уединении и никогда ни на что не жаловалась.

Стиг тяжело переживал эти события. Он очень любил моего

отца: ведь тот был единственным, с кем он мог поговорить о журналистике. Я же была просто раздавлена, и Стиг старался оберегать меня и всячески облегчать мою ношу. Могу сказать, что он буквально на руках пронес меня сквозь беды этого периода.

Агентство ТТ [9]

В 1979 году Стиг уволился с почты и поступил в ТТ, крупное пресс-агентство, аналогичное АФР во Франции. И там он проработал двадцать лет. Поначалу ему досталась должность редакционного секретаря, в обязанности которого входило принимать по телефону информацию и статьи всех корреспондентов и служб. Затем он был иллюстратором в отделе ТТ «Бильд»,[10] где мог писать на все интересующие его темы, от Дарвина до Робин Гуда, включая события Второй мировой войны.

При этом он не забывал и о детективных романах. Особенно много внимания он уделял авторам-женщинам и находил, что по стилю дамы намного превосходят большинство своих коллег мужского пола. Как и все самоучки, он обладал феноменальной и в то же время эклектичной культурой. Дом всегда был полон книг на разные темы: научная фантастика, политика, разведка, контрразведка, военная стратегия, феминизм, информатика и так далее. Чтобы обходилось подешевле, мы покупали книги в оригинале, преимущественно на английском языке. Большинство коллег воспринимали Стига как человека мягкого и интеллигентного, но которого очень трудно провести, тем более что он отличался крайней щепетильностью. К середине 1980-х годов, когда правые экстремисты начали убивать людей на расовой или политической почве, расхищать армейское оружие и заставлять банки финансировать их движения, к нему все чаще стали обращаться за консультациями сотрудники агентства из отдела происшествий. В большинстве случаев ему было известно прошлое подозреваемых, их соучастники и круг их знакомств. Владея большим объемом информации, зачастую противоречивой, Стиг умел быстро разбираться в сути дела. Например, когда в 1990 году в Оклахома-Сити взорвали бомбу и сто шестьдесят восемь человек погибли, а шестьсот восемьдесят получили ранения, он с самого начала, вопреки всем утверждениям средств массовой информации, понял, что террориста спровоцировала книга крайне правого толка, «Дневники Тёрнера» Уильяма Пирса.

В конце 90-х ТТ обладало наибольшей информацией по этому вопросу. Эксперт номер один находился в самом ТТ, и все-таки, несмотря на поддержку других журналистов, Стиг так и не получил постоянного места. Руководство считало, что он не умеет писать. Интересно, что по этому поводу думают миллионы читателей «Миллениума»?

В середине 90-х средства массовой информации поразил жестокий кризис. Уменьшилось число рекламодателей, сократился объем издаваемых газет, а многие и вовсе исчезли, и немало журналистов оказалось без работы. Буря, поразившая пишущую братию, не миновала и ТТ. Тем не менее небольшой отдел ТТ «Бильд» работал без сбоев и продолжал поставлять репортажи и фотоматериалы. Против всех ожиданий, его дела даже улучшились. Однако было принято решение о реорганизации: деятельность агентства приостановили, начались увольнения. В этот момент и было бы уместно представить Стига сотрудникам отдела и дать ему постоянное место в редакции. В 1999 году, после обрушения банков, в Малександере, местечке в ста шестидесяти километрах от Стокгольма, были убиты двое полицейских. Необычные обстоятельства убийства навели Стига на мысль, что здесь присутствует связь с крайне правыми, и его догадка подтвердилась. Но руководство отказалось перевести его в штат все под тем же предлогом: Стиг Ларссон не умеет писать!

Мы очень долго это обсуждали. Я считала, что пора ему целиком посвятить себя журналистике и заняться более интересными делами, исследованиями, а не простым освещением новостей. У нас не было ни гроша лишнего, денег хватало только на самые насущные потребности, и даже одежду я покупала в магазинах «секонд-хенд». Однако, несмотря на все финансовые затруднения, рискнуть стоило.

Понимая, что на продвижение в ТТ надеяться нечего, Стиг решил уволиться и получить выходное пособие. Впоследствии он больше не бывал в ТТ и в случае надобности встречался с его сотрудниками в кафе: не мог простить, что одно из крупнейших агентств Швеции обошлось с ним и другими толковыми журналистами так неоправданно жестко.

С этих пор Стиг полностью посвятил себя газете «Экспо» и одноименному фонду, которые ему во многом обязаны появлением на свет.

«Экспо»

Стиг, с детства находившийся под влиянием политически активного деда, решил сотрудничать с британским антифашистским ежемесячником «Серчлайт» («Прожектор»), чьи идеи были созвучны его собственным. В 1982 году он отправился в Лондон знакомиться с главным редактором журнала Грэмом Аткинсоном. Свидание было назначено в кафе. Не особенно доверяя друг другу, они начали разговор с форменного взаимного допроса по поводу фашизма. На счастье, оба обладали изрядным чувством юмора! На следующий год Стиг начал писать для ежемесячника, пользуясь псевдонимом, как и все сотрудники-корреспонденты. В других случаях он всегда подписывал статьи, репортажи и книги своим именем, как, к примеру, посвященные Швеции страницы для работы французского политолога Жана Ива Камю «Экстремизм в Европе».

После смерти Стига, еще до того, как трилогия «Миллениум» стала пользоваться успехом, один из английских издателей попытался сделать подборку всех его статей, напечатанных в «Серчлайте». Но сам журнал не давал согласия на перепечатку своих материалов, и тогда англичанин приехал ко мне в Стокгольм, надеясь, что я помогу добиться разрешения. Но я показала ему письмо из «Серчлайта», в котором говорилось, что они не уступят ни запятой из материала, относящегося к «индустрии Стига». Мне было приятно видеть, с каким уважением «Серчлайт» относится к сотруднику, отдавшему журналу двадцать лет жизни.

В 80-х годах в Швеции усиливались расистские настроения, а начало 90-х было отмечено ростом правого экстремизма. Мы считали, что стране просто необходим журнал типа «Серчлайта». Но издавать здесь его точную копию мы не могли, поскольку наша культура сильно отличается от английской. Более двух лет мы обсуждали облик издания с заинтересованными людьми, и этим дискуссиям не предвиделось конца.

Антирасистская ассоциация, основанная в 1985 году под названием «SOS-расизм», с девизом «Не тронь моего друга» и логотипом в виде маленькой желтой руки, в 1995-м решила обогатить свой журнал приложением, в котором анализировалась бы деятельность расистских групп правоэкстремистского толка. И тогда дело пошло быстрее. Нашлись средства, наконец была определена концепция. Недоставало только названия, но и его придумали быстро: «Экспо». После выхода трех номеров редакция решила порвать с организацией «SOS-расизм» и обрести

самостоятельность. Мы со Стигом очень радовались, что к нам присоединилась молодежь, и старались держаться с ними максимально по-дружески. Помещалась редакция в подвальчике на той самой улице, где будет обитать Лисбет Саландер, и первоначально располагалась в точно таком же крошечном и душном помещении, как редакция журнала «Миллениум». Также мы часто бывали в квартире над кафе-баром на Хурнсгатан — в точно такой же и Микаэль Блумквист назначал встречи. Когда за ребятами охотились нацисты, они обычно укрывались в этой квартире.

Надо сказать, что официальное появление «Экспо» в мире средств массовой информации было ознаменовано настоящим противостоянием. В апреле группа экстремистов начала угрожать политическим объединениям, которые поддерживали «Экспо», и разгромила их помещения. Витрины большого книжного магазина на Оденгатан были разбиты, повсюду нарисована свастика и написаны приказы: «Не смейте печатать „Экспо“!» И хотя политические объединения сумели противостоять нажиму, типография вышла из игры.

Неожиданная развязка всех событий пришла в июне 1996 года. Две вечерние газеты, «Афтонбладет» и «Экспрессен», уважаемые и популярные издания, решили в порядке совместного проекта напечатать и распространить номер «Экспо» в качестве своего приложения. Два главных редактора, Торнбьёрн Ларссон и Кристина Юттерстрём, сделали общее заявление в защиту свободы самовыражения. Стиг был вне себя от радости. Благодаря столь солидной поддержке «Экспо» получила возможность выходить в свет до самого 1997 года.

Но подписка и продажи едва покрывали расходы на печать и зарплату сотрудникам. Когда начал заявлять о себе экономический кризис, положение «Экспо» пошатнулось. Чтобы спасти газету, Совет по культуре выделил деньги, но сумма оказалась столь мизерной, что измученная редакция решила отказаться. Мы трудились день и ночь, чтобы сохранить хотя бы дневные и вечерние новости и воскресные выпуски. Все же с самостоятельностью «Экспо» было покончено, и теперь она появлялась только в качестве приложения к разным печатным органам: в 1998 году — к норвежскому антирасистскому «Монитору», потом с изданием Курдо Бакси под названием «Свартвит» («Черно-белый журнал»). Это помогло «Экспо» выжить, однако прошло пять лет, прежде чем она снова начала выходить в свет сама по себе.

90-е годы дались нам со Стигом нелегко. Он работал как сумасшедший. Статьи для ТТ, «Прожектора», «Экспо» и книги,

которые он писал сам или в соавторстве с кем-то, времени для меня не оставляли совсем. Я чувствовала себя очень одинокой, тем более когда после краха 1993 года потеряла работу архитектора в крупной строительной фирме, где мне очень нравилось; особенно я увлеклась проектом меблированных комнат Рикарда Бофилля. Мы со Стигом жили в разных режимах и были вынуждены заранее договариваться о встречах. Свидания проходили в кафе «Анна», куда мы, совсем как в книгах «Миллениума», забегали выпить по чашечке кофе с молоком.

В эти годы я дважды уходила от Стига, но оба раза всего на несколько недель. В первый раз я жила на квартире, которую мне сдал один из друзей, второй — у моей подруги Элеанор. Стиг каждый раз был в отчаянии. Я и теперь еще жалею о той боли, которую тогда причинила ему. Ведь он с детства глубоко страдал от чувства заброшенности, возникшего после смерти деда. Мне следовало бы найти другой способ дать ему понять, как мне его не хватает. Тем более что от этих разрывов наша жизнь менялась ненадолго, лишь на несколько месяцев.

А потом нас снова захлестнули события. 1999-й был годом перемен и принес немало опасностей. Как уже было сказано, Стиг ушел из ТТ, а волна насилия со стороны крайне правых возрастала. В трилогии «Миллениум» Стиг в очередной раз отдает дань уважения скромному герою, упоминая маленькую типографию в местечке Моргонгова. После того как другая типография под давлением угроз отказалась печатать «Экспо», предприятие под руководством директора Яна Чёбина все-таки взялось за это дело, а сам Ян поразил Стига тем, что без колебаний погрузил весь тираж в собственную машину и поехал развозить. Я была счастлива, когда в 2007 году ему присвоили звание «Предприниматель года». В первом томе Микаэль Блумквист доверяет ему печатать свою книгу о деле Веннерстрёма и номер журнала, освещающий скандал. Во втором томе ему же передается заказ на печатание книги Дага Свенссона о трафике секс-услуг из стран Восточной Европы. В третьем томе он берется выпустить тираж книги, разоблачающей «Секцию спецанализов» — тайный отдел Службы безопасности, созданный во времена холодной войны, не подотчетный никому и далеко выходящий в своей деятельности за рамки закона.

Как и журнал «Миллениум» в посвященной ему трилогии, газета «Экспо» худо-бедно продолжала свое существование, держась на энтузиазме совершенно разных людей, увлеченных общим делом. В одной из сцен второй книги, «Девушка, которая играла с огнем», Стиг описывает, как Эрика Бергер готовит кофе в маленькой редакционной кухне и улыбается, видя перед собой

множество кружек с логотипами различных политических партий. Это дружеский намек на «Экспо», где у каждого журналиста была своя кружка и свое мнение. Они могли симпатизировать любой политической партии, но не становились активистами. Это жесткое правило являлось гарантией независимости журнала, который не мог выступать в качестве ставки в политических играх.

После нескольких лет зависимого существования дела «Экспо» наконец поправились — в основном благодаря субсидиям, полученным за беседы со школьниками о вопросах демократии, а также и за репортажи РАКСЕН[11] для ЕЮМС (European Union Monitory Center) о преступлениях расистов и расовой дискриминации в различных областях, к примеру в предоставлении жилья и рабочих мест.

Освободились еще две ставки, из них одна для Стига. Обновилась команда сотрудников. Все они были молоды, но обладали хорошей профессиональной подготовкой, а многие имели уже кое-какой журналистский опыт. Я занималась редактированием репортажей и их переводом на английский язык — эта хлопотная работа приносила нам позарез нужные деньги. Вспоминаю новогоднюю ночь 2002 года, когда мы провозились до утра с материалом, который обязательно должен был выйти 1 января. Многие журналисты ушли праздновать, а мы, «старики», остались, потому что номер надо было сдать в срок.

Все годы борьбы с крайне правыми течениями Стиг писал статьи, выводящие на чистую воду политические партии националистического толка, такие, как «Шведские демократы». Он стремился показать, что речь здесь идет не просто о банде безумцев, проникших в шведское общество со своими теориями и заговорами, а о настоящем политическом движении, бороться с которым следует политическими средствами. И сегодня сам факт, что эта партия просочилась в парламент, свидетельствует о том, что опасения Стига начинают сбываться…

Угрозы

Сделавшись корреспондентом «Серчлайта», Стиг стал жупелом для экстремистов. В 1991 году он, совместно с Анной Леной Лодениус, опубликовал книгу «Правый экстремизм». В книге описаны все группы и партии этого течения, начиная с их корней, партнеров в Европе, скандинавских странах и в США, и кончая методами насилия, которыми они пользуются. Это была первая исчерпывающая работа, посвященная экстремизму. Одна из упомянутых в ней организаций, БАС («Белое арийское сопротивление»), издавала журнал под названием «Сторм» («Шторм»), со страниц которого изливались призывы к насилию, окружаемые неким романтическим ореолом. Семеро из членов этой организации в сумме были приговорены к двадцати годам тюремного заключения за кражу армейского оружия, разбойные нападения и убийства. В следующем году мы были встревожены известием, что сотрудники «Сторма» располагают адресом нашим и Анны Лены. Попасть в списки неблагонадежных к нацистам означало оказаться под ударом. Пока мы думали, как реагировать и как защищаться, тогдашний друг моей сестры сказал нам:

— В конце концов, мы все одна семья. Я наведаюсь к моему дяде, итальянцу, у него есть кое-какие связи в известных кругах, и он поможет решить проблему в корне.

Поначалу эта идея нам понравилась, особенно слова о большой семье. Затем мы призадумались: платить за помощь деньгами здесь невозможно, но в какой-то форме мы же должны будем выразить свою благодарность. И потом, искать преступников — дело полиции. И мы отклонили предложение, сославшись на то, что предпочли бы судебный процесс по всем правилам. Но надо сказать, я была в растерянности. В 1993 году «Сторм» опубликовал фотографии Стига и Анны Лены, с номерами социальной страховки, телефонами, адресами и местом работы. Насчет Стига там было сказано: «Запомните его слова, лицо и адрес… Дать ему продолжать или стоит им заняться?»

В то время кто попало мог добыть фотографию любого из граждан Швеции, явившись в полицейскую службу, ведавшую паспортами. В книге «Девушка с татуировкой дракона» Лисбет Саландер разъясняет, насколько легко собрать о человеке полную информацию: если кто-то фигурирует в базе данных, что для всех обязательно, он быстро попадает в паучью сеть. В следующем томе, «Девушка, которая играла с огнем», самой героине приходится менять место жительства, и она сомневается, стоит

ли: «Если расстаться с этой квартирой, то придется заводить новый почтовый адрес. А Лисбет Саландер хотела как можно меньше светиться и мелькать в каких-то там базах данных».

Стиг прекрасно знал, какими методами пользуются журналисты, мужья, разыскивающие своих жен, сбежавших от домашнего насилия, детективы, а еще экстремисты и преступные группы. За свои угрозы «Сторм» подвергся судебному преследованию и был осужден, но на это потребовалось много времени. В 90-е годы более двенадцати человек погибли от рук преступников, связанных с нацистами. Только в 1998 году полиция безопасности Швеции (СЭПО)[12] зафиксировала более двух тысяч случаев агрессии на почве расизма, за добрую половину которых ответственны группы «белой власти», то есть воинствующие неонацисты.

На двери нашей квартиры значилось и мое имя, а под ним и телефон, поскольку он был зарегистрирован на меня; надо думать, кто-то его списал, поскольку начались анонимные звонки. Мы установили сигнализацию, а в придачу я поставила еще и бронированную дверь. Когда во втором томе цикла «Миллениум» Микаэль Блумквист пытался войти в новую квартиру Лисбет Саландер в доме номер 9 на Фискаргатан, близ Мосебакке, у него перед глазами на дисплее охранной сигнализации шел обратный отсчет времени. Микаэль знал, что, если в течение тридцати секунд не наберет правильный четырехзначный код, сигнализация сработает и очень скоро появятся крепкие ребята из охранной фирмы… Мы со Стигом не раз наблюдали подобную картину, когда, вернувшись с работы, стояли перед входной дверью и не могли заставить замолчать орущую сигнализацию. Мы ее так и называли: «кричалка».

Как-то раз Стиг получил по почте пули, а однажды его подкарауливали у выхода из ТТ. Но по счастью, его успели предупредить, и он покинул здание через запасной выход с другой стороны. Наш автоответчик был постоянно включен и не раз фиксировал угрозы. Их содержание сводилось примерно к одному: «Подонок, ты целуешься с евреями… Предатель, мы с тебя шкуру спустим… нам известно, где ты живешь…»

У шведских нацистов была своя сеть по сбору информации: деятельность такого рода называлась «Анти-АФА».[13] В 1994 году, реагируя на жалобу против «Сторма», полиция изъяла список, включавший более двухсот имен активистов антирасистского движения. Несколькими годами позже экстремисты ополчились на Петера Карлссона и Катарину Ларссон, журналистов из ежедневной газеты «Афтонбладет», давних сотрудников «Экспо». Помимо всего прочего, они

исследовали растущую музыкальную индустрию «белой власти», за счет которой финансировались экстремистские группы во всем мире. Их тогдашняя деятельность способствовала банкротству фирмы «Норланд», выпускавшей диски. Регистрационные данные журналистов были засекречены, однако их подлинные имена, адреса, а также другие сведения в марте 1999 года каким-то образом просочились в Интернет. Спустя некоторое время «Афтонбладет», на основании проведенного ими расследования, опубликовала имена нацистов, за время службы в армии обучившихся владеть оружием и обращаться со взрывными устройствами. Через три месяца, 28 июня, на Петера Карлссона и его восьмилетнего старшего сына было совершено покушение: их машину заминировали. Отец успел вытолкнуть мальчика, и тот получил только легкое ранение, а сам журналист остался инвалидом из-за серьезного повреждения спины.

16 сентября один из профсоюзных деятелей, Бьёрн Сёдерберг, обнаружил, что руководство посадило на его место нациста. В то же время нацистское издание «Инфо 14» добыло из документов паспортных служб фотографии двадцати пяти антинацистов и в их числе Бьёрна Сёдерберга. 12 октября Бьёрн был убит несколькими выстрелами в собственном доме в одном из южных кварталов Стокгольма. Впоследствии полиция изъяла у одного из причастных к убийству список, включавший уже более тысячи фамилий!

Эти события нашли свое отражение во втором томе трилогии: журнал «Миллениум» тоже получал угрозы, и общественная система безопасности также давала сбои, что привело к гибели журналистов Дага Свенссона и Миа Бергман. Все изображенные в романе события так или иначе имели место и произошли с кем-то из шведских журналистов, политиков, прокуроров, профсоюзных деятелей или полицейских. Автор ничего не выдумывал.

Искать виновных долго не пришлось, и их арестовали в 1999 году. Вечером того же дня мне позвонил Стиг: Петер Карлссон предупредил его, что у преступников были изъяты наши паспортные снимки и его фотографии и при этом отнюдь не все фигуранты находятся за решеткой. На прощание он сказал: «Тебе не следует появляться дома». Девятого ноября, когда арестовали последнего из подозреваемых, моя подруга Элеанор вздохнула: «Наконец-то отбой тревоги!»

Все это время Стиг очень волновался за меня, а я за него. В кафе я старалась сесть между ним и дверью, чтобы прикрывать его, но обычно мы избегали показываться на людях вместе. Мои коллеги не знали имени человека, с которым я жила, и на вопросы я уклончиво отвечала: «С одним журналистом». Я никого

не приглашала к себе, с друзьями встречалась вне дома. Стиг же, ничего мне не сказав, возвел вокруг меня целую систему защиты. Так, у него была договоренность с полицией, что в случае любого происшествия на нашей улице туда будут направлены все находящиеся поблизости наряды и сотрудники. Я об этом догадалась, когда после небольшой дорожной аварии возле нашего дома зачем-то собралось множество полицейских машин с мигалками; я тогда еще вышла на балкон и подумала: «Ну вот, делать им больше нечего!»

Конечно, приятного в таком образе жизни было мало, но мы сами сделали выбор. А трудные условия повлияли на многое: в частности, из-за этого мы не заключили законный брак и не обзавелись детьми. Стигу гораздо безопаснее было официально считаться холостяком. Конечно, найти его адрес не составляло большого труда, но на дверях его имя не значилось, а все счета обычно подписывала я.

В 1983 году мы решили пожениться. Купили обручальные кольца в магазине на Регерингсгатан, на которых велели выгравировать «Стиг и Ева», и встретились со священником, чтобы узнать, сколько времени займут необходимые формальности. Он нам разъяснил, что все совсем не так быстро и просто, как нам казалось. Кроме всего прочего, наша профессиональная деятельность снова вторглась в частную жизнь, и мы так и не нашли времени, чтобы оформить документы. Соединенные Штаты оккупировали территорию, которую мы считали «своим островом», Гренаду, и мы провели огромную работу, чтобы осветить, что же там в действительности произошло. Бракосочетание утратило для нас статус приоритета. К тому же Стиг начал сотрудничать с «Серчлайтом», и им стали пристально интересоваться крайне правые. Рисковать было не время. Тем не менее Стиг еще долго носил обручальное кольцо, что и запечатлено на многих фотографиях того времени. К 1990 году он слегка растолстел, и кольцо пришлось снять. Что же до меня, то я своего кольца никогда не снимала, а теперь ношу еще и кольцо Стига.

Отец Стига, Эрланд, все время настаивал на официальном оформлении наших отношений, особенно после выхода в конце 80-х закона об упразднении пенсий в случае смерти одного из супругов, если брак не был заключен до определенного срока. Но безопасность в то время была для нас важнее пенсий, и в итоге мы так и не поженились, как, кстати, большинство семейных пар нашего поколения. Думаю, что нам обоим было не суждено создать нормальную семью. Когда я была маленькая, мне казалось, что мать бросила меня. Конечно, на самом деле все

обстояло куда сложнее, но такой оборот событий явно отразился на том, что я боялась иметь детей. Само собой, мы со Стигом об этом думали, но без малейшей иронии могу сказать, что у нас всегда находились более неотложные дела. Нам хотелось большей экономической стабильности, большей упорядоченности и уверенности в завтрашнем дне… А время шло.

За несколько месяцев до смерти Стиг снова заговорил о свадьбе. Тем более что у нас уже были кольца! На горизонте маячил выход трилогии «Миллениум», и наши материальные условия вот-вот должны были улучшиться. Да и степень риска уменьшалась, ибо Стиг решил нигде больше не работать, только на полставки в «Экспо».

Но на этот раз наши жизненные планы нарушила смерть.

«Миллениум»

В один прекрасный день Стиг не уселся, как обычно, за компьютер, а объявил: «Я собираюсь написать детективный роман!» В то время у него еще не было точных планов, только общие замыслы первого тома, потом еще двух, а потом и еще семи. Он писал эпизоды, которые зачастую друг с другом никак не связывались, а потом просто «пришивал» их друг к другу, повинуясь собственному желанию и ходу сюжета.

В 2002 году, когда мы отдыхали на острове, я заметила, что он слегка заскучал. Я в то время работала над книгой о шведском архитекторе Улофе Хальмане, а он был в простое.

— Тебе что, не о чем писать? — спросила я.

— Нет, но я подумываю о том тексте, который начал в девяносто седьмом году. Помнишь? О старике, который каждый год получал к Рождеству засушенный цветок?

— Конечно помню.

— И я сказал себе: надо бы узнать, что из этого вышло.

Стиг тут же принялся за дело, и мы провели остаток недели каждый за своим компьютером. Перед глазами у нас расстилалось море, под ногами зеленая трава, и мы чувствовали себя совершенно счастливыми.

И моя книга, и первый том трилогии одновременно начали обретать форму.

Если читатели «Миллениума» вообразят, что Стиг был гением информатики, то сильно ошибутся. Он очень долго писал на машинке и только в начале 90-х перешел на компьютер — после того, как я поработала в предприятии, где компьютеры уже взяли на вооружение. В «Экспо» пришлось вызывать команду специалистов, чтобы защитить технику от хакеров: в самой редакции не нашлось умельцев, способных это сделать. И математикой он тоже никогда особенно не увлекался — не в пример Лисбет Саландер, которая во втором томе трилогии настойчиво ищет решение теоремы Ферма и даже находит, а потом теряет к этому интерес. На самом деле Стиг никогда не разбирался в данном вопросе, что чуть не стало причиной его провала на защите степени бакалавра. Вместе со своей героиней он увлекался математикой не как наукой, а скорее как некоей причудливой игрой для ума, бесполезной, но тем не менее завораживающей. Нам достаточно прочесть одну фразу о неведомом, и в нас рождается желание целиком в него погрузиться. Стиг был как губка, он впитывал все без разбору и все держал в голове. Например, описывая одежду своих

персонажей, он не листал каталогов и не задерживался у витрин магазинов. Он видел людей на улицах, и этого хватало. Ему так нравилось. У самого Стига была своеобразная манера одеваться: в нашем кругу многие предпочитали спортивный стиль, но он носил твидовые костюмы, дешевые, но элегантные, и всегда старался подстроиться к обстановке и к тем людям, с кем ему предстояло иметь дело. Эта врожденная элегантность снискала ему славу денди и сноба.

За два года он написал две тысячи страниц, с одинаковой энергией трудясь и над репортажами в «Серчлайт», ТТ и «Экспо», и над романами трилогии. Первый год он работал по вечерам и выходным, ложился поздно, но не позже обычного. Такой режим порой был мне в тягость, но нас обоих спасало то, что мы очень много смеялись. Он работал, потом выходил на балкон выкурить сигарету и снова возвращался к столу. В последний год он писал и в течение дня, в редакции «Экспо», вместо того чтобы заниматься делами. Спал не больше пяти-шести часов: принимаясь за чтение последних написанных отрывков, я видела, что они созданы в три-четыре часа утра. Думаю, «Миллениум» служил ему своеобразным прибежищем.

Стиг был художником по натуре, а потому вечно витал в облаках. Дома для поддержания порядка существовала я, жена художника, зато в «Экспо» царил хаос. Он был хорошим главным редактором, но никуда не годился в качестве директора фонда. Следить за работой фонда, организовывать деятельность сотрудников, обеспечивать средства — все это было не для него. Необходимость в пожарном порядке решать проблемы совершенно его изматывала. После смерти Стига я нашла письмо в адрес спонсоров, с очередной просьбой о финансовой поддержке, датированное 7 ноября и не отправленное, то есть написанное за два дня до приступа. Все обещания оказались пустым звуком, его труд не оплачивался должным образом, и в начале каждого месяца Стиг был вынужден биться за средства, чтобы этот месяц завершить. Но хуже всего было то, что он утратил веру. После увольнения из ТТ выходное пособие быстро растаяло, а надежды на доходность «Экспо» рухнули. Все, во что он верил, обратилось в дым. Но он писал и писал. Работа над романом стала для него лекарством. Он рассказывал о Швеции, какой она была на самом деле и какой он ее видел. Обо всех скандалах, об унижении женщин, о друзьях, которыми он дорожил и которым хотел отдать дань уважения, о Гренаде, которая все еще жила в наших сердцах… У него все шло в дело, каждая мелкая деталь, ибо он обладал воистину слоновьей памятью, держа все в голове и… в компьютере.

Без упорства и увлеченности Стига «Миллениум» никогда не появился бы на свет. Они стали и сердцем, и мозгом, и мускулами романа.

Ценности Стига-журналиста

Стиг много лет работал над тем, чтобы шведская конституция признала Интернет ответственным за публикации в той же степени, что и остальные средства массовой информации. В этом он не преуспел. И сегодня расистские и фашистские сайты, пробуждающие ненависть и распространяющие угрозы, не подлежат преследованию.

В июне 2004-го он поднял этот вопрос в Париже на конференции ОСКЕ (OSCE, Организации безопасности и сотрудничества в Европе), объединяющей 56 государств Европы, Центральной Азии, Канады и Америки. Там проводятся переговоры по политическим вопросам, принимаются решения по поводу горячих точек, предотвращения столкновений, оказывается помощь в урегулировании конфликтов и оздоровлении обстановки. Стиг заявил, что, если оставить Интернет существовать вне всяких законов и ограничений, это будет связано с огромным риском. «Для расистских групп киберпространство — просто мечта, — сказал он. — Создавая свои сайты, они ничем не рискуют». Но полагать, что закон станет самым эффективным средством борьбы, он тоже считал неверным: «Я лично думаю, что законодательство само по себе не в состоянии справиться с пропагандой ненависти в Интернете, и призываю не особенно полагаться на законы». Он считал, что без демократической активности политиков и граждан, часть которых составляют журналисты, законы «скользят по поверхности проблемы». Его очень беспокоило дальнейшее развитие событий в худшую сторону.

Трилогия «Миллениум» повествует о том, как быстро в 80-х и 90-х годах средства массовой информации начинают сдавать свои позиции. Специалисты по журналистским расследованиям прекращают заниматься проблемами общества, а экономические обозреватели играют на руку богатым предпринимателям, рекламируют их, будто звезд шоу-бизнеса, оставляя им возможность спокойно процветать благодаря подставным фирмам, картелям и системе приплат. Стирание граней между журналистикой и бизнесом привело к тому, что многие журналисты сменили профессию и перешли на сторону бывшего противника, чтобы улучшать его репутацию в глазах общественности. В самом начале книги «Девушка с татуировкой дракона» Микаэль Блумквист высказывает схожие мысли по поводу журналиста Уильяма Борга: «…Борг оставил журналистику и теперь работал в информационном отделе

одного предприятия; там он получал гораздо более высокую зарплату…» Сам Стиг никогда не продавался за карьеру или за деньги.

В книгах цикла «Миллениум» нашла отражение вся журналистская этика Стига, в том числе и уважение к читателю. Микаэль Блумквист говорит Хенрику Вангеру: «Какая разница, сколько у нас рекламодателей, если люди не хотят покупать журнал?» Стиг ратовал за поиски истины, за то, что журнал обязан говорить читателям правду, хотя и не может считать расследования своей единственной задачей. Он также был против того, чтобы мучения жертвы насилия удваивались, когда, после всего пережитого, подробности ее личной жизни выставляются напоказ на страницах журналов. Стиг с убийственной иронией приводит газетные заголовки, где Лисбет Саландер и ее подруги фигурируют как «банда сатанисток-лесбиянок». Когда Микаэль Блумквист разгадывает загадку исчезновения Харриет Вангер, перед его совестью встает серьезная дилемма: либо повести себя как журналист и все рассказать, выставив историю Харриет на всеобщее обозрение, либо скрыть истину и промолчать, навлекая тем самым на «Миллениум» угрозу серьезных убытков. После долгой и болезненной внутренней борьбы мораль в нем берет верх над журналистским долгом, и он не публикует материалы. Этот эпизод очень важен для Стига, он действительно хочет сделать его неким посланием. Однако, прочтя первую версию, я с ним не согласилась. В этой версии, когда Микаэль находит Харриет в Австралии, она в ужасе его спрашивает: «Ну а теперь, когда ты знаешь, что я жива, как ты намерен поступить? Тоже меня изнасиловать?» Я полагала, что читатель воспримет последние слова в буквальном смысле и сочтет ее психопаткой, страдающей паранойей. Мы долго спорили на эту тему, потом Стиг сказал:

— Ладно, попытаюсь изменить.

Больше он ничего не добавил, но эту фразу убрал.

В первом томе «Миллениума» Микаэль Блумквист, осужденный за клевету, поскольку не смог доказать обвинения в адрес индустриального магната Ханса Эрика Веннерстрёма, которые выдвинул в своей статье, увольняется с должности ответственного редактора. Он опасается, что «Миллениум» может потерять доверие читателей. Впоследствии, опубликовав доказательства, собранные Лисбет Саландер, он как одержимый проверяет всю информацию. Все это мне хорошо знакомо, ибо я видела Стига в работе. Он считал, что источники

неприкосновенны, и именно поэтому Микаэль Блумквист, отправляясь в полицию после убийства Дага и Миа, стирает из памяти своего компьютера всю информацию о них. Точно так же как после смерти самого Стига ни я, ни кто-либо другой из его ближайшего окружения не стремится предавать гласности содержимое его компьютера. Кроме незаконченного четвертого тома, в нем хранятся имена и телефоны тех, кто поставлял информацию о правых экстремистах. В этом плане конституция Швеции высказывается точно и категорично: источники информации должны быть защищены.

Феминизм

«Миллениум» представляет собой настоящую энциклопедию всех форм насилия и дискриминации, которым подвергаются женщины.

Еще в юности, живя в Умео, Стиг пережил настоящее потрясение, наложившее отпечаток на всю его жизнь. На выходных в кемпинге друзья у него на глазах изнасиловали девушку. С этими друзьями он в дальнейшем не поддерживал отношений и всю жизнь винил себя за то, что не вмешался. Через какое-то время он встретил в городе эту девушку и попытался попросить у нее прощения, но она отвернулась со словами: «Пошел вон! Ты такой же, как все!»

Может быть, в этом происшествии корень феминизма Стига? Во всяком случае, без этого не обошлось. В ходе работы над трилогией Стиг планировал назвать три первых тома «Человек, который ненавидел женщин», однако название сохранилось только за первым томом,[14] и то потому, что автор очень на этом настаивал. Во французском переводе слово «ненавидел» заменили на «не любил».

Когда в 1972 году я познакомилась со Стигом, он уже был отчаянным феминистом и во всем, включая работу, предпочитал женское общество мужскому. Еще в детстве, когда он жил у деда с бабушкой, его лучшим другом была девочка. У женщин Стиг пользовался успехом. Он считал, что женщины обладают большим творческим потенциалом по сравнению с мужчинами и менее при этом озабочены карьерными соображениями. На службе он ровно относился к сотрудникам обоего пола, одинаково им доверял и находил даже приятным быть под началом у женщин. И уж если он обрушивался на «мачо-карьеристов», которые пытались чинить препятствия «дамам Стига», то всегда либо вынуждал их изменить стиль поведения, либо вычеркивал из круга своего общения. Когда в третьем томе «Миллениума», «Девушка, которая взрывала воздушные замки», Эрика Бергер становится главным редактором «Свенска моргонпостен», он очень хорошо растолковывает, какие насмешки и каверзы могут поджидать знающего специалиста-женщину в мужском коллективе. «Речь всегда шла о мелочах. Редакционное совещание внезапно переносилось с 14.00 на 13.30, а ее не информировали, и когда она наконец появлялась, большинство решений уже было принято». Выбранные ею заголовки менялись, а статьи на темы, которых она запретила касаться, оказывались на первой полосе.

Его явная склонность к женскому полу никогда меня по-настоящему не заботила. Ни он, ни я не отличались ревнивым характером и, сказать по правде, смотрели спокойно на увлечения друг друга.

В юности Стиг играл на ударных в джаз-банде, который организовал его друг. Но больше всего он любил рок и по преимуществу рок женский: «Shakespeare», Анни Ленокс из группы «Eurythmics» или Тину Тёрнер. Недаром близкими подругами Лисбет Саландер оказываются девушки из рок-группы «Персты дьявола». Что до меня, то мои пристрастия более разнообразны и простираются от оперы и рока до поп-композиций. Мы слушали разную музыку; впрочем, для музыки у нас редко находилось время.

Домашние обязанности мы делили сообразно склонностям: ему нравилась уборка, мне готовка. Стирку мы оба терпеть не могли и занимались этим по очереди.

Ясное дело, что в трилогии «Миллениум» женщинам принадлежат ведущие роли. Разного возраста, различных характеров и профессий, все они так же упрямы и целеустремленны до одержимости, как и сам Стиг. И так же способны наносить удар за ударом, защищая себя. Стиг не находил никаких оправданий мужскому насилию и говорил об этом устами Лисбет Саландер. Мартина Вангера когда-то насиловал отец, но «У Мартина, как и у любого другого, был шанс дать сдачи. Он сделал свой выбор. Он убивал и насиловал, потому что ему это нравилось». И прибавляет: «Мне просто кажется, что уж больно красиво получается — каждой сволочи всегда есть на кого все свалить».

На создание трилогии Стига особенно вдохновили известия о нескольких случаях, когда женщина становилась жертвой убийства. В 2003-м почти одновременно были убиты Мелисса Нурдель и Фадиме Сахиндал. Под впечатлением этих событий Стиг написал статью для антологии Сесилии Энглунд под названием «Дебаты о преступлениях на почве поруганной чести: феминизм или расизм?» Тело первой женщины было найдено в воде возле причала в Бьёрквике в Ингарё: ее из ревности убил дружок. Второй выстрелил в голову собственный отец, потому что она отказалась выйти замуж за нелюбимого. В Швеции убийство Мелиссы расценили как бытовое, а Фадиме — как имеющее этнические корни, то есть как преступление на почве «поруганной чести», произошедшее в рамках иной культуры. Стиг назвал их «сестрами в смерти», поскольку для него обе они пали жертвами отживших «патриархальных» устоев, не оставлявших женщинам прав распоряжаться собой. Разговоры о «национальных

особенностях» только развязывали языки расистам и уводили следствие с истинного пути. А женщины тем временем расплачивались за преступления мужчин.

В книге о преступлениях на почве «поруганной чести» он писал: «Когда для объяснения подобных трагедий привлекают антропологическую и культурную модель, это обычно приводит к обсуждению формы угнетения, но никогда — к обсуждению смысла. И в Индии продолжают сжигать женщин, на Сицилии убивать их „во имя чести“, а в Швеции бить по вечерам в субботу… Культурная принадлежность вовсе не объясняет, почему во всем мире женщин убивают, мучают, режут и насилуют по ритуальным предписаниям, установленным мужчинами, и не дает ответа, почему мужчины в наших патриархальных обществах притесняют женщин. (…) „Систематическое насилие“ над женщинами — а речь идет именно о систематическом насилии — следовало бы приравнять к насилию по отношению к членам профсоюзов, к евреям или к инвалидам». К большому удовольствию Стига, его точку зрения разделили и восемь других авторов антологии, среди которых было шесть женщин.

Третьей жертвой стала Катрин да Коста, тело которой убийца расчленил. Стига очень взволновала книга об этой истории. Ее автор, Ханна Ольссон, впоследствии говорила мне, что, прочтя его публикацию о преступлениях на почве «поруганной чести», захотела поработать вместе со Стигом. Все случаи насилия, описанные в «Миллениуме», почерпнуты из полицейских отчетов. Доказанные преступления не возбраняется выносить на публичное обсуждение.

В итоге Стиг сделал женщин главными героинями детективного романа феминистского толка. Как еще мог писатель отдать им дань своего огромного уважения? Как еще мог он показать их такими, какими видит: свободными, мужественными и достаточно сильными для того, чтобы изменить мир и отвергнуть роль жертвы. Что же касается убийц, то на их счет все было сказано еще в Библии.

В сердце Библии

Особенная атмосфера, которую Стиг создал в своей трилогии, пронизана суровой моралью и постоянными отсылками к библейским текстам — именно такая атмосфера окружала нас в Вестерботтене, где мы оба выросли. Это весьма необычно для классических детективных романов, но не редкость в книгах наших знаменитых писателей, таких как Пер Улоф Энквист или Торгни Линдгрен, которые тоже родом из пустынных северных районов Швеции.[15]

Организация ЕФС (Евангелическое благотворительное общество), основанная в 1856 году, призывала к обновлению лютеранской веры. Ее основатель, проповедник и писатель Карл Улоф Розениус, был родом из Анесета в Вестерботтене, где выросла моя бабушка с отцовской стороны. ЕФС учит, что каждый христианин должен общаться с Богом напрямую, без посредников, и нести полную ответственность за свои поступки. Эти принципы, разумеется, должны воплощаться в повседневном быту. Религиозная жизнь основывается на самостоятельном изучении Библии, и из этого следует, что сильной стороной данного течения всегда было воспитание паствы. Другой основной задачей ЕФС являлось распространение религиозных текстов. В 1868 году разносчикам подобной литературы было официально разрешено проповедовать. В тех районах, где росли мы со Стигом, их влияние ощущается и в наши дни. По ассоциации с американским движением «Bibl Belt», которое отличается глубокой религиозностью, их так и называли: «Библия на поясе». ЕФС собирала деньги на поддержку проповедников и миссионеров в Африке и Азии. Таким образом, я с детства привыкла к мысли, что мы ответственны за эти части света.

В каждом городе у движения имелись маленькие церкви, где происходили собрания. Однако по причине больших расстояний крестьяне не имели возможности регулярно посещать их, поэтому пасторы и проповедники, зачастую их соседи, сами шли к ним. В доме разрешалось иметь только одну книгу: Библию. Думаю, Библия была даже у деда и бабушки Стига, принадлежавших к коммунистической партии. Они с ней выросли, поскольку до 1996 года все шведы при рождении автоматически становились лютеранами: отделение церкви от государства произошло только в 2000 году. На севере страны, в полях, в лесах и на немногочисленных заводах людям приходилось вести суровую борьбу за существование. Библия помогала обрести мужество и душевное равновесие, и не только в случае болезни или смерти

близкого человека. Для нас со Стигом и речи быть не могло о Новом Завете с его Иисусом, который велит подставить правую щеку, если тебя ударили по левой. Мы были вскормлены на неистовом в своей суровости Ветхом Завете и впитали те представления о жизни, что бытуют в наших краях до сих пор. Здесь не признают аристократии, суда или сословного устройства общества, пользуются услугами нескольких постоянных проповедников и сами себе определяют законы общественной жизни или общего выживания. Именно так, в духе старинных ценностей, нас со Стигом вырастили наши дедушки и бабушки. В нас воспитали моральные правила, почти неизвестные другим представителям нашего поколения. Это можно, а это нельзя — и точка.

Мы оба не были верующими, но, путешествуя, всегда посещали церкви и кладбища. Я зажигала свечи в память об умерших.

В нашей стокгольмской квартире у каждого была Библия, которая, как и Коран, лежала вместе с другими многочисленными книгами. Стиг пользовался своей Библией для подбора цитат, которыми сопровождалось описание убийств в первом томе трилогии. Точнее, к взятому из реальности факту подбирал подходящий стих из Библии, который помогал героям разгадать загадку.

Всегда надо давать сдачи

Стиг был человеком благородным, верным, очень теплым и добрым, но мог и превращаться в свою полную противоположность. Когда кто-нибудь дурно обращался с ним или с кем-либо из его близких, он шел в атаку по принципу «зуб за зуб, око за око». Он никогда не прощал и по этому поводу высказывался достаточно ясно: «Дать сдачи за себя или за друзей есть не только право, но и обязанность». Стиг всегда отплачивал обидчикам, даже если для этого приходилось выжидать годами.

В первом томе «Миллениума» Хенрик Вангер говорит Микаэлю Блумквисту, словно суммируя мысли Стига: «Я научился не лезть в драку, если обречен на поражение. В то же время никогда нельзя давать оскорбившему тебя человеку уйти от ответа. Выбери подходящее время и нанеси ответный удар, когда сам будешь в выгодной позиции…» В последней книге Микаэль разъясняет Андерсу Юнассону, лечащему врачу Лисбет Саландер, что девушке надо помочь, даже если это будет незаконно, ибо во имя морали можно преступить закон. Для Стига Лисбет — идеальное воплощение нравственности, которая побуждает нас поступать согласно нашим убеждениям. Она словно библейский архангел, орудие Божьей мести. Именно так планировал Стиг назвать четвертый том цикла «Миллениум».

В юности в Умео Стиг много дрался. Однажды ему выбили передний зуб, и пришлось вставить золотой. Как-то вечером, довольно много времени спустя, Стиг подстерег обидчика и внезапно на него напал. С тех пор никаких инцидентов ни с этим парнем, ни с кем другим у него не случалось. Воистину, месть требует времени и хладнокровия.

Противоречие между моралью и поступками — основной конфликт трилогии «Миллениум». Своими делами люди или улучшают, или разрушают мир и свой облик в глазах окружающих, но каждый при этом действует сообразно собственным понятиям о дозволенном и недозволенном. Именно поэтому каждый за все отвечает сам.

«Миллениум» позволил Стигу разоблачить всех, кто вызывал в нем отвращение своей подлостью, трусостью, безответственностью, аморальностью и готовностью жертвовать принципами ради выгод. Всех этих «салонных воителей», «бойцов, которым нужен попутный ветер», «рулевых для слабого ветерка» всех лжедрузей, использовавших его в целях собственной карьеры, всех предпринимателей-мошенников. В этом смысле книги Стига служили ему лучшим средством отвести душу.

Адреса «Миллениума»

В книге «Девушка, которая играла с огнем» Стиг описывает, чем занимался муж Эрики Бергер, Грегер Бекман, специалист по истории искусства и успешный художник. «Весь нынешний год он работал над книгой о значении художественного декора зданий и о причинах того, что в одних зданиях люди себя чувствуют хорошо, а в других плохо. Книга постепенно превращалась в яростный памфлет против функционализма…» На самом деле слова Стига можно отнести к моей книге об Улофе Хальмане. Этот архитектор-урбанист, умерший в 1941 году, проектировал для Стокгольма жилые районы, которые учитывали бы особенности местности — скалы, зелень, и состояли бы из традиционных домиков с видом на море. Особое внимание при постройке жилья он уделял озеленению, площадкам для детей и художественной отделке. По мысли Хальмана, городская архитектура должна привносить в жизнь радость и спокойствие. Среда обитания может придавать людям силы, а может и отбирать их.

Я приступила к редакции книги в 1997 году, но вынуждена была прервать работу, когда получила правительственный заказ на исследование вопроса о строительстве дешевого жилья. В 2002 году я решила перейти в консультанты со свободным расписанием, чтобы иметь возможность снова заняться изучением интересующих меня тем. При этом я много времени проводила в библиотеках, архивах и букинистических магазинах. Каждый вечер, возвращаясь домой, Стиг бросал сумку в прихожей и произносил свое неизменное: «Куку! Есть тут кто-нибудь?» Затем он подходил к канапе, где я обычно устраивалась работать, и продолжал: «Ну, что ты обнаружила сегодня? А кофейку не найдется?» И, усевшись рядом, задавал кучу вопросов и очень внимательно меня выслушивал. Поскольку у него не было времени читать каждый новый вариант, я регулярно обсуждала с ним свою рукопись. По субботам я совершала долгие прогулки по районам Хальмана, о которых собиралась писать. Приступив к работе над трилогией, Стиг, как всегда из-за нехватки времени, бегло просмотрел мои записи и попросил разрешения поселить своих героев в те районы, о которых я пишу, разумеется подобрав для каждого подходящий ему вариант. Так, Даг Свенссон и Миа Бергман оказались в Энскеде, в доме 8В по улице Бьёрнеборгсвеген; Кортез на улице Альхельгонагатан в Хельгалундене. А Лисбет Саландер в начале повествования жила на Лундагатан.

А вот жилище Микаэля Блумквиста он поместил в старый Стокгольм, вне районов Хальмана. Мы долго обследовали территорию, прежде чем нашли для него подходящий адрес. Улица Бельмансгатан открывала много возможностей, особенно симпатичным нам показался дом Лауринска, 4–6. Он был выстроен в 1891 году, и с тех пор в квартирах этого кирпичного здания с видом на залив Риддарфьерден обитали многие художники. Но для Микаэля жилье было слишком шикарным, у него не хватило бы средств его оплачивать. Тогда мы остановились на идеальной, как нам казалось, квартире с видом на море, но в ней не было трех выходов, которые позволили бы, по замыслу Стига, трем разным группам одновременно установить слежку за Блумквистом. Стига это очень опечалило. «Не беда, — сказала ему я. — Представим себе, что внизу есть еще дверь (я ткнула пальцем в нужном направлении), и дадим дому вымышленный номер». Его лицо осветилось: «Верно! Так и сделаем!» Однако по неизвестной причине в опубликованной версии эта нумерация исчезла. Надо сказать, что у Стига не было времени прочесть пробную верстку даже первого тома, а сцена слежки за квартирой Микаэля находится в третьем.

В начале первой книги рассказывается, как Микаэль Блумквист, обустраивая свое жилище, закрыл выбоины на стенах акварелями Эммануэля Бернстоуна. Мне всегда очень нравился этот художник, и в то время, когда он еще был никому не известен, я купила одну из его работ на деньги, завещанные мне бабушкой. Вторую я смогла приобрести на наследство, пришедшее на этот раз от мамы. Обе акварели всегда висели у нас в доме.

Работая над книгой, я взяла интервью у дочери Хальмана, которой в ту пору было двадцать шесть лет. Она рассказала мне, что ее отец много путешествовал с художником Андерсом Дорном и писателем Альбертом Энгстрёмом. Все трое выпивали столько пива, что причал перед домом Хальмана в Скарпё был завален пустыми бутылками и катер не мог высадить пассажиров. Этому анекдоту нашлось место в первом томе трилогии, но там с двумя этими деятелями искусства путешествуют Фредерик Вангер и его жена Ульрика.

Стигу так нравилось мое исследование, что он все время повторял: «Вот увидишь, эта работа перевернет твою жизнь». По иронии судьбы получилось, что мою жизнь перевернула не собственная книга, а «Миллениум».

Когда во втором томе Лисбет Саландер, вернувшись из Гренады, начинает подыскивать себе квартиру, это оказывается нелегким делом, хотя она и богата. Стиг тоже потратил немало

времени, чтобы найти для нее новое жилье. На самом деле подходящее место обнаружила я… в своих документах. Поскольку я работала на предприятии «Сканска», меня интересовало все, что касается этой компании. Я собирала информацию о ее деятельности в области строительства и о Перси Барневике, председателе ее административного совета. Стараниями средств массовой информации достоянием публики стало известие об огромной пенсии, которую он получил по итогам многолетней работы в руководстве разных организаций. Меня это интересовало с двух сторон: как горожанку и как наемного работника. Когда Барневик продал свою квартиру на улице Фискаргатан, статья, написанная по этому поводу, тоже осела в моей документации. Вот так Лисбет и поселилась на улице Фискаргатан, близ Мосебакке.

На моих заметках основан разговор двух персонажей, Микаэля Блумквиста и Роберта Линдберга, встретившихся на пристани Архольма. Они обсуждают получение и растрату государственных субсидий крупными предприятиями, такими как «Сканска» или ABB. Результатом этой злополучной беседы стало то, что Блумквист решил заняться махинациями Веннерстрёма и в конце концов был осужден за диффамацию.

Мы также очень хорошо знали все кафе, описанные в «Миллениуме». Одни служили местом наших свиданий после рабочего дня, как кафе «Анна» в Кунгсхольмене, в котором Микаэль в начале действия слушает по радио только что вынесенный ему приговор суда. В других, к примеру в «Гиффи» и «Ява», мы любили отдыхать после походов в художественные галереи на холме Хурнгатсгатан. А кафе-бар на Хурнсгатан, где Блумквист услышал по радио, что человек, покушавшийся на жизнь Лисбет, убит, вообще было местом общего сбора сотрудников «Экспо», ибо находилось в том же здании, что и редакция. Туда мы всегда заходили после посещений любимого книжного магазина, торговавшего феминистской и политической литературой, и ели восхитительные маленькие сэндвичи с сыром из нашего родного Вестерботтена. Кафе «Мельница», где Лисбет знакомится с участницами рок-группы «Персты дьявола», место веселое и шумное, и там подают замечательные фрикадельки. Было время, когда они исчезли из меню, но завсегдатаи запротестовали, и хозяину пришлось их вернуть.

И наконец, к нашим любимым местам, упомянутым в трилогии, относится домик в Сандхамне, куда Микаэль Блумквист удаляется «читать, писать и расслабляться». Мы всегда снимали на лето домик на архипелаге и мечтали построить такой же, но собственный. Он должен был походить на тот, что так

подробно рассмотрела Лисбет Саландер: не более тридцати квадратных метров, обустроенных, как внутренность корабля, с большим окном, выходящим прямо на воду, и широким кухонным столом, где свободно можно было работать вдвоем.

Персонажи

Среди персонажей трилогии имеется немало реальных людей, которых Стиг поместил туда в знак уважения. Другие попали в текст благодаря какой-то своей особенности, привлекшей внимание автора. И наконец, есть персонажи полностью вымышленные, но кажется, что ты их узнаешь, что они существовали на самом деле. К примеру, мне написала одна женщина-врач, пластический хирург, убежденная, что именно она послужила Стигу прообразом доктора Алессандры Перрини, которая увеличивает грудь Лисбет Саландер.

Однако Микаэль Блумквист — вовсе не Стиг Ларссон. Он тоже без конца пьет кофе, курит и непомерно много работает, но на этом сходство кончается. Зато очевидно, что Микаэль воплощает собой образ всеми признанного многопрофильного журналиста, каким Стигу хотелось быть. У него есть свое мнение и своя политическая позиция, и он, как и сам Стиг, в своих суждениях несгибаем и неподкупен.

Можно задать еще такой вопрос: а не является ли Лисбет Саландер женской ипостасью самого Стига? Их явно объединяет пристрастие к нездоровой пище вроде замороженной пиццы или сэндвичей. Лисбет — гениальный хакер, непревзойденный специалист по добыванию информации. У нее фотографическая зрительная память, что позволяет ей с одного раза запоминать сложнейшие тексты, например трактат по астрономии сфер. Я уже говорила о необыкновенной памяти Стига, о его пристрастии к разрушению традиций и ненасытной жажде исследования. Некоторые детали, касающиеся мира хакеров, почерпнуты из книги Брюса Стерлинга «Хакер, которого взломали». У нас дома было много комиксов о Супермене и о Спайдермене, то есть о супергероях, которым Лисбет Саландер вполне могла приходиться младшей сестренкой. Что же до ее загадочности и фантастической предусмотрительности, то Стиг был таким же. Впрочем, как и все сотрудники «Серчлайта» или «Экспо». Им надо было защищаться.

В книге «Девушка, которая играла с огнем» Лисбет Саландер навещает в больнице своего давнего опекуна, Хольгера Пальмгрена. Они играют в шахматы и обсуждают весьма сложную партию, один из вариантов классической партии Ласкера. Стиг и мой брат Бьёрн с самого знакомства в 70-х годах сражались в шахматы. У Бьёрна очень много книг об этой игре, и в их числе

описания партий знаменитого немецкого математика и шахматиста Эммануэля Ласкера. Стиг почти всегда проигрывал, но, поскольку сдаваться вообще было не в его характере, он никогда не отказывался от реванша. Уезжая в 1977 году в Африку, он написал в неофициальном завещании (о нем речь ниже), что, если он не вернется, мой брат должен унаследовать всю его библиотеку научной фантастики.

Многие полагают, что им известен прототип Лисбет Саландер. Одни уверяют, что это журналистка, ранее работавшая в «Экспо». Иоаким, брат Стига, считает, что это его собственная дочь, которая вела с дядей переписку по электронной почте. Впоследствии в интервью он уверял, что вся эта переписка, будто бы случайно, оказалась стертой с жесткого диска ее компьютера.

Но если Лисбет Саландер на кого и похожа, если кому она и обязана своим появлением, то только персонажу по имени Пеппи Длинныйчулок, национальной героине, выдуманной шведской писательницей Астрид Линдгрен. Эта потрясающая девчонка немало потрудилась на ниве уравнивания полов! Она ни от кого не зависит, умеет обращаться с пистолетом, и ей море по колено. Она может поднять на руки лошадь и победить самого сильного в мире человека, Артюра ле Косто. Но прежде всего, у Пеппи свой взгляд на то, что такое хорошо и что такое плохо. Она живет по своим принципам, что бы там ни предписывали законы и чему бы ни учили взрослые. В конце всех приключений она заявляет: «Когда я вырасту, стану пиратом». Однажды вечером, в 1990 году, Стиг вместе с журналистами из ТТ развлекались тем, что придумывали судьбы повзрослевших идолов шведской детворы. Пеппи Длинныйчулок? Из нее вполне могла получиться Лисбет Саландер. Калле Блумквист, юный герой трилогии «Суперсыщик Калле Блумквист»? Чем не Микаэль Блумквист? Пусть читатели решают сами.

Кстати, в Швеции действительно существует женщина по имени Лисбет Саландер, которая живет в маленькой затерянной деревне. Недавно она написала мне, что журналисты пристают к ней с вопросами, не знакома ли она со Стигом Ларссоном. А кончалось письмо так: «Приезжай, попьем кофейку, поболтаем и повеселимся!»

Из женщин, известных мировой истории, Стига интересовали в основном те, что выходили за рамки, предписанные традицией слабому полу. О них он говорит на страницах книги «Девушка, которая взрывала воздушные замки»: это переодетые в мужскую одежду женщины, воевавшие в Гражданскую войну в Америке, это

амазонки, это женщины-полководцы вроде легендарной Боудикки, бившейся за освобождение Англии от римских завоевателей… В ходе наших многочисленных визитов в Лондон в то время, когда там жила моя сестра Бритт, Стиг водил меня на Вестминстерский мост и показывал статую Боудикки, одной из своих любимых героинь.

Эрика Бергер, главный редактор журнала «Миллениум», — образ собирательный. Стиг не случайно поставил на это место женщину. Наоборот, меня удивило бы, если бы он этого не сделал. Эрика весьма компетентна и полностью берет на себя ответственность за своих сотрудников и финансы журнала. В личной жизни Эрика Бергер руководствуется свободными взглядами, с ведома и согласия мужа поддерживает отношения с любовником, она обуреваема желаниями, что создает ей немало проблем.

На образ Аниты Вангер Стига во многом вдохновила моя сестра Бритт. Работая над первой книгой, он как-то спросил ее, хотела бы она, если бы была Анитой, поселиться в Гилфорде, как большинство эмигрантов из Швеции. Она отказалась и заявила, что предпочла бы жить в старом квартале Сент-Олбанс в маленьком чистеньком доме. В Лондоне Бритт проживала в квартире с газовым радиатором, встроенным в каминную нишу. Нам со Стигом хорошо известна подобная аппаратура. Приезжая к моей сестре, мы сразу включали газ, чтобы температура в квартире поднялась хоть чуть выше 15 градусов. А Бритт в конце концов привыкла! В третьем томе порой кто-нибудь из героев, к примеру Мартина Карлгрен или Фрэнк Эллис, ссылается на узкоспециальные медицинские журналы, такие как «Нейчур» или «Нью Ингланд джорнал оф медисин». Именно в этих журналах рылась Бритт, проводя очередные научные изыскания. Она часто рассказывала нам о статьях, которые ее заинтересовали, и поэтому Стиг так хорошо знал эти издания.

Если Стиг давал персонажу имя реального человека, его профессию и характер, значит, он испытывал к этому человеку особые чувства. Он не был лично знаком с боксером Паоло Роберто, весьма известным в Швеции. В юности, в 1980 году, Паоло Роберто считался правонарушителем, затем стал знаменитым спортсменом, а в 1987 году сделался кинозвездой, сыграв главную роль в фильме Стаффана Хильдебранда «Стокгольмская ночь». Нынче он исполняет роль повара в телешоу, где его итальянские тетушки, не стесняясь, вырывают у него из рук ложку, которой он неправильно мешает томатный соус. В Паоло Роберто Стигу особенно нравилась прямота и непредсказуемость. Он мог быть неподражаемым «мачо», а в

следующую минуту горячо вступаться за равенство полов! В 2002 году он едва не вошел в парламент, но на выборах оказался лишь вторым. Зато получил место на страницах «Миллениума».

Психиатр Сванте Бранден, который в третьей книге поддерживает Лисбет Саландер наперекор другому психиатру, Петеру Телеборьяну, наш старый друг. Я уже рассказывала, что снимала у него комнату, приехав в Стокгольм в 1977 году, еще до того, как Стиг нашел работу на почте и переехал ко мне. Как и мы, Сванте выступал против любых форм насилия и дискриминации. Будучи психиатром, он лучше, чем кто-либо, понимал истинные мотивы человеческого поведения и не позволял ввести себя в заблуждение всяческими попытками оправдаться. Решив отдать ему дань уважения, Стиг поместил его среди героев «Миллениума». Уже после смерти Стига, когда его отец и брат начали борьбу за духовное, интеллектуальное и материальное наследство (об этом речь пойдет позже), Сванте перестал считать это честью для себя и написал Ларссонам:

> Являясь специалистом по судебной психиатрии, я всячески приветствовал возможность поддержать своим именем законность и мораль. То, что Стиг вывел в книге персонаж с моим именем, — честь для меня. Однако после его смерти вы, Иоаким, извлекаете выгоду из книги Стига и тем самым используете мое имя без моего согласия. Ваши более чем странные заявления в прессе по поводу Стига и Евы, несомненно, будут поддержаны законом, но они свидетельствуют о морали рвача и о продажной ловкости спекулянта. Вот почему я требую, чтобы вы немедленно изъяли мое имя из книги Стига и перечислили мне компенсацию за использование моего имени и профессионального статуса в корыстных целях.
>
> Учитывая, что сам Стиг выражал желание видеть мое имя в своей книге, требования мои очень скромны: я хочу получить компенсацию в сумме 32 крон. Кроме того, еще по кроне в год за то, что вы не пришли к согласию с Евой. Таким образом, вы должны мне 36 крон. Деньги можете перевести на мой счет в Торговом банке.

Ларссоны отправили ответ в редакцию «Контррасследования», серьезной передачи, посвященной журналистским расследованиям, и письмо было опубликовано на ее сайте. Сванте же разрешил опубликовать свое письмо на сайте национального канала СВТ. В своем послании брат Стига

иронизирует по поводу оказания мне психиатрической помощи и в той же иронической форме предлагает затребовать компенсацию за добрые дела…

В первоначальном варианте текста врача, оказавшего Лисбет Саландер первую помощь в Сальгренской больнице Гётеборга, звали Андерс Якобссон. Он сделал операцию, извлек пулю из мозга и тем самым спас жизнь девушки. На тех страницах романа, где описывается пребывание Лисбет Саландер в больнице, он навещает ее, общается с необычной пациенткой, помогает переправить ей карманный компьютер и тем самым обеспечить Лисбет выход в Интернет. Мы действительно знали такого человека и дружили с ним еще с 70-х годов. Уже после смерти Стига, когда его отец и брат поменяли отношение ко мне, не желая признавать меня его вдовой, на Пасху 2006 года Андерс встретился с Эрландом в супермаркете Умео и выложил тому все, что о нем думает. После этого случая Ларссоны потребовали от издательства «Норстедт» изменить имя Андерса Якобссона, и персонаж стал Андерсом Юнассоном. Теперь в последней книге трилогии действует Андерс Юнассон; о факте этой замены упоминали представители издательства и сами Ларссоны в телеинтервью для выпуска «Миллионы Миллениума» передачи «Контррасследования». Андерс Якобссон незамедлительно отправил письмо в адрес одного из журналистов. Ознакомиться с письмом можно на сайте CBT. В нем сказано следующее:

> Дорогой Фредрик Квистберг.
>
> Издательство «Норстедт» уже подтвердило, что рукопись Стига Ларссона подверглась изменению еще до публикации.
>
> Важной частью замысла Стига Ларссона было перемешать реальные персонажи с вымышленными. При содействии редакции «Норстедт» Эрланд и Иоаким Ларссоны вторглись в рукопись и изменили имена некоторых персонажей заключительного тома.
>
> Речь идет о грубом вмешательстве в текст произведения Стига Ларссона и в его замыслы. (…) В интервью Эрланда Ларссона «Контррасследованиям» ясно сказано: «Называйте как хотите, мелочностью или мстительностью, но так было решено».
>
> Стиг Ларссон более тридцати лет прожил в гражданском браке с Евой Габриэльссон. Но Эрланд и Иоаким Ларссоны завладели наследством Стига Ларссона, в том числе и авторскими правами на его

произведения. Закон служит прикрытием глубоко безнравственным поступкам. Для всех друзей Стига Ларссона аморальность поведения его официальных наследников очевидна. Возмущение Эрланда Ларссона по поводу моих замечаний говорит о том, что данный предмет ему небезразличен. Несомненно, это доказывает, что Эрланд Ларссон прекрасно знает, насколько несправедливым выглядит лишение Евы Габриэльссон прав на наследство ее друга Стига Ларссона. (…) Я знал Стига со времен нашей учебы в лицее в Умео. Более тридцати лет мы были близкими друзьями. На этом основании я могу подтвердить, что Стиг никогда не согласился бы ни на искажение своих текстов, ни на лишение его подруги Евы Габриэльссон прав наследования. Если бы Стиг был жив, он не пожалел бы усилий, чтобы положить этому конец. И в средствах бы себя не ограничивал.

Сердечно Ваш

Андерс Якобссон.

В нашем со Стигом пантеоне есть еще одна героиня «Миллениума»: женщина, которая спасает Джоя Рахмана. Во втором томе Микаэль и инспектор полиции Ян Бублански ведут жесткую дискуссию о том, виновна или нет Лисбет Саландер в убийстве Дага Свенссона и Миа Бергман. Блумквист вспоминает о хорошо известной в Швеции судебной ошибке в деле Джоя Рахмана. Его приговорили к тюремному заключению за убийство пожилой женщины. Он так навсегда и остался бы за решеткой, если бы учительница из школы, куда ходили его дети, не посвятила несколько лет тщательному расследованию. Мы со Стигом были знакомы с этой женщиной и наблюдали за ходом ее работы, за ее гневом и борьбой. Нас поразило то, какие проколы в работе шведского правосудия ей удалось выявить, и все более восхищались этой упорной женщиной, которую ничто не могло сбить с пути. Она добилась, чтобы провели новые анализы, и с помощью нового адвоката, психиатра, тюремного священника и одного из журналистов собрала достаточно доказательств невиновности Рахмана. Его освободили после восьми лет тюрьмы. В 2003 году им присудили премию за демократию. Эта учительница полностью заслужила свое место в «Миллениуме».

Гренада

Действие сотни первых страниц книги «Девушка, которая играла с огнем» разворачивается на Гренаде, где Лисбет Саландер собирается задержаться надолго. Почему именно Гренада? Потому что Гренада была нашим островом. Это длинная история.

В начале 80-х годов мы случайно прочли в журнале Четвертого интернационала статью про гренадцев. Там очень забавно рассказывалось о том, как изгнанный диктатор Эрик Гейри стал посмешищем для всей страны, рассуждая о своих связях с пришельцами из космоса, в которых свято верил. И Гренада, находящаяся где-то на краю света, завладела нашим воображением. Похоже было, что народ там с юмором и представляет собой сумасшедшую смесь социал-демократов и троцкистов. Лето 1988 года мы провели на этом острове, где дремлет вулкан и джунгли вплотную подступают к дорогам. Из Люксембурга мы, как и Лисбет Саландер, вылетели на Барбадосские острова, а там сели на маленький самолет. Пилот оказался очаровательным антильцем, с волосами, заплетенными во множество косичек. Он мастерски посадил машину на узкую полоску земли между горами и морем. Перед нами предстал морской пейзаж с лодками у пирса; можно было долго брести вдоль бухты по пляжу с мелким, как пыль, песком и любоваться стайками разноцветных рыб.

Однако мы прилетели сюда не отдыхать, а писать обо всем, что видим, и достаточно быстро добились встречи с политиками. В Министерстве туризма нам объяснили, что в стадии обсуждения находится проект экотуризма: планируется строительство небольших отелей, вписывающихся в ландшафт, с питанием на основе местных продуктов и в традициях местной кухни. Правда, стоить подобный отдых должен был весьма недешево, но мы сочли это оправданным: ведь Гренаде, как и остальным островам Карибского архипелага, приходилось ввозить почти все, начиная с автомобилей и кончая туалетной бумагой. Идею установить двухступенчатую систему высоких цен мы сочли справедливой. Туристы и наиболее зажиточные жители острова могли бы выбирать размер выплат сообразно своим возможностям и желанию помочь населению. Эта концепция, конечно, была весьма далека от реальности, но зато давала такой простор воображению!

Будь наша воля, мы бы остались здесь на долгие годы, но пришлось возвращаться. Дома мы связались с комитетом по поддержке Гренады. Ее консул в Швеции, Элеанор Райпер, стала

нашим близким другом. Мы много развлекались вместе, гренадцы — люди веселые, любят праздники и не обременяют себя грандиозными теориями, как некоторые наши друзья. Мы создали иллюстрированный журнал и, чтобы собрать средства для кооперации острова, не ходили по домам, а организовывали платные балы, где все танцевали и тем самым участвовали в политической жизни Карибов. Веселый способ делать политику!

Осенью 1983 года в Гренаду вторглись Соединенные Штаты. В то время мы со Стигом оба работали в ТТ и быстро узнали эту новость. И я вспомнила, что, когда Советский Союз вторгся в Чехословакию, мой отец, журналист, решил обзвонить отели и таким образом получил множество свидетельств. Его газета, единственная в Швеции, опубликовала тогда материал по горячим следам. Благодаря Элеанор, у которой был телефонный справочник, мы со Стигом сделали то же самое, и ТТ стало единственным из СМИ, кто поместил интервью с очевидцами событий. Узнав, что на нашем острове высадились более десяти тысяч американских солдат, я расплакалась. Швеция уже больше двухсот лет не знала войны, и мне казалось, что все сто десять тысяч жителей Гренады непременно погибнут.

Во второй книге трилогии есть описание вторжения и падения правительства Мориса Бишопа, харизматического лидера движения НДМ[16] Оно стало плодом нашего личного знакомства с островом и полученных нами впоследствии сведений. Упомянуть Гренаду означало для нас отдать дань уважения тем людям, которые столько для нас сделали и с которыми нам было хорошо.

Искусство мореплавания

Не случайно толчок событиям, изменившим жизнь Микаэля Блумквиста, был дан именно на яхте. Живя в стране, имеющей тысячи островов и более двух тысяч километров береговой линии, трудно быть в стороне от всех морских дел.

Архипелаг Стокгольма самый большой, и мы со Стигом каждый год отправлялись открывать новые острова. На севере, где мы оба родились, предпочитают ходить на веслах, парусный спорт там считается занятием для снобов. Поэтому прежде чем пуститься в плавание, в ходе которого можно потерпеть кораблекрушение, утонуть или быть сброшенным за борт поворотом гика,[17] мне удалось убедить Стига быстро освоить управление парусом. Со времени службы в армии Стиг обожал изучать карты, я же предпочитала стоять на руле. Мы менялись, но, когда портилась погода, я занимала свое место. Начали мы с покупки подержанного моторного катера под названием «Жозефин» — восьми с половиной метров в длину и с отделкой красного дерева. Его построили в 1954 году, как раз в год рождения Стига. Когда же мы собирались выйти под парусом, то фрахтовали другое судно. Наш дуэт действовал на редкость слаженно, в полном взаимопонимании. Однажды, при сильном порыве ветра, у нас сломался гик. Под изумленным взглядом Элеанор мы со Стигом быстро устранили поломку, закрепив гик с помощью армейских ремней, и при этом не обменялись ни единым словом.

«Жозефин» стояла в порту Орста, куда Микаэль в первом томе отправился повидать бывшую жену и дочь Перниллу, чтобы поздравить их с Рождеством. Мы столько раз ездили туда-сюда, чтобы выбрать и купить «Жозефин» — надо сказать, мы не стали ее переименовывать, ибо это приносит несчастье, — что прекрасно изучили место.

Когда Лисбет Саландер собирается проучить Пера Оке Сандстрёма, поганца журналиста, информатора Дага Свенссона, она едет за всем необходимым в магазин «Ватски», на улицу Эрстагатан в Стокгольме. В этом магазине мы покупали все, что было нужно для мореплавания. Особенно мне запомнился якорь с цепью, который весил не меньше тридцати килограммов и который я тащила на себе через лес в Орста до самой «Жозефин».

Лисбет связывает Сандстрёма морским узлом, кабестаном. Этот узел мы целые вечера напролет завязывали и развязывали, чтобы наловчиться как следует. А маленькие бинокли «миноlта», дающие восьмикратное увеличение, мы всегда таскали в

карманах, чтобы отмечать точки на береговой линии и не сбиться с пути.

Мы избороздили воды всего архипелага до самого Архольма, где Блумквист повстречался со старым приятелем, который и навел его на мысль заняться делом Веннерстрёма. Этот порт переполнен именно так, как о нем рассказывает Стиг. Суда действительно трутся бортами, чтобы втиснуться на стоянку. Я никогда не понимала популярности этого места, поскольку там водились огромные комары, раза в два крупнее обыкновенных, которые вечерами и ночами с аппетитом угощались посетителями.

Гнусный Нильс Эрик Бьюрман, адвокат, ставший опекуном Лисбет Саландер после Хольгера Пальмгрена, владел домиком в Сталлархольмене. В этом уголке мы часто останавливались, на своем моторном катере обследуя озеро Меларен.

Когда Гуннар Бьёрк, приятель Бьюрмана и шеф иностранной бригады СЭПО, в третьем томе ищет, где бы спрятаться, он бежит в Ландсурт, в оборудованный под отель старый маяк. Много лет подряд мы осенью ходили на юг архипелага, в направлении Ландсурта, и неизменно должны были отказываться от задуманного маршрута по причине скверной погоды. Каждый раз мы за несколько часов борьбы со свинцовым морем и встречным ветром преодолевали совсем небольшое расстояние и бывали вынуждены повернуть назад. Раздосадованные, однажды мы отправились туда летом, чтобы хоть раз посмотреть на остров, заказали комнату в отеле и прожили там несколько дней.

В третьем томе романа у Микаэля возникает связь с Моникой Фигуэролой, красавицей, инспектором полиции, которая работает в СЭПО над досье Лисбет Саландер. Он идет ее встречать к парому на пристань в Сандхамне, где у него есть летний домик. В тот же вечер они обедают вдвоем на веранде. Расспрашивая Микаэля о природе его отношений с Лисбет, Моника следит глазами за тем, как в порт на моторной тяге заходит парусник «Амиго 23» с зажженными навигационными огнями.

Стояла осень, и цены на апартаменты упали, но мы, махнув рукой на нехватку денег, все-таки зафрахтовали этот очаровательный парусник с великолепной внутренней отделкой из ценных пород дерева. Он был очень остойчив, но тяжел и двигался медленно, особенно при попутном ветре, который дул нам в корму по много дней. Я стояла на руле и ворчала: какого черта мы взяли это корыто, за которым будто все время якорь тянется! И так было, пока ветер не задул нам в нос. К нашему изумлению, «Амиго 23» внезапно преобразился — встрепенулся, обрел горделивую осанку, надул паруса и начал рассекать воду.

Маневренность его была такова, что на нас не падало ни единой капли воды. Это было такое наслаждение! Я гладила его по бортам, чтобы поблагодарить и ободрить. Но он был в своей стихии и в нас не нуждался. Изумленные и даже не промокшие, мы в два счета добрались до оконечности острова. «Амиго» просто очаровал нас: он явно заслужил свое имя.[18]

Потому Стиг и вспомнил об этом паруснике, подарившем нам необыкновенные, волшебные мгновения.

Вокруг недвижимости

Банковский и жилищный кризис, о котором беседуют Микаэль Блумквист и Роберт Линдберг в начале первого тома, разразился в 90-е годы, и мы со Стигом, к несчастью, знали о нем не понаслышке.

Кризис, затронувший все индустриально развитые государства, в Швеции оказался особенно тяжелым. После спекулятивной атаки на крону Банк Швеции вынужден был пойти на девальвацию, что вовсе не помогло банкам, и без того находившимся в затруднении, ликвидировать задолженности.

Головокружительный подъем процентов ссуд, новые налоги и сокращение дотаций на строительство… Жилищный сектор рухнул, многие предприятия закрылись или начали производить большие сокращения. Я тогда потеряла работу, и для нас наступили трудные времена.

Осенью 1992 года, рассказывает Блумквист, «у меня как раз были взяты на квартиру займы с плавающими процентными ставками, а в октябре ставки центрального банка взлетели до пятисот процентов. С меня целый год тянули ренту в девятнадцать процентов».

В Швеции со многими случилось нечто подобное, и нас это тоже коснулось. По счастью, мое выходное пособие частично возместило те дополнительные сто тысяч крон (десять с половиной тысяч евро), что мы должны были заплатить в тот жуткий год, чтобы не лишиться жилья, ибо двумя годами раньше мы купили квартиру в старом рабочем квартале на западе Стокгольма. Она располагалась на последнем этаже в доме без лифта и имела площадь в пятьдесят шесть квадратных метров. Это была наша первая квартира, и я до сих пор в ней живу.

В 1996 году правительство Швеции было обеспокоено ситуацией с жилищным строительством: кроме дорогих кооперативных домов, с 1992 года больше ничего практически не появлялось. Парламент занялся широким изучением проектов быстрого и удешевленного строительства, а также поисками кардинальных средств, чтобы сделать строительный сектор более продуктивным и менее затратным. Я подала просьбу включить меня в звено управления, занимавшегося снижением стоимости строительства, и она была удовлетворена. С 1997-го по 2000 год я день и ночь корпела над теми самыми вопросами, которыми занималась много лет для себя, ибо они были мне близки. И вот наконец-то я взялась за это по долгу службы и за жалованье! Было

чему порадоваться. Мое исследование заняло около двух с половиной тысяч страниц, и его материалы нашли широкое применение в последнем томе трилогии. Стигу не хватало времени его прочесть, я в течение трех лет каждый день пересказывала ему свой опус. Некоторые детали были очень комичны и поучительны.

«Ты собираешься писать статью об унитазах!» — восклицает Малин Эрикссон, временно исполняющая обязанности главного редактора «Миллениума». Она не может поверить, что Хенри Кортез, специалист по расследованиям, хочет разместить в их серьезном журнале материал на такую легковесную тему. Но тем не менее! Строительные компании не видели ничего смешного в принципах образования цен на унитазы и крышки к ним, заказы на изготовление которых размещались в азиатских странах, в частности в Таиланде. Юмористическое описание природы цен и метода их становления, сделанное Стигом, немало позабавило моих коллег по управлению. Они сразу узнали нашу работу.

В 2000 году разразился скандал вокруг производителей гудронаторов, котлов для разогрева битума. Оказалось, что в течение многих лет производители клали себе в карман солидные суммы, непомерно взвинчивая цены на обыкновенные работы по содержанию дорог во всей Швеции. Хуже того, в этом деле было замешано Национальное дорожное управление, что заставило тогдашнего министра промышленности заявить о «затруднительной ситуации». Мы со Стигом отреагировали, написав текст, который я подписывать не стала, ибо тогда мы старались не давать повода связывать нас друг с другом. Статья под названием «Затруднительная? Преступная!» появилась в вечернем выпуске «Афтонбладет». Она имела серьезные последствия, поскольку общество потребовало денежную компенсацию издержек налогоплательщиков и цены упали более чем на 25 процентов.

Такой результат укрепил нас в решении и дальше работать над этими материалами.

На пути к публикации

В тот день осенью 2003 года, войдя в дом, я изумленно вскрикнула: «Не может быть!»

Я ходила на почту, где мне вручили обратно коричневый пакет с рукописью первого тома трилогии, которую Стиг отослал летом в издательство «Пират».

— Они даже не удосужились за ним приехать! — вырвалось у меня.

Стиг очень удивился:

— Когда я им звонил, они сами попросили выслать рукопись.

— Это нельзя так оставлять! Позвони еще раз и скажи, что я привезу ее лично.

Спустя несколько дней я под дождем отправилась в Старый город[19] с рукописью все в том же коричневом пакете. Это был в буквальном смысле слова кирпич. Уж в этом я кое-что понимала! Порой по вечерам, совершенно измотанная за день, я одним махом прочитывала последнюю версию, растянувшись на кровати с карандашом в руке, а потом, задремав, сполна получала по физиономии выпавшей из рук тяжелой пачкой бумаги.

Любезная блондинка приняла у меня пакет, и я смогла заверить Стига, что отныне рукопись находится на чьем-то письменном столе.

И никаких известий. Прошло несколько недель, прежде чем Стиг решился позвонить в издательство. И ему объяснили, что «Пират» романом не заинтересовался.

— Им же хуже, — сказала я. — Твоя книга великолепна, придет день — и ее опубликуют, а пока, поскольку они явно не удосужатся узнать твой почтовый адрес, я сама пойду и заберу ее!

В тот же вечер, незадолго до полуночи, после обычного «что новенького?» мы оба взглянули на рукопись. Она осталась в таком же виде, в каком мы ее отдали: ни складочки, ни загнутого уголка, ни следа от пальца на странице… Было очевидно, что папку даже не открывали. Стиг вздохнул:

— Ничего не понимаю! — и прибавил: — Ну и черт с ними! Наплевать! Хочешь кофе?

— Кофе готов.

После смерти Стига, когда роман уже вышел, мне позвонила потрясенная дама из «Пирата», которая принимала у меня пакет. Она рассказала, что из-за нехватки сотрудников очень многие рукописи остаются непрочитанными.

Итак, первый том цикла «Миллениум» пока не нашел

издателя, и Роберт Ашберг, ответственный за публикации в «Экспо», отослал экземпляр рукописи в издательский дом «Норстедт». Однако для Стига, чрезвычайно чувствительного к несправедливости и тогда работавшего вместе с Сесилией Энглунд над антологией о преступлениях на почве «поруганной чести», существовали вещи поважнее. Потом я нашла адресованное Стигу письмо, датированное мартом 2004-го, в котором издательство «Хьяльмарсон и Хёглунд» извещало, что согласно опубликовать первый том «Миллениума», но только после серьезнейшей стилистической редакции. Стиг не ответил, тем более что весной 2004-го книга была принята издательством «Норстедт». Я удивилась, получив электронное письмо от одной из наших знакомых, где говорилось: «Позвони Стигу и порадуй его: он, конечно, не от мира сего, но он так этого заслуживает!»

С апреля месяца я начала работать в Фалуне, в Шведском центре, в двухстах пятидесяти километрах от Стокгольма. После многолетних трудов по внедрению экологически чистых и эффективных методов в строительстве у меня появилась наконец возможность перейти к осуществлению своих проектов. В Фалуне, административном центре лена Далекарлия, я напрямую сотрудничала с местными строительными предприятиями и в Стокгольм приезжала только на два дня в неделю. В один из уик-эндов Стиг сообщил, что подписал контракт на издание трех томов с авансом в 591 000 крон (около 64 000 евро). В письме, сопровождавшем контракт, «Норстедт» разъяснял, что Стиг может, как поступают многие авторы, создать компанию, на чей счет будет переведен означенный аванс. В случае согласия администратор «Норстедт» вызвался ввести его в курс дела относительно всех положительных и отрицательных сторон различных форм подобного предприятия. Стиг загорелся этой идеей и сказал, что «Норстедт» может помочь с созданием компании, соучредительницей которой буду числиться я. Полагаю, именно по этой причине ему тогда не выплатили аванс в 591 000 крон, хотя принято переводить авансы сразу. Зная, до какой степени он несведущ в подобных делах, я подумала, что издательский дом не случайно предлагает подобную помощь авторам — ведь, наверное, все писатели витают в облаках, как и сам Стиг. Может, он не понял как следует, что говорили в «Норстедт»? Может, ему просто давали совет, но не собирались основывать компанию за него? Как бы там ни было, отныне все полученное сверх наших зарплат — за статьи, репортажи, за авторские права на мою книгу о Хальмане — мы переводили на счет компании. Стиг объяснил, что при этом отпадает надобность во всякой бумажной волоките, например в завещаниях, ибо мы

являемся владельцами компании на паритетных началах и в случае смерти одного из нас все переходит к другому.

Позже я сверила эту информацию с законодательством о наследовании. Она подтвердилась, и очень хорошо, что юрист познакомил с ней Стига, который в этой области ничего не понимал.

Время от времени я спрашивала его, где же учредительные документы и устав компании, и он отвечал, что все в процессе и никакой срочности нет.

Когда Стиг обрел уверенность в том, что его груд опубликуют, для нас начался чудесный период, от которого у меня остались самые лучшие воспоминания.

Когда я в четверг вечером возвращалась в Стокгольм, Стиг уже ждал дома с обедом. Готовил он сам, и обычно простые блюда, например котлеты с зеленой фасолью. Казалось бы, деталь незначительная, но на самом деле это не так. Стиг наконец осознал важность нашей семейной жизни. Он поменял и свои пищевые пристрастия: с фастфудом, сэндвичами и пиццей было покончено, он впервые начал заботиться о своем здоровье и даже купил «Омега-3»![20] А я вновь обрела человека, которого знала с девятнадцати лет. После кризиса, после ухода из ТТ и трудностей руководства «Экспо», связанных с отсутствием поддержки, он наконец вздохнул свободно. Его книги готовились к печати, и его оценили по достоинству.

За тридцать два года совместной жизни мы никогда не расставались надолго, и потому снова увидеть друг друга после недельной разлуки было настоящим счастьем. Стиг предупредил друзей: «Выходные я хочу проводить с Евой». То, что он поставил меня на первое место, а «Экспо» на второе, было настоящей революцией.

Мы постоянно друг над другом подшучивали, и в самые трудные годы тоже, но это время было для нас по-настоящему веселым и счастливым.

Мы строили кучу проектов.

Он решил покинуть пост главного редактора в «Экспо» и остаться там на полставки. Когда закончится мой контракт в Фалуне, я тоже подыщу себе должность на полставки, чтобы у нас была возможность работать вместе, соединяя мои знания с его талантом, и создавать новые книги. Нам хотелось обратиться к сюжету, который еще никто не разрабатывал: о строительном деле. А то всего только и есть, что статья о гудронаторах!

Мы думали, что «Миллениум» будет иметь успех в скандинавских странах, а может быть, и в Германии. В наших глазах эта известность сама по себе должна была послужить для

Стига защитой. Тогда мы сможем вместе показываться на людях, а заработанные деньги помогут улучшить систему охраны нашей квартиры.

Итак, Стиг решил, что отныне семейные дела становятся главными. По его плану деньги от первых трех томов «Миллениума» пойдут на улучшение нашего быта и погашение оставшейся части кредита в 440 000 крон (46 000 евро) за квартиру. Деньги за четвертый том мы планировали вложить в «Экспо», чтобы больше не заботиться о финансировании и обеспечить газете прочность позиций. Доход с пятого тома пойдет на создание кризисных центров для женщин, подвергшихся насилию. А о последующих томах у нас будет время подумать.

Стиг очень уставал, и в этом не было ничего удивительного: он дорабатывал книгу для издательства «Норстедт», продолжал работу в «Экспо» и еще читал лекции. В июне он отправился в Париж в составе шведской делегации от Министерства юстиции на совещание, посвященное разжиганию в Интернете ненависти и призывам к насилию.

Как я уже говорила, нашей заветной мечтой было обзавестись собственным домиком на одном из островов, маленьким «творческим шале», куда можно было бы регулярно отправляться поработать. Благодаря изданию первой книги мечта становилась осуществимой. В нашем представлении домик виделся не столько конкретным местом, сколько символом новой жизни. Критерии выбора были очень просты. Стигу требовались кофе и газетный киоск поблизости. А мне — чтобы домик был прост в содержании и находился в местности со здоровым климатом. Также мы оба хотели, чтобы там имелось два диванчика. Почему? В доме с одним диваном борьба за спальное место доходила до смешного. Правда, можно спать валетом, но тогда, если один вставал, другой мгновенно занимал все свободное пространство или, еще того хуже, захватывал место у стенки. Другое непременное требование — домик должен быть выкрашен в серый цвет, а не в кирпично-красный, как большинство шведских построек. Мы мечтали, что на скатах крыши вырастет очиток, который будет цвести и его мясистые листья будут защищать нас от ветра и давать тень в жару. Мне хотелось при строительстве использовать новые технологии, такие как каучуковые изоляторы при закладке фундамента. Всю неделю каждый из нас обдумывал и рисовал свой проект нашего будущего рая, а по выходным мы их сравнивали. Параллельно с этим мы подыскивали место под застройку. Осенью я сделала на компьютере окончательный эскиз нашего домика, чтобы выслать его предприятию, специализирующемуся на строительстве без вреда для

окружающей среды, и составить смету. Кроме наших заветных двух диванов там было предусмотрено и место для гостей.

Последнее лето нашей жизни со Стигом сильно отличалось от всех предыдущих. Поскольку у нас нашлось свободное время, решили навестить всех друзей. После смерти Стига мы очень радовались, что этот план не был отложен на следующий год. Я превратилась в настоящее туристическое агентство в одном лице и занималась организацией маршрутов, транспорта и размещения. Моя сестра Бритт сопровождала нас в Сканию, в Гётеборг и на острова Костера. Только во время этого путешествия я поняла, насколько Стиг устал. К примеру, когда мы с Бритт отправлялись на прогулку, он, против обыкновения, оставался в гостинице и читал газеты. Но никаких особых поводов для тревоги его состояние не давало. В середине августа он отпраздновал свое пятидесятилетие, и сестра хотела в подарок оплатить ему полное медицинское обследование. Но поскольку обращаться к врачам, пока не заболеешь, было не в наших привычках, мы все трое предпочли на эту сумму купить считывающее устройство для компьютера. О чем два месяца спустя горько пожалели.

В то лето мы со Стигом, как обычно, завершили путешествие в маленьком домике на острове Стокгольмского архипелага.

В конце августа, вечером, когда мы устроились на своем диване, он вдруг робко спросил, словно боялся, что я откажу:

— А что, если нам наконец пожениться?

Я пришла в восторг, но от удивления немного смутилась. Мы договорились, что осенью устроим грандиозный праздник по поводу нашего пятидесятилетия и объявим друзьям, что на самом деле это наше свадебное торжество. После путешествия в Лиссабон в 2001 году мы берегли на пятидесятилетие бутылку портвейна «Куинта до Новал 1976». Но ни на праздник, ни на свадьбу времени у нас не оставалось. Эта бутылка попадет в квартиру Лисбет Саландер во втором томе «Миллениума». Она и сейчас стоит у меня на кухне. Я никогда ее не открою.

В это последнее лето вокруг нас постоянно было море. Его все время обновляющийся простор казался нам символом грядущих перемен. Моя жизнь и в самом деле переменилась. Но — в худшую сторону.

Ноябрь 2004-го

Понедельник, 8 ноября

В этот день Стиг запоздал, что нередко с ним бывало. На исходе утра он зашел позавтракать в кафе, чтобы потом, как обычно, отправиться в редакцию «Экспо». Я поцеловала его на прощание. Он чувствовал себя прекрасно. Вечером мне нужно было уезжать, и примерно в 19.45 я позвонила ему с вокзала. У него все было хорошо. Три часа спустя я приехала в Фалун. Стояла уже настоящая зима, темные узкие улицы плохо освещались, так что на всякий случай я всегда держала при себе баллончик со слезоточивым газом. Добравшись до дома, я сразу позвонила Стигу — сказать, что все в порядке. У нас так было заведено, чтобы он не волновался. У него не произошло ничего особенного. «Целую тебя, спокойной ночи».

Вторник, 9 ноября

После обеда мне вдруг позвонил журналист из «Экспо» Микаэль Экман. Он сообщил, что Стигу стало плохо, и посоветовал позвонить секретарю журнала, Рикарду, чтобы узнать подробности. Рикард объяснил, что Стига увезла «скорая» и с ним поехал Пер, наш близкий друг вот уже тридцать лет.

Я позвонила Перу, и он сказал, что положение тяжелое.

— Что мне делать?

— Приезжай немедленно.

Я сразу отправилась на вокзал к первому же поезду. Прямого поезда не было, и я еще раз позвонила Перу со станции Гельве, где пересаживалась. Голос у него был встревоженный:

— Ева, поторопись.

Тогда я позвонила в Умео Эрланду, отцу Стига. Трубку взяла Гун, его подруга, и сказала, что он в библиотеке занимается генеалогическими изысканиями. Я предупредила, что Стиг в больнице и я толком не знаю, что с ним, но мне кажется, что Эрланду лучше приехать в Стокгольм.

Около 19 часов Пер встретил меня у входа в больницу Святого Йёрана. С ним были еще пять или шесть человек, среди которых наш друг, врач-психиатр Сванте. Все они молча смотрели на меня.

Я взяла кофе, предложенный сестрой, и пошла к врачу, который хотел со мной поговорить.

И услышала:

— К огромному сожалению, должен вам сообщить, что ваш муж скончался.

Оказалось, что Стига привезли в тяжелом состоянии, немедленно отправили на рентген, но на снимках было ничего не понятно, и его поместили в операционную для более тщательного обследования. Там он потерял сознание и спустя несколько мгновений сердце остановилось. Медицинская бригада более сорока минут пыталась вернуть его к жизни, но безрезультатно.

В 16.22 была констатирована смерть.

Значит, в то время как я садилась в поезд, он был уже мертв. Когда я снова вышла в холл, там стояла мертвая тишина.

— Вы знали, что его уже нет, когда звонили мне в последний раз? — спросила я.

Все молча кивнули. Врач велел им ничего мне не говорить. Меня спросили, хочу ли я его видеть. Я была настолько не в себе, что задала идиотский вопрос:

— А это обязательно?

Потом я подумала: мне надо его видеть, иначе не поверю, что он умер. Но мне хотелось, чтобы рядом был Эрланд. Я позвонила Гун. Она была в прекрасном настроении:

— Ну, как там Стиг?

— Он умер, — сдержанно ответила я.

Оказалось, что Эрланд уже вылетел. Я осталась ждать его у главного входа, расхаживая взад-вперед, и выкурила целую пачку сигарет. Постепенно начали съезжаться сотрудники «Экспо». Некоторые возникали из темноты и оставались на улице; лица у всех были заплаканные и растерянные. Некоторые приезжали на такси, буквально катапультируясь из машин, кидались друг к другу, обнимались, плакали… Все, кроме меня. Я будто окаменела. Люди были подавлены, потеряны… А я просто стояла и курила, ничего не понимая. Но, глядя на толпу отчаявшихся людей, я подумала, что в «Экспо» у Стига было много верных друзей.

Я позвонила сестре, брату и нашей доброй подруге Элеанор.

Когда появился Эрланд, я пошла ему навстречу и взяла за руки.

— Ну, как он? — спросил Эрланд.

Я сказала ему, что Стига нет и что можно его увидеть, если Эрланд хочет. Я дожидалась, чтобы пойти вместе с ним.

— Когда будешь готов, пойдем, — прибавила я.

Прежде чем решиться, мы с минуту постояли.

Медицинская сестра спросила, не пойти ли ей с нами, и я согласилась. Никто не знал, как я отреагирую, и все думали, что если я сломаюсь, мне понадобится психиатрическая помощь. Мы с Эрландом вошли. Медсестра осталась стоять у дверей. Я села рядом со Стигом и взяла его руки в свои. Вид у него был

безмятежный. Может, он просто спал? Я гладила его руки, и они были теплые. Я же совсем закоченела на улице. И я сказала ему:

— Видишь, это безумие какое-то, ты даже сейчас меня согреваешь.

Эрланд сидел с другой стороны, я его не видела. Наконец он встал и вышел, сестра вслед за ним. Я гладила волосы Стига, его лоб, щеки… совсем как всегда, когда будила его, если он не мог сразу проснуться. По мере того как он остывал, я согревалась, все еще не отдавая себе отчета в том, что произошло. Мне казалось, что он, как всегда, приоткроет глаз и подмигнет. Помню, что прошептала ему:

— Мой милый, мой любимый, спасибо за ту жизнь, которую ты дал мне, спасибо за все, что ты сделал.

Я целовала его губы, гладила по волосам. А он становился все холоднее. Совершенно опустошенная, я наконец встала и, перед тем как выйти, взглянула на него в последний раз. Он спал. И это было непостижимо.

Позже друзья подробно рассказали мне о событиях того утра. У Стига была назначена встреча с Джимом, одним из друзей еще со времен Гренады. Когда Стиг подходил к дверям «Экспо», его пошатывало. Джим, заметив, что ему плохо, стал настаивать на том, чтобы немедленно ехать в больницу. Стиг отказался: ему надо было сначала зайти в «Экспо». Лифт не работал, и он стал подниматься на седьмой этаж пешком. Пер и Моника, бухгалтер журнала, заметили, что лицо его покрылось каплями пота и он дышит с трудом. Он пожаловался на боль в животе. На «скорой помощи» его увезли в больницу, находившуюся в нескольких кварталах. Моника поехала с ним, захватив его рюкзак, где находился ноутбук Стига, принадлежавший «Экспо».

Спустя несколько недель, снова беседуя с врачом и медсестрой, я поняла, что смерть Стига произвела на реанимационную бригаду очень тяжелое впечатление. Им редко приходилось видеть, как больной умирает так быстро, что даже жена не успевает приехать. И они никогда не видели, чтобы к больному сразу съехалось столько народу. Медсестра рассказала о последних минутах жизни Стига. Когда его привезли, он на несколько секунд пришел в себя и сказал:

— Надо сообщить Еве Габриэльссон.

И дал мой мобильный телефон. А потом снова потерял сознание. Навсегда.

В тот вечер Элеанор подвезла нас с Эрландом до дома.

Квартира выглядела странно. На столе остатки последней трапезы: засохший хот-дог и какой-то шоколадный коктейль, явно купленный в ближайшем газетном киоске. Эрланд не желал ложиться спать и все твердил, что это ненормально, когда дети умирают раньше родителей. И тут же принимался бормотать, что надо приготовить сообщение о смерти Стига, и спрашивал себя, кто придет на похороны и какие газеты опубликуют это сообщение. Он тоже пребывал в состоянии шока. Это было невыносимо. К счастью, позвонила Элеанор и предложила приехать ночевать к нам. Я с благодарностью согласилась. Эрланд устроился в кабинете Стига, Элеанор на кушетке в гостиной, а я в нашей комнате. Постель с утра оставалась неубранной.

Среда, 10 ноября

В семь утра первым поездом из Гётеборга приехала моя сестра Бритт. Эрланд ходил взад-вперед по гостиной и вслух сочинял уведомление о смерти. Он без конца перекраивал подготовленные фразы и спрашивал у нас, годится или нет. Я сидела окаменев, уставив глаза в одну точку, и была готова в любую минуту взорваться. Бритт поняла, что Эрланда надо увести, и отправилась вместе с ним в редакцию «Экспо». Рюкзак Стига, в котором лежал редакционный компьютер и который я привезла из больницы, она забрала с собой. В компьютере находился его ежедневник, нужный сотрудникам для проведения конференции.

Весь день кто-то звонил, кто-то приносил цветы. Дом был полон букетов, и у меня возникло впечатление, что я нахожусь на кладбище. Запах стоял одуряющий. За большим столом в гостиной собрались друзья. Кофе, фрукты, пирожки… Меня все время заставляли съесть или выпить чего-нибудь, но я была как автомат.

Друзья перешептывались и обращались ко мне очень ласково. Я была им благодарна за то, что они рядом. Одна из близких подруг притащила целую коробку с провизией. Слова, которые она произнесла, обнимая меня, показались мне самыми осмысленными за весь день:

— Это счастье, что он умер вот так, а не от руки убийцы. Ты же всегда этого боялась. Вообрази, ведь тогда ты должна была бы всю жизнь кого-то ненавидеть!

Как верно сказано!

Когда возвратились Бритт и Эрланд, отец Стига удивился, увидев в доме столько людей. Он никого из них не знал и держался в сторонке. В тот же вечер он уехал обратно в Умео. Иоаким даже не позвонил.

Накануне, ожидая Эрланда возле больницы, где собрались все сотрудники «Экспо», я услышала, как Рикард сказал:

— Теперь все пропало. «Экспо» больше нет.

«Экспо» больше нет? Значит, Стиг бился столько лет напрасно? Газета не может просто так взять и исчезнуть. Это невозможно. Я была ошарашена, меня охватило отчаяние. Если Рикард, преемник Стига, отступится, все пропадет. Я позвонила Микаэлю Экману, нашему другу и одному из главных лиц в редакции:

— Рикард опустил руки, но так нельзя, «Экспо» не должна закрыться. Иначе получится, Стиг убил себя работой просто так, без всякой пользы. Ты должен что-то предпринять.

— Я завтра приеду.

Вечером 10 ноября работа редакции «Экспо» возобновилась, и состоялось историческое совещание. На него явились все сотрудники, даже те, что были в это время разосланы с поручениями. Народу пришло столько, что не хватило стульев и люди стояли вдоль стен, кое-кто устроился на углах письменных столов. Микаэль руководил собранием тоже стоя. Он огласил всю информацию, содержавшуюся в записной книжке Стига: даты совещаний и предельные сроки сдачи статей. Рядом с Микаэлем сидела Моника, держа на коленях коробку с бумажными носовыми платками, которые подавала ему время от времени, ибо слезы ручьем текли у него по щекам. Многие тоже плакали, но на работу прибыли все как один.

Вечером Микаэль явился к нам домой и сказал:

— Все прошло хорошо.

До половины четвертого утра мы пили вино и виски. Смерть Стига больше не обсуждали, но благодаря алкоголю удалось поговорить по душам.

И я с облегчением поняла, что «Экспо» будет жить. Кроме этого облегчения, я пока ничего не чувствовала.

В Швеции принято хоронить усопших спустя несколько недель после смерти. В случае Стига нам пришлось ждать особенно долго, потому что люди съезжались отовсюду: из Англии, Германии, Соединенных Штатов… Я выбрала для погребения 10 декабря, день вручения Нобелевской премии, надеясь, что удастся избежать внимания экстремистов, которые явно собирались объявиться.

После смерти Стига

Стремясь хоть как-то уйти от реальности, я сосредоточилась на том, что происходило в «Экспо». Мне хотелось сделать все возможное, чтобы газета осталась жить. Я говорю не о деньгах, а скорее о психологическом настрое: сотрудники были глубоко потрясены и я боялась, что они опустят руки. Этот вопрос я обсудила с одной из подруг, которая работала в полиции. Она согласилась со мной и дала координаты психотерапевта, с которым они обычно связывались в таких случаях. Позже, когда сотрудники «Экспо» отказались от посторонней помощи, я поговорила с каждым из них, чтобы удостовериться, что им действительно ничего не нужно. В тот день я впервые проспала семь часов подряд.

Как животное, я действовала, повинуясь инстинкту, и этот инстинкт меня охранял, держа на расстоянии всех, кто мог бы причинить вред.

Я двигалась как настоящий зомби. По ночам не видела снов, утром просыпалась в слезах. Вокруг была абсолютная чернота. Инстинкт побуждал меня все время двигаться. Я много ходила пешком, но всегда с кем-нибудь, поскольку боялась выходить одна. Я сама себя не узнавала и не предвидела, на что окажется способна по отношению к себе и другим эта чужая женщина. Как зверь, за которым гонятся, я перехватывала на ходу крошечные кусочки пищи: то финик, то орех, то какой-нибудь фрукт.

Сванте Вейлер из издательского дома «Норстедт» пришел выразить соболезнования. Он спросил, являюсь ли я наследницей Стига и могут ли они публиковать романы, как было условлено. Я ответила, что книги, конечно, должны выйти. В конце концов, мы со Стигом жили вместе.

На шестой день Бритт уехала в Гётеборг. Тот же инстинкт побудил меня перебраться со своей постели на кушетку в гостиной, чтобы не терять из поля зрения коридор и входную дверь. После отъезда сестры я приняла меры, чтобы никто больше меня не беспокоил: хотелось собраться с мыслями, прийти в себя и не отвлекаться на бесконечных посетителей. Целыми днями я без сна лежала на кушетке, завернувшись в несколько одеял, потому что все время мерзла. Никаких лекарств или снотворных я не принимала — у меня их не было, да и не хотелось.

17 ноября настал мой день рождения. И в этот день я нашла наконец место для погребения Стига. Вернувшись в город, я пила кофе с одной из подруг и впервые за это время расплакалась — от

облегчения. Теперь у Стига было место последнего упокоения.

— Я смогу жить дальше, — сказала я, сама удивляясь этому.

Да, так и сказала. Днем я встретилась с женщиной из социальной службы больницы Святого Йёрана и обсудила с ней, каким образом помочь сотрудникам «Экспо» пережить этот страшный период. И поняла, что, как и я сама, они обойдутся собственными силами и не нуждаются в активной помощи. Вечером ко мне пришли двое друзей с хорошим вином и закуской, чтобы отметить мой день рождения. Тем не менее ночью я почувствовала себя как раздавленное животное, которое ждет только одного: чтобы наступил конец страданиям.

Наутро я проснулась в семь часов в слезах. По привычке, оставшейся после отъезда сестры, съела немножко каши. Вечером сварила себе суп, но не смогла проглотить ни ложки. Тогда я наконец отправилась к врачу, который сразу же выписал мне больничный. Диагноз его был таков: «Тяжелый шок. На два месяца прервать работу». Я решила, что он преувеличивает. Отчета в своем состоянии я себе не отдавала, от прописанных лекарств отказалась.

Вечером я беседовала с небольшой, человек в десять, группой наших коллег из «Экспо». Они по-прежнему не хотели видеть врача, которого я им рекомендовала. У каждого был в окружении свой.

В следующие дни я пробовала привести в порядок наши счета, но у меня не получалось считать в уме, как я это делала всегда. Понадобился калькулятор, но все равно цифры прыгали перед глазами. Зверь, сидящий во мне, наотрез отказывался считать. Ему это было не нужно.

Я попробовала читать работу Карла Лаурина о художнике Карле Ларссоне, но мне не удавалось выставить буквы в ряд одну за другой и приходилось все время возвращаться к предыдущей фразе. Кое-как одолев четыре страницы, я прекратила это занятие: читать зверь тоже не желал. Как же я смогу работать?

26 ноября мне позвонил Сванте Вейлер и предложил поручить наследственные дела юристам из «Норстедт». У них для этого имелись все возможности.

— Важно, чтобы решение было приемлемо, — ответила я.

В среду, 1 декабря, мне позвонила Ева Йедин, тоже из «Норстедт»: сказала, что роман Стига великолепен и у них есть уже несколько вариантов обложки, на которые мне следовало бы взглянуть. Она добавила, что Стиг стал им очень близок, хотя они почти ничего о нем не знают. Я выразила надежду, что церемония

похорон, поминки и совместное совещание помогут заполнить пробелы.

Прощание

10 декабря 2004 г.

Утром я проснулась очень рано. Этот день и все последующие прошли как в тумане, от них остались только отрывочные воспоминания. В дневнике я ничего не записала, словно меня там и не было. Сама церемония похорон планировалась для самых близких, в маленькой церкви, но поминки намечались официальные.

Стоял солнечный бесснежный декабрьский день, дул легкий ветерок. Повсюду дежурили полицейские, стараясь не бросаться в глаза. В Швеции обязательно указывать день и час похорон на информационном сайте; мы опасались, что правые экстремисты могут вмешаться, поэтому служба ритуальных услуг и сотрудники «Экспо» сделали все возможное, чтобы обезопасить церемонию.

Эрланд прилетел на похороны в сопровождении своей подруги, Иоакима, его жены Майи и двоих детей. Они удивились, увидев человек пятьдесят приглашенных, поскольку думали, что будут только самые близкие родственники и друзья. Я объяснила, что это и есть самые близкие и то многих не хватает, потому что не все смогли приехать, особенно те, кто живет за границей.

Для церемонии прощания, которая происходила в центре города в здании АБФ, я выбрала восемнадцать ораторов, среди которых были Грэм Аткинсон из «Серчлайта» и Микаэль Экман из «Экспо».

Поскольку предполагалось, что я тоже должна буду говорить, ночью я засела за подготовку речи, но ничего не шло на ум. В итоге я решила показать, как нежен был Стиг, и прочесть одно из его писем, датированных 1977 годом и адресованных мне с больничной койки в Аддисе, где он тогда чуть не умер. То самое, в котором он писал, что любит меня и после возвращения хочет жить вместе со мной. Но это письмо я не нашла, хотя всю вторую половину дня безуспешно обыскивала дом. Поздно вечером, перерыв все шкафы, я обнаружила коробку с пачкой писем. На одном из конвертов было выведено: «Вскрыть после моей смерти. Стиг Ларссон».

В конверте лежали два письма, датированные 9 февраля 1977 года. Значит, Стигу было двадцать два года и он собирался ехать в Африку. Это может показаться странным, но раньше я никогда этого конверта не видела. Он оставил его вместе с вещами у друга, у которого жил в Стокгольме перед отъездом. Конверт путешествовал вместе с нами с квартиры на квартиру, и Стиг о нем совершенно забыл.

Обретение конверта казалось столь невероятным, что я подняла глаза к небу и поблагодарила Стига. Я не верю в жизнь после смерти, но полагаю, что некоторые события имеют второй, духовный уровень. Когда люди живут вместе много лет, они становятся единым целым. Иногда мне видится Стиг в гамаке: он улыбается и машет рукой, но ведь у нас никогда не было гамака! Однако я его вижу, вижу сегодня, и теперь он наконец получил возможность спокойно отдохнуть.

Первое письмо, на котором стояло слово «Завещание», было адресовано его родителям. Он просил их передать мне его счета, личные документы и рукописи, а также все относящееся к политической деятельности. А библиотеку научной фантастики он оставлял моему брату. Под завещанием стояла его подпись, но оно не было заверено.

Второе письмо было адресовано мне. Некоторые места из него я зачитала на церемонии прощания:

> Ева, любимая.
>
> Все кончено. Так или иначе, а все подходит к концу. Однажды все кончается. Возможно, из всех известных нам в мире фактов этот — самый чарующий. Звезды умирают, умирают галактики и планеты. И люди тоже умирают. Я никогда не был верующим, но с того дня, когда я заинтересовался астрономией, страх смерти остался позади. И мне теперь ясно, насколько я, человеческое существо, бесконечно мал в сравнении со Вселенной… Ну да ладно, я пишу это письмо не затем, чтобы увлечь тебя в глубины философии или религии. Я пишу его, чтобы сказать тебе «прощай». Я правильно сделал, что позвонил тебе. Твой голос еще звучит у меня в ушах, и я вижу тебя перед собой… прекрасный образ, воспоминание, которое я сохраню до конца. Знай, что в тот миг, когда ты прочтешь это письмо, я буду мертв.
>
> Я хочу, чтобы ты узнала о некоторых вещах. Уезжая в Африку, я знал, что меня ждет. Я чувствую, что это путешествие грозит мне смертельной опасностью, но, несмотря ни на что, я должен это пережить. Я рожден не для легкой жизни. Я совсем не такой. (Исправление: я не был таким.) Я поехал в Африку не только как журналисту меня есть политическая миссия, и я думаю, что могу погибнуть именно поэтому.
>
> Я пишу тебе впервые и знаю почему: я тебя люблю, люблю, люблю. Я хочу, чтобы ты это знала. Я хочу, чтобы

ты знала: я люблю тебя так, как никого на свете не любил. И я хочу, чтобы ты знала: я пишу это совершенно серьезно. Я хочу, чтобы ты обо мне помнила, но не хочу, чтобы ты обо мне плакала. Если я что-то действительно значил для тебя, а я знаю, что это так, то ты, наверное, будешь горевать, узнав о моей смерти. Но если я что-то действительно значу для тебя, я не хочу, чтобы ты страдала. Не забывай меня, но продолжай жить дальше. Живи своей жизнью. Горе пройдет со временем, хотя сейчас это и трудно себе представить. Живи спокойно, любовь моя, живи, люби, ненавидь и продолжай бороться…

У меня была куча недостатков, но надеюсь, что и достоинства тоже были. Но ты, Ева, зажгла во мне такую огромную любовь, какую я никогда не смогу выразить…

Выпрямись, подтянись, держись молодцом. Ладно? Береги себя, Ева. Выпей кофе. Все кончено. Спасибо за прекрасные мгновения, что у нас были. Ты сделала меня счастливым. Прощай.

Целую тебя, Ева.

Стиг, с любовью.

Не знаю, как у меня хватило сил дочитать это письмо. Я ни на кого не смотрела, но потом мне рассказали, что многие плакали, слушая меня.

После прощания, около пяти часов, я вернулась домой приготовить что-нибудь поесть, чтобы родные Стига и мои близкие могли отдохнуть в спокойной обстановке после тяжелого дня. Ларссоны ненадолго задержались возле кафе с нашими друзьями и сотрудниками «Экспо». Дома Иоаким попенял мне за то, что я отказалась от предложения «Норстедт» оплатить церемонию. Я его мнения не разделяла. Стиг был моим мужем, значит, и платить должна я. В тот вечер Иоаким появился в нашем доме во второй и последний раз. Он попросил что-нибудь на память о бабушке с дедом, у которых Стиг провел ранние детские годы. Я отыскала маленькую синюю деревянную шкатулку с резьбой в народном стиле, где бабушка держала все для шитья, и бронзовую корейскую коробочку, принадлежавшую деду. Вечером Иоаким с семьей уехал обратно в Умео и забрал их с собой. Эрланд и Гун остались в Стокгольме: в семь часов в кафе театра «Сёдра» я организовала вечер, чтобы родственники и близкие друзья, в том числе и сотрудники «Норстедт», могли выпить по стаканчику и помянуть Стига. Эрланд все время повторял, что не претендует ни на какое наследство.

Спустя несколько дней, в присутствии наших друзей, Стига предали земле. Утром 22 декабря я сделала очень важную вещь. В черную керамическую урну работы известной художницы Евы Марии Котхе, сделанную на Готланде по модели сосуда эпохи викингов, я сложила символы всего того, что потеряла: нашей любви, нежности, наших мечтаний.

Несколько фотографий: вот Стиг, растянувшись на скале, с улыбкой смотрит на меня; вот он в Эннесмарке, перед нашим домиком, бережно прижимает к груди зайчонка, найденного среди стеблей ревеня. Он очень любил животных, особенно маленьких детенышей. А вот моя любимая фотография, где он, загорелый, красивый и обольстительный, с сигаретой в руке, безмятежно глядит на меня, смотрящую на него через объектив, словно ждет чего-то. А вот еще один портрет, где он, откинувшись назад, щурится на яркое солнце. В тот же сосуд я положила эскиз нашего будущего домика, сделанный тем летом. Это был лучший из эскизов, и Стиг попросил дать ему посмотреть, перед тем как отправить в строительную фирму. Он принес тогда стул, устроился рядом со мной, и мы долго планировали, как будем обставлять наше «маленькое шале». Стиг был совсем другой: пылкий, ласковый, вальяжный и счастливый в ожидании уюта и безмятежности в будущем. И в тот день я будто бы снова влюбилась в него — и опять с первого взгляда!

К содержимому сосуда я добавила листочки с номерами телефонов, записанные, когда я искала и заказывала комнаты, чтобы он мог хоть на неделю выехать отдохнуть и спокойно поработать над четвертым томом «Миллениума» или подкорректировать первые три. Часто, сидя на кушетке в гостиной, он вдруг прыскал со смеху:

— Ты никогда не догадаешься, что еще выдумала Лисбет!

И сразу бросался писать, исправлять какие-то детали, приводя их в соответствие с тем, что я нашла в документах по его просьбе. Сосуд, в котором теперь содержалась вся наша совместная жизнь, я поставила на этажерку. А напоследок добавила несколько листков бумаги, купленной в городке Кварнбюне под Гётеборгом. На синем листке я перечислила все, что потеряла, а на желтом все, чего мне тогда хотелось: «Пережить этот год».

Месть богов

В книгах трилогии описывается, как Лисбет Саландер делает себе татуировки в память о том или ином зле, которое ей причиняли окружающие и за которое она желала отомстить. Эти татуировки глубоко врезались мне в память.

Многие недели после смерти Стига я не находила слов, даже внутри себя, чтобы выразить то бешенство, которое охватывало меня при мысли о том, как несправедлива его безвременная гибель, и при встрече с теми, кто прямо или косвенно, вольно или невольно оказался к ней причастен.

Мы со Стигом мечтали изменить мир, многим жертвуя ради этой борьбы, и теперь у меня складывается впечатление, что мы потерпели грандиозное поражение.

Я перебираю в уме все годы разочарований, больно ранивших главного человека моей жизни, годы, когда некоторые отказались признать его опыт и оценить его по достоинству. Я заново переживаю горечь Стига, которую вызвал в нем отказ ТТ принять его на работу в качестве журналиста, все его рухнувшие надежды и ожидания, страхи, бунт против несправедливости и все обещания, которые ему давали и не выполняли. Я заново переживаю тоску и растерянность, которые охватили его, когда, уйдя из ТТ, он изо всех сил бился, чтобы найти средства для «Экспо», а газета все же разваливалась.

Я видела, как он был измотан, все позже возвращался домой, а спал все меньше и тревожнее. Снова погружаясь в тот тяжелый период, я вспоминаю, как на почве стресса у него воспалялись десны и врачи прописывали ему сильные средства. Стиг делился со мной своими бедами и часто спрашивал совета, но решения принимал сам. А давление на него шло со всех сторон. Меня захлестнула волна мрачных воспоминаний, отчаяние мое было безмерно, и у меня никак не получалось его выразить.

Тогда я обратилась к мифологии, надеясь, что именно там смогу найти силу и искренность, соразмерную моей боли. У нас по этой теме было много книг, и слова, подходящие для выражения моих чувств, я нашла в «Старшей Эдде», сборнике мифологического и героического эпоса древних скандинавов, и в особенности в «Речах Высокого». Также я поняла, что катарсис снизойдет на меня по прочтении нида, то есть проклятия, которое я произнесу в ходе магической церемонии.

Нужный текст я нашла 31 декабря.

В культуре эпохи викингов нид — это стихотворное проклятие врагам, которое публично произносилось вслух, а

также вырезалось руническим письмом на ореховой жерди, так называемом жезле бесчестия; на жердь насаживали голову жертвенного коня. Текст проклятия создавался в традициях и по канонам поэзии скальдов, которая является, пожалуй, одной из самых сложных по форме в поэтическом творчестве Средневековья. Происхождение этого обычая теряется во мраке веков, но вплоть до X века описание его встречается в исландских сагах. Рассказывают, что в 1980 году исландцы использовали этот обряд против оккупантов с военной базы в Кефлавике, предоставленной Соединенным Штатам после присоединения Исландии к НАТО в 1949 году. Когда американцы обнаружили насаженную на кол окровавленную, оскаленную лошадиную голову с развевающейся на ветру гривой, они не оценили этот факт по достоинству. Убрались они только в 2006 году, однако если обряд действительно имел место, он, по крайней мере, должен был принести удачу тому, кто его совершил.

Днем 31 декабря 2004 года мы с Бритт отправились прогуляться по улице Монтелиуса к Шлюзу. Перед тем как войти в дом на острове Реймерсхольм, мы купили вина и бараний окорок. На этом острове в центре Стокгольма вот уже более ста лет работает перегонный завод, производящий любимый напиток шведов: водку. Теперь под маркой «Реймерсхольм» существует около двух десятков ее сортов. И то, что Микаэль Блумквист пьет водку «Реймерсхольм», — намек на наш остров. Пока тушилось баранье рагу, я уединилась, чтобы закончить нид. Волновалась: ведь мне предстояло к нужному сроку подготовить текст высокой пробы. Чтобы мне помочь, Бритт позвонила одному из своих друзей, исландскому ученому, и спросила, каким правилам нужно следовать при создании нида. На другом конце провода воцарилось минутное молчание.

— Ты хочешь сказать, нид в смысле проклятия?

— Именно так.

— Понятно. Тебе повезло, у меня сейчас мои родственники, пойду спрошу у них.

Немного погодя он объяснил моей сестре, что, насколько им известно, никаких жестких правил ни в рифмах, ни в количестве слогов нет. Зато, уточнил он, имеется обязательное условие: надо оговорить, что проклятие будет действовать до тех пор, пока враг не исправится и не осознает свои ошибки. Я с облегчением вернулась к работе и написала, что проклинаю врагов Стига до тех пор, пока они не поймут, что натворили.

Нид был готов к восьми часам вечера, то есть ко времени, когда должны были прийти приглашенные. Последний из гостей позвонил в дверь в десять. В этот вечер мы не стремились, как это

обычно делают, весело отмечать Новый год. В половине одиннадцатого мы вышли из дома и направились к песчаной косе Реймерсхольма, выдающейся в озеро Меларен. Было не холодно, температура держалась не ниже нуля. Снега тоже не было, в темноте ночи светились окна домов: люди сидели за праздничными столами. Я облокотилась на деревянный парапет, стоя спиной к воде. Позади меня, на том берегу, находились дом Элеанор и причал, где я обычно оставляла лодку, приплывая ее навестить. Впереди высилось дерево, под которым мы часто располагались летними ночами на пикник, принеся с собой еду и термос с горячим кофе. Перед моими глазами проплывали счастливые воспоминания. Минута была спокойная, ясная и трогательная. Один из гостей достал из рюкзака толстые свечи, зажег их и поставил на парапет. Потом, к моему удивлению, он засветил факел и встал, держа его на вытянутой руке, что было непременным условием совершения языческого обряда! Друзья, как и я, знали, что я собираюсь сделать. И я медленно и внятно прочла нид, сочиненный накануне. Мне наконец удалось выразить все, что я чувствовала:

Я произношу нид от имени Стига,
Я произношу нид о вас, кто был против него,
О вас, кто забирал его время, знания и дружбу,
Ничего не давая взамен.

Надобно в дружбе
Верным быть другу,
Одарять за подарки;
Смехом на смех
Пристойно ответить
И обманом — на ложь.

Надобно в дружбе
Верным быть другу
И другом друзей его;
С недругом друга
Никто не обязан
Дружбу поддерживать.[21]

Этот нид адресован вам:
Злобным, лживым и подлым,
Вам, кто ставит себя выше других,
Вам, кто ведет людей к бедам и смерти.

Вам, злодеям, желавшим смерти Стига,
Вам, замышлявшим бесправие,
Побуждавшим к нему
И надзиравшим за исполнением,
И прежде всего тебе, N. N.

Вам, лжецам,
Вам, ради чьей выгоды и карьеры Стиг
Изматывал себя работой,
И прежде всего тебе, N. N.

Вам, подлецам,
Оставившим Стига биться вместо вас на поле боя,
В то время как вы получали барыши
На выгодных местах.

Вас не счесть,
Вы повсюду,
Везде ваши ботинки, костюмы и галстуки.
Этот нид адресован вам.

Я хочу, чтобы Локи исковеркал вашу жизнь,
Чтобы вокруг вы видели только врагов
И чтобы вы грызлись друг с другом без конца,

И пусть Тор лишит вас силы,
Когда вы с яростью наброситесь
На духовных друзей Стига!

И пусть Один, Урд, Скульд и Верданди
Поразят вас безумием,
Чтобы рухнули ваши карьеры!

И пусть Фрейр, Фрейя и Бальдр
Отнимут у вас радость жизни
И вместо хлеба, пива и желаний
Подсунут вам камни, грязную воду и болезни!

И пусть Один призовет Хугина и Мунина,[22]
Чтобы они расклевали ваши головы,
И открыли бы вам здравый смысл,
И изгнали прочь ваше невежество.

И выклевали бы вам глаза,

Чтобы вы глядели на свои деяния,
Никогда не смыкая век,
И сожрали бы ваши сердца,
Чтобы последствия ваших гнусных и идиотских деяний
Поразили вас той же тоской и ужасом,
Что и ваши жертвы.

И пока вы не поймете, не увидите и не услышите,
Пока вы не переменитесь,
Проклятие будет действовать!

Я приношу в жертву этого коня на озере Меларен,
Пусть мой нид поднимется по пресной воде
Против течения
И по течению в морские воды,
И пусть он обойдет все земли
И поразит всех негодяев, лжецов и подлецов,

И пусть этот жертвенный конь
Придаст силы моему проклятию
В полой весенней воде, в летнем дожде,
В осеннем граде и в зимнем снегу.
И да изливается оно на вас весь год
И настигает вас в любом убежище!

Под буквами N. N. спрятаны подлинные имена противников Стига. Бесполезно доискиваться, кто это. Они и так себя узнают. Как и те, кто причастен к его внезапной гибели. Тысячу лет назад при этом приносили в жертву коня, священного животного древних скандинавов, защитника, друга и кормильца, отрубая ему голову мечом. В 1987 году на очень сложной стройке, которой я руководила, один из рабочих, в свободное время занимавшийся гончарным делом, подарил мне в знак благодарности двух керамических лошадок, изготовленных своими руками. При обжиге они приклеились друг к другу. Я очень берегла этот подарок: для меня он воплощал абсолютную красоту, мастерство, признание моего труда и чувство единения. Теперь же я резким ударом разделила лошадок и, повернувшись к воде, бросила одну из них в озеро, которое не раз бороздили викинги.

В наступившей внезапно тишине мы долго смотрели на то место, куда она упала. Все испытали облегчение, услышав сказанным во весь голос то, что каждый таил про себя. Вторая

лошадка до сих пор живет у меня, но она уже не может стоять.

Завершив обряд, мы все обнялись и поклялись помогать друг другу. Я поднялась, чтобы отыскать в темноте бутылку виски и налить всем понемногу, но перед этим плеснула чуть-чуть в озеро: ведь ячмень, из которого делают виски, служит кормом и коням. Так я символически подкормила мою лошадку, призванную свершить долг мести, и, согласно традиции, закрепила проклятие. На часах было половина двенадцатого. В Швеции в полночь 31 декабря со всех сторон рвутся петарды, сверкают фейерверки и весь народ высыпает на улицы. Это очень радостный момент. Мы выпили по глоточку и через четверть часа, как раз перед тем, как улицы запрудила толпа, вернулись в дом продолжить вечер, начавшийся так необычно. Я успокоилась и словно освободилась от тяжкого груза. Для меня этот обряд стал таким же лекарством, как «Миллениум» для Стига. Теперь я почувствовала, что смогу пережить моего друга.

Мой дневник за 2005 год

Я вела дневник, регулярно записывая свои впечатления, и это помогло мне сохранить чувство реальности. Я заполняла страницу за страницей, не отвлекаясь даже на еду. Теперь, по прошествии времени, мне кажется, это был способ доказать себе, что я живая. Здесь я воспроизвожу только важные даты, мне хочется, чтобы читатель сделал те же открытия, удивился тому же, чему удивлялась я в эти месяцы.

13 января 2005 г., четверг

10 часов, встреча в издательстве «Норстедт». Издательский дом запросил юристов, какова может быть моя роль в управлении литературным наследием Стига. Ознакомившись с их отчетом, я отметила, что в нем нет ни малейшего упоминания о той компании, о которой говорил Стиг. Это был шок! Я поняла, что процесс учреждения компании даже не начинался. Ошарашенная, я повторяла то, что объяснил мне Стиг: незачем подписывать брачный контракт, как мы планировали в марте 2004 года, поскольку мы оба, он и я, станем совладельцами компании, основанной издательством «Норстедт». Сванте Вейлер попытался мне рассказать, что роман уже продан в Норвегию, а с Нидерландами ведутся переговоры… Но мне не хотелось слушать про их бизнес. Я совершенно раздавлена. Как мог Стиг быть настолько наивен?!

Вейлер обещает связаться с моим адвокатом, Малин, которая составляет список наследуемого, а также с отцом и братом Стига, Эрландом и Иоакимом, чтобы прийти к консенсусу. А я думаю: один Бог ведает, что теперь будет!

Вернувшись домой, я послала электронное письмо Иоакиму, где все ему рассказала. Он ответил, что, наверное, должен быть какой-то способ создать эту компанию, согласно пожеланию Стига, пусть даже и после его смерти.

15 января, суббота

Пришло сообщение от Иоакима. Я ему перезвонила и в деталях рассказала о потрясении, пережитом в четверг на встрече, когда поняла, что в действительности ничего не было сделано и никакой компании не существует, а как следствие — меня тоже словно бы и нет. Он со своей стороны сообщил Вейлеру, что у него со Стигом была устная договоренность: все переходит мне. Вейлер запросил Эрланда, и тот не нашелся что ответить. Вечером он сам мне перезвонил и сказал, что согласен с

моим мнением: пусть всем, включая взаимоотношения с «Норстедт», занимается Пер Эрик Нильссон, новый ответственный редактор «Экспо».

На следующий день я переговорила с Пером Эриком, и он согласился представлять мои интересы. Я испытала глубочайшее облегчение оттого, что груз, с которым в одиночку мне бы не справиться, взял на себя он, юрист, бывший судья, бывший глава юридической службы Государственного совета при Улофе Пальме, бывший омбудсман[23] парламента.

В первый раз мы встретились 21 января в помещении «Экспо», поскольку с 10 января я возобновила работу в Фалуне и теперь четыре дня в неделю меня не было в Стокгольме.

Я послала письмо Иоакиму, где все ему разъяснила и предупредила, что Пер Эрик свяжется с ним и с Эрландом. Он ответил, что желает мне мужества и что я правильно решила доверить это сложное дело опытному юристу. И повторил, что должна существовать специальная схема для воссоздания ситуации, как если бы мы со Стигом были женаты. В заключение он велел мне себя беречь.

В середине февраля опись наследства была завершена. Ни отец, ни брат Стига на встречу не явились.

22 февраля, вторник

Весь день я довольно успешно поработала и привела в порядок определенное количество материалов. Чтобы найти дополнительную информацию, пришлось долго рыться в европейских инструкциях и уложениях.

А вечером дома было тихо и спокойно, и в сгустившейся надо мной тишине я вдруг расплакалась. Я плакала долго и безутешно. В этой боли сосредоточилось все, что я потеряла, и к чувству утраты примешалось ощущение полной беззащитности. Днем я гнала от себя и тишину, и страдание, им не было места. Но по вечерам снова возвращалась эта мука, потихоньку потягиваясь, почти с нежностью, и снова все заполоняла.

20 марта, воскресенье

Спустя несколько недель я решила обратиться к психотерапевту, специалисту по кризисным состояниям, но все службы экстренной психологической помощи были заняты работой с выжившими после цунами в Юго-Восточной Азии. Только через пять месяцев после смерти Стига я наконец нашла женщину, практиковавшую как частный психотерапевт. Сегодня у нас прошла первая встреча. После стольких месяцев, когда я не

могла выплеснуть свою боль, меня вдруг попросили все рассказать. У меня никогда не получалось говорить о таких вещах. Я смогла только нарисовать состояние, в котором пребываю: круглый мяч.

В течение марта я получала многочисленные электронные письма от Иоакима, где сообщалось о расходах по оформлению наследственных дел и сведении счетов. Он написал также, что уже получил от Вейлера первый том трилогии, и спрашивал, есть ли текст у меня. Из его сообщения я ничего не поняла, и после 24 марта от него больше не приходило известий.

29 марта, вторник

После пасхальных праздников я взяла два с половиной дня отпуска, так как мне не хватало мужества ехать на работу в Фалун на столь короткое время. Я осталась в Стокгольме, чтобы сделать кое-какие перестановки в квартире. Мне хотелось убрать книги Стига из его кабинета, который служил одновременно помещением для гостей, и переоборудовать комнату. И снова через мои руки прошла вся его жизнь. Сортируя потрепанные книги, я буквально ощущала пальцами исходящее от них его тепло, его ненасытное любопытство. Пришлось ненадолго прерваться: слезы не давали работать. А когда я опять взялась за дело, меня захлестнуло серое море отчаянной тоски. Стало грустно, бесконечно грустно.

Вечером того же дня я написала Иоакиму и сообщила, что запросила налоговую инспекцию о сроках подачи декларации о налоге с наследства Стига, и мне ответили, что дело может ждать до июня месяца. Более долгая отсрочка потребует письменного запроса. Я также объяснила, что у меня пока не хватает духу разобрать документы Стига, но непременно надо найти все счета и квитанции.

И прибавила, что собираюсь прибегнуть к помощи главного бухгалтера с работы Стига, поскольку надо отделить счета, объединенные с вычетами, от тех, где отражены возмещенные издержки. Он уже однажды помогал с предыдущими декларациями, так что предмет ему знаком.

Я поведала ему также, что вот уже две недели посещаю психотерапевта и это определенно к лучшему, ибо, как он говорил, самопознание — тоже хорошая школа. Может, это даже главное в такой момент, когда сам не понимаешь, кто ты есть.

Я пожаловалась, что в последнее время сильно ослабла и бывают дни, когда мне приходится оставаться дома и не ездить на работу. Невозможно описать, как мне не хватает Стига. Он

всегда твердил, что нельзя бросать начатое и дело следует доводить до конца. Но когда от тебя оторвалась половина, это легче сказать, чем сделать.

В заключение своего послания я передала привет Майе, велела ему себя беречь, чтобы не оказаться в такой же ситуации, как Стиг, который тоже не умел говорить «нет».

На свое письмо я ответа не получила и только месяц спустя поняла почему.

9 мая, понедельник

Сегодня утром пришло письмо из налоговой инспекции с грифом «К вашему сведению». Меня информировали, что в результате описи наследуемого имущества и раздела наследства, о которых сообщили в инспекцию 14 апреля Иоаким и Эрланд, им отходит все, включая половину нашей квартиры. Они отдают детям Иоакима по 100 000 крон (10 000 евро) каждому, из расчетов, сделанных издательством «Норстедт», а мне оставляют мебель, которая оценена в 1200 крон (120 евро)! Тогда я вспомнила, что 13 апреля звонила Эрланду узнать, как идут дела, а он ответил, что ничего не знает и мне надо связаться с Иоакимом, который всем этим занимается. Он разговаривал со мной холодно и отстраненно. А 14 апреля они подали налоговую декларацию.

Какое надругательство над памятью Стига! Над его жизнью, над нашей с ним совместной жизнью в течение тридцати лет! Меня раздирали гнев, унижение, отчаяние и паника. Если Эрланд и Иоаким предъявят иск на половину квартиры, я не смогу расплатиться. Куда же мне деваться?

Перед тем как сесть в поезд до Фалуна, я позвонила Перу Эрику Нильссону и рассказала о пресловутом «К вашему сведению». Делать было нечего! И он пообещал вмешаться.

14 мая, суббота

Я позвонила Сванте Вейлеру, чтобы сказать: разбирая бумага, я нашла наконец тот самый контракт, подписанный Стигом, который меня настойчиво просили найти еще в декабре. Любопытно, но теперь этот документ Вейлера нисколько не интересовал. Он высказал совершенно невероятную вещь: будет лучше, если произведениями Стига станет распоряжаться «Норстедт».

В один из последующих дней мне позвонила Бритт. Она хотела принять участие в переговорах с Эрландом об этом письме из налоговой инспекции. Поскольку я не согласилась, она

заявила:

— Ева, я знаю кое-что, о чем не знаешь ты. Я не хотела тебе раньше говорить, потому что ты была не в том состоянии, чтобы слушать.

Оказалось, что в день похорон некто подошел к Бритт и сказал:

— Будь начеку, они уже говорят о том, что все заберут себе.

Я застыла с мобильником в руке, как парализованная. Так вот оно что — все было решено еще тогда.

Бритт настояла на том, что сама поговорит с отцом Стига. И он заявил, что я страдаю умственным расстройством. Доказывалось это тем, что якобы я хотела все деньги передать «Экспо» и фонду газеты, который учредил Стиг. «Как тебе это?» — спросил у Бритт Эрланд и надолго замолчал. Было совершенно ясно, что он никому ничего не отдаст. Но тогда напрашивается вывод: Стиг тоже был сумасшедший, поскольку это он планировал перевести деньги «Экспо».

Когда все эти факты выплыли наружу, я получила множество потрясающих писем от друзей. Некоторые предлагали выступить моими поручителями при займе денег на выкуп половины нашей квартиры, отошедшей семейству Стига. И я поняла, что обладаю богатством… Моими друзьями.

Вот уже семь месяцев, как Стиг ушел от нас. Я только-только начинаю приходить в себя. Сегодня мы с Грунстад, моим врачом-психотерапевтом, говорили об идее, которая укоренилась во мне с детства: за большим счастьем неизбежно следует столь же великое горе. Она убеждала меня, что это неверно и я напрасно каждый день боялась кары за то, что мне было хорошо. Домой я вернулась с чувством небольшого (совсем небольшого) облегчения. Достав новую лампу желтого стекла, я поставила ее на белый лакированный подоконник и в первый раз зажгла. Потом перебрала этажерку в кабинете Стига и поставила на нее его детскую черно-белую фотографию, где он изображен с бабушкой и дедом перед их маленьким деревянным домом. Эта фотография висела у них на кухне, и я ее забрала, когда мы вернулись. Рядом я поставила свое фото, посмотрела на Стига и попросила его приглядывать за мной. А потом долго плакала, опустив голову.

7 июня, вторник

Я получила перевод через банк «Фёренинг» в Умео, где обитают Ларссоны: все, что осталось на сберегательной книжке Стига после того, как они ею воспользовались, — 1290,63 кроны (136,56 евро). Какое унижение. Какое презрение. Больше Эрланд

и Иоаким никак не давали о себе знать.

10 июня, пятница

Я отправилась в Торговый банк, чтобы снять деньги с нашего общего со Стигом счета и заплатить 8640 крон (914 евро) юристам за составление описи наследства. Из оставшихся 30 000 крон (3174 евро) я сняла 15 000, не уведомляя о наследовании. Пошли они все! Не желаю больше иметь никаких контактов с Ларссонами.

Хорошо бы добиться признания гражданских браков законными. Не хочу, чтобы другие женщины терпели такую же несправедливость. Я позвонила Ронни Эландеру, депутату от партии социал-демократов, и Густаву Фридолину из партии зеленых. Совершенно ошарашенный, Фридолин попросил меня прислать ему подробности по электронной почте.

11 июня, суббота

Чтобы привести в порядок пол в кабинете Стига, я вытащила в гостиную кипы бумаг и нашла документы из банка «Икано». Я совсем забыла, что перевела туда страховку жизни Стига. Значит, я могу снять деньги на дорогу от Фалуна до Стокгольма и присутствовать на заседании дирекции «Экспо» в ближайший четверг. Дневной билет дороже и стоит шестьдесят девять евро вместо двадцати шести. У меня таких денег не было, а ближайшая зарплата только через две недели.

Выравнивание пола — работа нелегкая! Пришлось звонить поставщику мастики для заделывания трещин. Отремонтировать кабинет будет непросто, но я должна это сделать сама. Никому не могу препоручить это — свою боль никому не препоручают. По мере того как я переставляю вещи, оставшиеся от Стига, боль идет за мной по пятам по всей квартире. В памяти всплывает все, чем он интересовался, что делал, чем увлекался… Это мучительно.

Я снова взялась за обработку пола. Эти несколько квадратных метров деревянного покрытия доводят меня до слез. Мои слезы капают и утекают в щели между половицами, по которым я, выбиваясь из сил, ползаю на коленках. Сущий ад. И почему я не сделала этого, пока Стиг был жив? Он бы так порадовался. И теперь я принялась переоборудовать комнату, а еще мне надо закончить книгу о Хальмане и создать фонд Стига Ларссона, который я надеюсь учредить. А еще надо бороться за квартиру! Я живу в совершенно непереносимой тоске и тревоге. Пер Эрик Нильссон предложил Ларссонам и Сванте Вейлеру передать мне

право распоряжаться произведениями Стига и поднял вопрос о квартире. В ответ — тишина. С марта месяца никаких вестей ни от Ларссонов, ни от издательства «Норстедт».

В июле я узнала, что уже готова к выходу аудио-версия трилогии. В декабре 2004 года Вейлер мне солгал: все-таки в контракте Стига с «Норстедт» по этому поводу пункта не было.

20 июля, среда

Первая неделя отпуска. До меня дошли сведения, что издательство «Норстедт» отвергло предложение объединения «Стрикс» о передаче прав на экранизацию «Миллениума». Издатели хотят иметь дело с более серьезной компанией. Я просмотрела контракт «Норстедт» на детективы Стига, чтобы убедиться, действительно ли там упомянуты права на экранизацию. Ничего такого нет — речь только об аудиоверсии. На самом деле Стиг говорил друзьям и коллегам, что не хочет иметь «Норстедт» в качестве агента по правам экранизации и что если ему понадобится переработать свои книги для кинематографа, то он решится на это только через два-три года после публикации, то есть не раньше 2007–2008 года. И агента, и кинокомпанию он собирался искать в Соединенных Штатах, чтобы обеспечить съемки высокого качества. Кроме того, что весьма любопытно, помимо соглашения, дающего «Пан эдженси» (компания «Норстедт») право продавать книги за границу, в контракте оговорены только издания в мягкой обложке («покеты»).

Поразмышляв над этой несуразностью, я нашла ей объяснение: Стигу на подпись представили два разных контракта, скрепленные вместе, и он подписал только один, последний, думая, что это все. Этот контракт и касался прав на издание в мягкой обложке. Следовательно, он имеет силу. Таким образом, Стиг прочитал один контракт, а подписал совсем другой — с «Пан эдженси». А основной остался неподписанным. И никто этого не заметил: ни «Норстедт», ни мы.

Я представила себе, что произошло дальше. После смерти Стига, разобравшись в ситуации, издательский дом «Норстедт» дал Эрланду подписать новый контракт, чтобы иметь свободу маневра и как можно скорее выпустить книги. Кроме того, позже им пришлось оформить еще один договор, позволяющий издателю продавать права за границу. Конечно, все это лишь предположения. В любом случае никто не мог подумать, что Стиг позволит семье или издателю распоряжаться своими произведениями и своим имиджем. Полный абсурд. Для такого он был слишком независим! Из-за этого мне так важно получить

права на его интеллектуальную собственность. Я говорю прежде всего о статьях для «Экспо» и для «Серчлайта», о книгах о правом экстремизме и тому подобном.

Для второй недели отпуска я собрала чемодан. Завтра уезжаю на острова. Беру с собой пачку чая «Липтон», горчицу и томатную пасту, кускус, соль, смешанную с перцем, растительное масло и уксус, а также походную посуду, которую я уложила в углубления продуктового сундучка.

Еще я взяла свой ноутбук и блокнот в папке из искусственной кожи, формата А4. И, ясное дело, я прикрепила к дорожному костюму от «Клэттер-мусен»[24] компас и нож, а в карман сунула баллончик со слезоточивым газом.

4 августа, четверг

Меня охватила меланхолия. Она поселилась во мне 19 июля, в первую неделю отпуска без Стига, и не уходит. Она повсюду. Ее на ощупь можно почувствовать в вечернем свете, сначала оранжевом, потом охряном, а потом медном. Та жизнь, которую я знала, прошла. Та, о которой я мечтала, не наступит никогда. Скорее бы уж все это кончилось. Так лучше, чем жить, когда больше нечего ждать.

10 августа, среда

Мне позвонил Пер Эрик Нильссон — хотел убедиться, что я внимательно прочла его предложение о соглашении. Он говорит, что делает все для защиты моих интересов.

— Ты уверена, что прежде всего хочешь иметь право на интеллектуальную собственность, а не на деньги?

Я в очередной раз его в этом заверила.

12 августа, пятница

В конце дня Сванте Вейлер наконец ответил на мой вопрос по поводу прав на экранизацию: Эрланд и Иоаким Ларссоны действительно подписали договор с издательством «Норстедт». Окончательно выйдя из себя, я послала сообщение Перу Эрику Нильссону, чтобы предупредить: договор подписан, несмотря на все его уверения относительно «Норстедт».

Прошло несколько дней, и я прочла в «Сюдсвенска дагбладет» заметку, извещающую о том, что вскоре выйдет на экраны фильм, снятый объединением «Йеллоу берд» по роману Стига Ларссона.

16 августа, вторник

Наконец я позвонила Иоакиму, надеясь получить информацию о судьбе квартиры. Он выступил с совершенно невообразимым предложением, заявив, что мы можем жить вместе. Только этого мне не хватало!

Впрочем, потом он объявил, что они отдают квартиру мне. Однако они уже столько намучились с бумагами Стига, что всю волокиту должна взять на себя я. Верить этому или не верить?

На следующей неделе мы с Бритт поехали навестить наших давних соседей в Эннесмарке, неподалеку от Умео, где я выросла. Мы хотели увидеться с отцом и братом Стига, но всякий раз, как Бритт пыталась им позвонить, они заявляли, что очень заняты. Наконец нам удалось встретиться с ними в ресторане. Поскольку они говорили только о погоде, мне пришлось резко оборвать разговор, сказав, что у нас есть более интересный вопрос для обсуждения: как лучше поступить с произведениями Стига. Немного подумав, Иоаким объяснил, что если я попытаюсь по-своему распорядиться творческим наследием Стига, то вступлю в конфликт с кинематографическим объединением «Иеллоу берд», которое купило права на экранизацию. На все наши вопросы он отвечал, что нам следует обратиться к Сванте Вейлеру. Он также подтвердил, что они с Эрландом отдают мне квартиру, но формальностями я должна заниматься сама. На мой вопрос, каковы сроки, он не ответил. Когда мы уже собрались по домам и ждали автобуса, Эрланд принялся мне втолковывать, что я ведь могу рано или поздно выйти замуж, а это повлечет за собой определенные риски для них.

— Но я хотела выйти замуж только за Стига! — ответила я.

Иоаким подхватил тему и предложил мне выйти за Эрланда — тогда вся эта история с дележом наследства разрешится сама собой. Я так и застыла на месте, а Бритт испепелила его взглядом. А он прибавил, что, разумеется, брак был бы фиктивным!

23 августа, вторник

Получила письмо от Сванте Вейлера. Уле Сонберг, продюсер «Йеллоу берд продакшн», кинообъединения, купившего права на экранизацию произведений Стига, очень хочет со мной встретиться. Они уже начали писать сценарий и будут рады любой информации, которая сможет им помочь. Вейлер также извещал, что отзывы о книгах превосходные и лучшего дебюта нельзя себе представить.

Теперь я знаю, что:

— Иоаким ведет двойную игру;

— Эрланд ему подыгрывает: младший сын всегда был отцу гораздо ближе, чем Стиг.

Отсюда следует:

— надо навсегда порвать с Эрландом и Иоакимом;

— поступать, как говорил Стиг, то есть «мстить за друзей»;

— положиться на помощь посторонних людей.

13 сентября, пятница

Сванте Вейлер покидает пост директора издательства «Норстедт». Ему на смену приходит Ева Иедин. От Ларссонов никаких известий.

Вот уже десять месяцев, как умер Стиг. Ни его отец, ни брат ни разу не спросили меня, где он похоронен.

Со дня нашей последней с ними встречи не пришло никакого ответа на запрос моего адвоката о дарственной на квартиру. Если бы Стиг узнал, что издательство хочет, вопреки его желанию, снять фильм по книгам, он был бы в бешенстве и счел бы это предательством. Но если бы он увидел, как его отец и брат поступили со мной, это ранило бы его больнее всего и он начал бы мстить. Напасть на меня означало напасть на него.

7 октября, пятница

Встреча с сотрудниками «Йеллоу берд» в помещении «Пан эдженси».

Сценарист Ларе Бьёркман начинает с прямого вопроса:

— Ты читала четвертый том?

— Нет!

Опа! Одним сюжетом меньше.

Через несколько минут — еще вопрос:

— Стиг должен был много чего накопать. Где все его записи?

Я вытаскиваю тексты Стига, что захватила с собой: книги о правых экстремистах, последнюю статью в «Серчлайте», репортажи для ГРИДА (Центра исследований и информации о демократии и автономии), для Тель-Авивского университета, для КРИСП (Центра исследований и информации по социальной политике) и так далее.

— Желаете ознакомиться?

Пока они бегло просматривали документы, я сказала:

— Там вы найдете все имена, людей, события, размышления… Это жизнь Стига, и здесь все бумаги. Детективы — всего лишь еще одна форма дела его жизни.

И это совсем другой вопрос!

Они уже приступили к исследованию мест действия и адресов трилогии. Я объяснила, что находила их я, поскольку этому способствовала моя профессия. Далее последовали вопросы о персонажах.

— Кроме тех, кого знает весь мир, как, например, боксер Паоло Роберто, есть ли среди них реальные люди? — спросил кто-то.

Ответ:

— Да.

Следующий!

— А откуда такой странный язык?

В этом, пытаюсь я объяснить, атмосфера его книг не похожа на обычную атмосферу детективных романов. Он родом из Вестерботтена, и надо учитывать значение Библии для тех краев.

Тогда одна из присутствующих женщин согласно кивнула и, к моему изумлению, сказала:

— Я дочь Пера Улофа Энквиста.[25]

19 октября, среда

Около восьми вечера позвонил Пер Эрик Нильссон и вслух зачитал мне ответ от Иоакима и Эрланда, который получил через их адвоката из Умео.

На просьбу отдать мне в управление творческое наследие Стига ответ «нет». По договоренности с издательством «Норстедт» этим будут заниматься Ларссоны или их представитель.

По поводу дарственной на квартиру тоже отказ — она будет написана только при условии, что я передам в «Норстедт» рукопись четвертого тома. В этом случае вопрос об управлении творческим наследием будет пересмотрен.

По поводу части кредита на нашу домашнюю обстановку Ларссоны считают, что она должна быть вычтена из страховки жизни Стига.

Итак, они подчеркивают, что «весьма великодушны», поскольку оставили мне деньги покойного, мебель и страховку.

— Вот черт! Вот это да! — и у меня вырвалось непечатное слово.

— Ну да, именно так можно выразиться, — отозвался Пер Эрик.

Эти нежданные новости, собственно, и повлияли на то, что я не особенно была расположена к сотрудничеству с кинематографическим объединением на совещании 7 октября.

И все началось сначала. Я снова потеряла сон. Вставала, курила, опять ложилась и опять вскакивала, чтобы перед рассветом ненадолго задремать. Потом перестала есть. Не знаю, в

который раз.

20 октября, четверг

Отправила письмо Еве Йедин в «Норстедт» и Магдалене Хедлунг в «Пан эдженси», в деталях пересказав ответ Эрланда и Иоакима. Разъяснила, что, поскольку мне отказано в обладании правами на интеллектуальную собственность Стига, им надлежит объявить «Иеллоу берд»: за всей информацией студия должна обращаться к Ларссонам, а не ко мне. Ответа не последовало.

21 октября, пятница

Встреча с Пером Эриком Нильссоном меня обескуражила и привела в отчаяние. Ларссоны предлагают мне «подумать над историей с рукописью четвертого тома». Я взорвалась:

— Не будет им никакой рукописи! Компьютер, где она, возможно, хранится, принадлежит «Экспо», и его содержимое защищено Конституцией. Несомненно, там же находятся и все контакты, информация и все источники Стига! И эти основополагающие документы не должны попасть в руки людей, которые не имеют к ним отношения!

Перу Эрику надо было ехать к внукам. Я осталась одна, совершенно измотанная и опустошенная. Никогда еще я не чувствовала себя такой одинокой.

26 октября, среда

Я больше не могу ни думать, ни рассуждать, ни работать. Ходила к директору по персоналу, который был в курсе событий, и он мне сказал:

— Поезжай домой, там тебе будет лучше.

За окном поезда, увозившего мета в Стокгольм, мелькали осенние поля. Они все были словно выбриты и выглядели мрачно. Щедрая усталая земля отливала коричневым, зеленым, охряным и черным. Осень помогла мне собраться с силами. Я была измучена и в то же время полна решимости бороться дальше. За Стига. Как сделал бы он. Как он просил бы меня сделать.

Приехав, я отключила все телефоны и решила в течение нескольких дней не открывать электронную почту. Впервые за год я просто отдыхала, читала стихи, гуляла, смотрела на озеро Меларен. В его водах лежит мое заклятие для Стига. И этим я счастлива. С тишиной Стиг снова вернулся в дом, ведь его место было там. Я плакала, слушая «You are always on my mind». Я начала с ним разговаривать. И чувствовала себя ничтожеством, потому что не сумела отстоять труд всей его жизни. Мне казалось, что я его предала.

31 октября, понедельник

Я проснулась в 10 утра и спустилась к берегу пролива Фурусундледен, к бегущей воде. Я искала камушек, чтобы положить на могилу Стига. Каким он должен быть? Наверное, как увижу, сразу узнаю. У воды подходящего не было. Я пошла дальше, и ноги сами привели меня к большому нагромождению красных скал, на ощупь одновременно гладких и бархатистых, в черных прожилках. Они навели меня на мысль о Стиге — одинаково мужественном и нежном, неколебимо стойком в своих убеждениях и невероятно ранимом, о чем знали только очень близкие люди. У меня не было под рукой ничего, чем можно было бы отколоть камушек. И я подумала, что так и должно быть: эта скала, как Стиг, слишком цельная, чтобы дать себя расколоть. Ну и пусть стоит здесь. В память о Стиге.

Домой я возвращалась поздно. В лесу меня обдало холодом. Я собирала кислую свежую бруснику, чернику, которая уже набрякла водой и мало на что годилась. Сквозь оставшиеся на деревьях желтые листья просвечивало осеннее солнце. Печальная осень для печальной женщины. Я взобралась на невысокий холм, заросший мхом. По мягкому ковру вилась тропа, ведущая в никуда.

Хорошо бы вот так подниматься и подниматься к свету.

Наверху ничего интересного не было, и я остановилась погреться на солнце. И мне подумалось: я крошечное существо, которое ничего не значит в этом мире.

Я проиграла в том, что было единственно важным после смерти Стига: не сумела его защитить. И это поражение я воспринимала как предательство со своей стороны. У меня не было сил идти дальше. Слезы бежали по щекам, по подбородку, начали уже проникать сквозь шерстяную ткань пальто. А я все повторяла: «Прости меня, прости меня».

Вдруг послышался какой-то непонятный звук. Подняв голову, я увидела огромного ворона, который с царственной небрежностью чертил надо мной в воздухе кривые в форме полумесяца, постепенно снижаясь. Можно было подумать, что он собирался сделать круг, но всякий раз возвращался ко мне, словно говоря себе: «Ну ладно, так и быть, если это так уж важно». И, описав дугу, долго что-то ворковал низким мелодичным голосом. И вдруг до меня дошло: ведь я же, произнося нид на берегу Меларена, просила пару воронов Одина, Хугина и Мунина, чтобы они своими клювами продырявили головы, глаза и сердца жестоких и подлых лжецов, из-за которых так страдал Стиг.

От изумления мне в голову пришла невозможная мысль. Без страха и смущения я подумала: «Так это ты прислал своего ворона, Один?»

Не знаю, что отвечала птица, но ее голос достиг моего сердца, усмирил отчаяние и успокоил меня. Ворон будто бы говорил: «Все будет в порядке. Тебе больше не надо тревожиться. А теперь иди домой». На обратном пути меня пошатывало от голода и недосыпания. Но я была уже не одна. Со мной был Стиг. You were always on my mind. Я знаю, милый друг, даже когда у тебя не хватало времени для меня, я всегда присутствовала в твоих мыслях. А ты в моих. В тот вечер я поняла, что сейчас главное — не пойти ко дну.

Вернувшись, я отправила несколько сообщений, что со мной все в порядке и мне просто нужны покой и время, чтобы все осмыслить и передохнуть.

3 ноября, четверг

Сменила номера домашнего и мобильного телефонов. Теперь всем, кроме друзей и членов семьи, придется разыскивать меня через Пера Эрика или другого юриста. Из магазина вышла с чувством огромного облегчения.

И наконец отправилась к нашему семейному врачу. Увидев, в каком я состоянии, она пришла в бешенство. Я не хотела принимать никаких лекарств и отказалась от двухмесячного отпуска, но согласилась в течение месяца работать с частичной нагрузкой. Работа была нужна, во-первых, чтобы чем-то занять разум, а во-вторых, чтобы успокоиться и вернуться к нормальной жизни.

9 ноября, среда

Сегодня день памяти Хрустальной ночи и первая годовщина смерти Стига. Полдня я провела, работая над речью, которую должна была произнести, и решила начать с фотографий. Я надела черные брюки, темно-коричневую блузку, которую купила в Мирорне, замшевое пальто с блошиного рынка в Фалуне, распустила волосы и чуть-чуть накрасилась.

Вечер проходил в ресторане «Крикельн». Разносили кофе и пирожные.

Даниэль Пуль из «Экспо» начал свое выступление с того, что у него не осталось каких-то особенных воспоминаний о Стиге, но он запомнил Стига всегда в состоянии… вслушивания.

— Стиг выслушивал абсолютно всех, даже тех людей, которые нам казались неинтересными. К примеру, ему все время говорили, чтобы он не обращал внимания на этого дурацкого

крючкотвора, Яна Мильда из «Блогула фрогур», и не терял с ним времени даром. А что было дальше, вы знаете: Ян Мильд стал секретарем партии «Шведские демократы». Все были ошеломлены, кроме… Стига! Ничего удивительного, что многие руководители партии искренне сожалели о гибели Стига: ведь он к ним прислушивался.[26] Таков уж он был, Стиг, он слушал.

Я оторопела. Даниэль в очередной раз потряс меня своей элегантностью, интеллигентностью и умением убеждать. Когда подошла моя очередь, я взяла слово. Я была очень спокойна.

Начала я с напоминания о том, что мы со Стигом сотрудничали тридцать два года, из которых тридцать прожили вместе. Люди занимаются тем или иным делом не по воле случая, а потому, что жизнь их к этому подталкивает. Затем я сказала, что для понимания творчества Стига надо знать, каким был он сам, и показала черно-белые фотографии, где он еще ребенком изображен с бабушкой и дедом. Затем последовали более поздние, уже цветные: на кухне возле плиты, в механической мастерской деда, где тот, кроме всего прочего, ремонтировал велосипеды. Я объяснила, что эти люди, бедные, живущие почти в отрыве от цивилизации, всегда были для Стига притесняемым меньшинством. И, повинуясь историческим процессам, какое-нибудь из таких меньшинств рано или поздно оказывалось под угрозой уничтожения. Я проследила за передвижением узников шведских (в особенности Сторизена) и датских лагерей для неблагонадежных. Их перевозили в тюрьму Терезиенштадт, где некоторых казнили, а остальных гнали дальше, в Аушвиц или в другие лагеря смерти. Я назвала даты, количество заключенных и погибших. Всю эту информацию я подготовила утром того же дня. Затем вернулась к детской фотографии Стига с дедом. По словам Стига, этот человек побывал узником Сторизена, чудом выжил и смог еще заниматься воспитанием маленького внука, который любил его, как родного отца. Твердые убеждения Стига сформировались в детстве: дед рассказывал ему о событиях Хрустальной ночи, когда он был совсем ребенком.

Я сообщила, что хочу создать фонд памяти Стига. Идея состояла в том, чтобы учредить ежегодную премию для журналистов и фотокорреспондентов, которые не боялись бороться за справедливость. На моей любимой фотографии улыбающийся Стиг, щурясь от яркого солнца, через плечо смотрит в объектив. Под этой фотографией я поместила фразу из передовицы «Экспо» за декабрь 1997 года, никогда не вышедшей в свет: «Мы знаем: все, что сделано, необходимо…»

И в заключение я сказала, что в то время «Экспо» фактически умирала, не располагая частным финансированием, которое

помогло бы газете не пойти ко дну. Редакция была совершенно измотана. Теперь я надеюсь, что все наконец поймут, почему Стиг выбрал слово «необходимо».

Я была очень рада, что смогла работать в этот ужасный день. Смогла спокойно говорить, окруженная дружеским теплом, и печаль не захлестнула меня.

На этот раз 9 ноября стало не днем боли, а днем великого воодушевления.

23 ноября, среда

Очередное письмо от адвоката Ларссонов. Он просит подписать соглашение о разделе наследства, в котором официально значится, что я получаю квартиру в обмен на компьютер Стига.

В сопроводительном письме адвокат подчеркнул: Ларссоны сетуют на то, что их не пригласили на годовщину смерти Стига, и о том же сожалеет издательство «Норстедт». Он упомянул мою речь, в которой, по их мнению, говорилось только о Стиге как писателе. Как же они недооценивали его убеждения! Этот день всегда играл в его жизни важную роль. Невозможно вообразить, чтобы Стиг или любой другой оратор говорил о чем-нибудь ином, кроме страшных событий Хрустальной ночи 1938 года. Те же, кто видит в Стиге только автора детективов, ничего о нем не знают.

25 ноября, пятница

Около половины восьмого привезли заказ из «ИКЕА»: кровати, матрасы, простыни и чехлы для мебели.

Я сразу же отправилась в магазин на Фридхемсплан за колесиками для кроватей. У тех, которые я присмотрела, отверстия были слишком близко к краям, и вместо более высоких и тонких, черного дерева, я купила двойные серые.

26 *ноября, суббота*

Заходила к подруге за дрелью. Чтобы высверлить отверстия, мне пришлось упираться ногами в верстак и взять сверло 3,5 мм и болты 4 мм. Быстро сообразив, что надо сделать риску более длинным болтом, я нашла его в выдвижном ящике. Принялась прикручивать ножки к первому дивану-кровати, который поместила в новой комнате. Сатиновый чехол на матрасе был в черную, белую, серую и желтую клетку. Диван-кровать я подвинула к окну и, подложив под спину подушки, устроилась на нем и долго смотрела на озеро Меларен и воды канала Хаммарбю, текущие внизу.

Собрав второй диван-кровать, я поставила его в угол вдоль

стены, напротив первого. Получилось здорово. Теперь у меня есть комната, которая соответствует моей новой жизни. Одновременно и кабинет для работы, и гостиная, где после обеда могут устроиться гости, и комната для приезжих друзей. Книги Стига я расставила на тиковой этажерке у окна.

Потом я улеглась спать в этой комнате. И прекрасно выспалась. Окружавшие меня книги создавали ощущение, что пространство, в котором я уснула, ко мне благоволит.

Декабрь

В декабре Иоаким позвонил Бритт и, кроме всего прочего, заявил, что если я опубликую четвертый том «Миллениума», «Норстедт» не выпустит второй и третий.

Бритт разъяснила ему, что компьютер с рукописью является собственностью «Экспо», а не лично Стига. Видимо, этот несчастный компьютер стал для Ларссонов идеей фикс. Спустя несколько недель их адвокат позвонил в «Экспо» и справился о его местонахождении. (Этот вопрос уже поднимали на собрании директоров издательства в январе 2006 года, и ответ был исчерпывающий: «Неизвестно».)

Ожидая в любой момент, что меня выставят из собственного дома, я принялась рассортировывать свои документы по папкам, а вещи по коробкам. Но ситуацию я контролировала хорошо, и теперь уже меня вряд ли что-нибудь могло испугать или потрясти. Я вновь обрела равновесие и внутренний стержень. Мой психотерапевт утверждала, что я быстро выхожу из кризиса.

Теперь самое время подвести итог уходящему году. Но прежде всего придется подвести итог моей жизни со Стигом. Выводя «Я его любила», я расплакалась. Ведь сейчас это единственное, что имеет значение.

На рубеже года
Я все жду звонка, который никогда не прозвучит.
(Его номер молчит у меня в мобильнике.)
Я все жду улыбки, которой никогда не увижу.
(У меня на стене его фото.)
Я все жду ласки, которая никогда не придет.
(Его одежда висит у меня в шкафу.)
Но я жду, что его голос отзовется,
Когда мне станет невмоготу от отчаяния.

Когда умер Стиг, у меня в жизни была одна цель: «Выжить». Я записала ее на листке бумаги. В 2006 году я написала вот такие

слова: «Начать жить заново».

Годы с 2005-го по 2010-й

До 2007 года я продолжала регулярно работать в руководстве «Экспо». Особенно тщательно я отбирала авторов для сайта, посвященного Стигу, и переводила все статьи на английский. Поначалу я очень часто появлялась в редакции газеты, чтобы показать, что я их не бросила, да мне и самой нужно было отвлечься от сознания того, что Стига больше нет. Его известность после смерти возросла, и теперь финансовое положение «Экспо» намного улучшилось. С ноября 2004-го стали поступать единовременные пожертвования, а в начале 2005-го «Антинацистское объединение творческих деятелей» стало перечислять ежегодно по 5 000 000 крон (59 000 евро). Кроме того, Национальный совет по культуре теперь учредил финансовую поддержку прессы, и «Экспо» начала долговременное сотрудничество с издательским домом «Натур о культур».

Моим последним вкладом в дела газеты и фонда был ремонт помещения. Поскольку бюджет не превышал 30 000 крон (3177 евро), я в течение трех месяцев собственноручно перемыла все плафоны и перекрасила стены, которые находились в плачевном состоянии. Мне хотелось видеть пол в теплых тонах, и я выбрала темно-красный. Для остального была сохранена прежняя черно-белая гамма. Из подручных материалов я соорудила стол для конференций. Все получилось в строгом, сдержанном стиле, за исключением архива, где бесконечные кипы бумаг громоздились друг на друга.

Сегодня ответственные редакторы «Экспо» входят в жюри «Премии Стига Ларссона», учрежденной семейством Ларссон и издательством «Норстедт».

«Экспо» выжила и движется собственным путем. А я буду двигаться своим.

С 2007 года квартира в Стокгольме принадлежит мне целиком. Прошло три года со дня смерти Стига, и семья Ларссон вдруг выслала мне официальные бумаги. До этого дня я жила в полной неопределенности и более двух лет провела среди чемоданов и коробок, в любую минуту готовая сняться с места. С огромным облегчением я их распаковала и устроила новоселье для тех друзей, кто все эти годы оставался на моей стороне. Сегодня книги постепенно заполняют пятьдесят шесть квадратных метров квартиры. Им нужен более просторный дом, но не мне. Я перекрасила стены и купила новый кухонный гарнитур в белых и оливковых тонах. Теперь квартира мало походит на ту, что была

при жизни Стига. Я нынче с трудом переношу, когда открывается дверь в мою прошлую жизнь, где малейшая деталь напоминает, что его больше нет.

По случаю я купила ковер для гостиной — порядком изношенный, грязный и попорченный, но зато настоящий «кашгай», выделанный одним из мастеров этого кочевого иранского племени. На нем изображен сад, полный деревьев и цветов, и мне казалось, что в зелени мелькают канарейки. Когда ковер, починенный и вычищенный, занял свое место в гостиной, я включила музыку и босиком станцевала на нем сальсу. Я физически ощущала, что дом стал моим и в нем больше не раздается эхо счастливых времен, утраченных навсегда.

После перерыва я вновь вернулась к работе в строительной отрасли, в отделе долгосрочных проектов. Это мой мир — жесткий, требующий большой отдачи, но справедливый. Смысл моей профессии заключается в том, что она изменяет нашу реальность. Я свободно могу пользоваться своей квалификацией и принимать решения, которые считаю эффективными. Это не виртуальная реальность индустрии «Миллениума», где я не могу разобраться, что к чему.

Индустрия «Миллениума» появилась спустя семь месяцев после смерти Стига, в июле 2005 года, с выходом в Швеции «Девушки с татуировкой дракона». И разрасталась вместе с популярностью трилогии (по всему миру на сегодняшний день продано более сорока миллионов экземпляров, не говоря о фильмах, в том числе телевизионных, и об аудиокнигах). Параллельно с этой индустрией возник миф о Стиге, авторе «Миллениума». О нем писали и рассказывали вещи, не имеющие ничего общего с действительностью. Все это исходило от людей, далеких от нашей жизни, едва его знавших и не принимавших участия в нашей борьбе. Мы ведь не были теми, кого называют звездами телеэкрана, и не топтали красных ковровых дорожек на премьерах. Ни «Нью-Йорк таймс», ни «Монд», ни «Гардиан» или «Эль Пайс» тогда не просили нас дать интервью, как они домогаются сейчас, чтобы поговорить о Стиге и о «Миллениуме». Повседневная наша со Стигом жизнь была зачастую скучна, всегда заполнена работой и порой опасна. Именно поэтому о нем сегодня рассуждают как раз те люди, которые никогда у нас не бывали.

«Миллениум» — не более чем замечательная история, написанная хорошим автором хороших детективов. Его книги говорят о том, что за свои идеалы надо биться, не сдаваясь, не

продаваясь и не склоняясь перед власть имущими. Они повествуют о достоинстве, о справедливости, о долге журналиста в высоком смысле слова, о порядочности, которую некоторые, включая полицейских, проявляют в работе. И еще они повествуют о морали. Сегодня виртуальная реальность взяла верх и сделала из Стига героя «Миллениума». А ведь Стигу, чтобы быть тем, кто он есть, не надо было дожидаться выхода своих книг. И те, у кого такой ограниченный взгляд на Стига, пытаются списать со счетов меня и тридцать два года нашей совместной жизни. Нельзя не отметить, что за всем этим стоит женоненавистничество, и не только по отношению ко мне. Везде, где речь заходит о Стиге Ларссоне, женщины никогда не оцениваются по достоинству, а ведь он всю жизнь проработал именно с женщинами. В апреле 2007 года моя сестра предупредила меня, что обнаружила изменения в статье о Стиге в «Википедии». С 18 ноября 2006 года там значится, что он никогда не жил с бабушкой и дедом, а только с родителями. И раньше в статье было написано, что Ева Габриэльссон являлась его постоянной спутницей до самой смерти, а теперь читаем: «с которой он периодически жил до своей смерти». Упоминание о моем первом интервью по поводу проблем наследования, которое появилось в экономическом журнале «Аттеншен», вообще ликвидировано.

С 2006 года иностранные средства массовой информации начали интересоваться человеком, стоявшим за трилогией «Миллениум». Сначала скандинавские, потом европейские, и наконец в Стокгольм прибыли журналисты из Соединенных Штатов и Австралии, чтобы поговорить со мной о Стиге. Они совершенно справедливо полагали, что я, после десятилетий жизни с ним, могу порассказать много интересного.

Обычно журналисты задают одни и те же вопросы в одном и том же порядке. Первый вопрос, как правило, о Швеции. Правда ли, что все, о чем говорится в «Миллениуме» (коррупция, превышение власти, дискриминация и насилие над женщинами), в действительности имеет место?

Когда я отвечаю, что большинство фактов, событий и персонажей реальны, удивлению нет конца. Странно, что Швеция многим народам казалась примером для подражания. У нее те же проблемы, что и у всех; я думаю, мои интервью помогли понять, что и у нас не все благополучно в области соблюдения прав человека.

Второй вопрос, вызывающий жгучее любопытство журналистов: почему, после стольких лет совместной жизни, меня не признали вдовой и наследницей Стига? Как получилось,

что в такой стране могла сложиться столь нелепая ситуация?

Сегодня трилогия «Миллениум» с ее сорокамиллионным тиражом — один из важнейших экспортных товаров Швеции. Но это не просто книги. Это феномен, оказавший большое влияние по двум параметрам: во-первых, благодаря ему распространился совершенно новый образ Швеции, а во-вторых, Стиг и «Миллениум» стали чем-то вроде товара, на котором можно наживаться бесконечно.

Именно поэтому я и добивалась права управлять творческим наследием Стига. Начиная с 2006 года все предложения моих адвокатов содержали этот вопрос, и каждый раз Ларссонам предоставляли свободу самим назначать цифру лицензионного сбора, причитавшегося мне, что позволяло им оставить за собой практически любой процент от прибыли. За каждым нашим предложением следовало долгое молчание, а потом отрицательный ответ. Кроме того, мой адвокат, Сара Перс-Краузе, в ноябре 2009 года выступила с разъяснением в средствах массовой информации: «Мы подчеркиваем, что для нас важно управление литературным наследием Стига Ларссона, и по этому поводу мы, начиная с весны 2006 года, представили несколько заявлений в суд, не получив ответа ни на одно из них».

С февраля 2009 года в течение всего лета газеты освещали препирательства между «Йеллоу берд» и «Сони» в Голливуде по поводу американской экранизации трилогии «Миллениум». Имея представление о системе ценностей в Соединенных Штатах и будучи в курсе того, что, в отличие от Швеции, двенадцать из американских штатов гарантируют право наследования гражданским женам, я с любопытством ждала, что будет. И не напрасно.

25 октября 2009 года мне позвонили из шведской вечерней газеты «Афтонбладет», чтобы поговорить о публикации, намечавшейся назавтра в ежедневной газете «Дагенс нюхетер». Ларссоны собираются выделить мне два миллиона крон (около 200 000 евро) — как я могу прокомментировать это обещание? Я ответила, что ни я, ни мой адвокат не в курсе дела. И никакой публикации не последовало.

Спустя неделю, 2 ноября, конкурирующая ежедневная газета «Свенска дагбладет» заявила, что Ларссоны предложили мне уже 20 миллионов крон (около двух миллионов евро). Единственное, что я могла ответить: «Мы ничего об этом не знаем».

В тот же день мой адвокат позвонила новому представителю

Ларссонов, чтобы уточнить, насколько серьезны опубликованные в газете сведения и надо ли нам ожидать официальных извещений. Новость начала медленно расползаться по иностранным средствам массовой информации.

Месяцем позже «Американ верайети» сообщила, что «переговоры между „Йеллоу берд“ и „Сони“ затянулись на шесть месяцев из-за разногласий родственников Ларссона и его подруги Евы Габриэльссон по поводу наследственных прав».

С этого момента возобновились переговоры о литературном наследстве Стига между Ларссонами, нашими адвокатами и мной.

В ходе переговоров Ларссоны предложили мне место в административном совете общества, которое они учредили и которое управляет прибылями от продаж авторских прав. Это место предоставляло мне доступ к финансовым документам и контрактам, но не давало возможности как-то влиять на использование политических и художественных текстов Стига, защищать их от продаж, переписывания или искажения. Короче, мне предлагалась скромная роль консультанта, мнение которого двое совладельцев могли принимать или не принимать во внимание. В апреле 2010 года мой адвокат в качестве компромиссного решения предложила передать мне права распоряжаться всеми произведениями Стига, кроме детективов. И мы стали ждать ответа.

В мае 2010-го вышла моя книга, написанная совместно с Гуннаром фон Зюдовом: «Гражданский муж: более одинокий, чем можно подумать». В январе 2008-го я задала себе вопрос, насколько уникально мое положение. Гражданские браки широко практиковались в Швеции, и многие люди могли оказаться в той же ситуации, что и я. В ходе своих исследований я обнаружила большое количество товарищей по несчастью. Однако, к нашему удивлению, наш главный аргумент — внушительное количество пар, живущих в гражданском браке, — сразу провалился. В глазах государства мы представляли собой меньшинство, ибо Шведский институт статистики учитывал только те пары, у которых были дети. Все же остальные числились в бессемейных.[27]

Через полтора месяца Иоаким и Эрланд одновременно ответили через прессу и электронную почту моему адвокату, что прекращают со мной всякие переговоры.

Fiat iustitia, pereat mundus. Да свершится правосудие, хотя бы погиб мир.

supporteva.com

В начале апреля 2009 года мой адвокат получила неожиданное заявление от Яна М. Моберга, в прошлом журналиста, а ныне генерального директора компании «Эдда медиа» в Норвегии, и его адвоката.

Ян М. Моберг только что посмотрел повтор телепередачи из цикла расследований «Миллионы от „Миллениума“», в которой рассказывалось, как наследие Стига было захвачено его отцом и братом. В ходе передачи Ларссоны заявляли, что «разрешить проблему» мог бы мой брак с отцом Стига.

Ян М. Моберг и двое его приятелей, столь же возмущенных, как и он сам, создали в Интернете сайт «www.supporteva.com» с целью оказать мне моральную и материальную поддержку.

Создатели сайта, именовавшие себя «тремя мушкетерами из Драммена», собирались применить на деле философию действия и правосудия, которой пропитаны книги трилогии. Они поставили себе цель собрать средства и открыть на мое имя интернет-счет, который находился бы под контролем норвежских адвокатов. Я была приятно удивлена их профессионализмом, и мой адвокат поддержала решение принять это подношение.

Юмор этих ребят из Норвегии поднимает настроение. Они предложили пользователям Интернета жертвовать суммы пропорционально количеству прочитанных томов и степени возмущения. Сайт был создан меньше чем за три недели и переведен на множество языков. На страницу «Отзывы пользователей» стали прибывать ободряющие послания со всего мира. Я получила шквал звонков и электронных писем и теперь знаю, что совершенно незнакомые люди, высказавшись, испытали большое облегчение.

Незадолго до появления сайта Эрланд и Иоаким передали в дар газете «Экспо» 4 миллиона крон (около 419 000 евро). Эта сумма поступала частями по миллиону (по 105 000 евро). Такая новость навела норвежцев на мысль связаться с «Экспо» и «Серчлайтом», крупнейшими антифашистскими изданиями, с которыми сотрудничал Стиг, и попросить их высказаться о сайте и тем самым сделать его более известным. Британский журнал немедленно нашел для этой темы место на своих страницах. «Экспо» ответила, что беда не в моем конфликте с Ларссонами, а в том, что газета не может вмешиваться в частные дела. «Норстедт», отказавшийся от предложения норвежцев, привел те же доводы. 25 мая 2009 года «Норстедт» и Ларссоны совместно присудили первую из «Премий Стига Ларссона» размером в

200 000 крон (около 21 000 евро), учрежденную в память о борьбе Стига с беззаконием. Обладателем премии стала «Экспо».

Четвертый том

Как я уже говорила, на следующий день после смерти Стига моя сестра Бритт вместе с Эрландом отправилась в «Экспо» и я попросила ее отнести туда рюкзак Стига. В рюкзаке лежали его ежедневник с подробными замечаниями к следующему номеру журнала и ноутбук. Сам компьютер принадлежит газете, но в его памяти содержатся статьи Стига, его переписка с «Серчлайтом», результаты расследований, имена информаторов и прочее. На этом основании он находится под защитой закона, который гласит, что источники информации журналистов неприкосновенны. Это хранилище сведений, не защищенное никаким паролем, в течение шести месяцев лежало в редакции. В свое время кто-то посоветовал убрать его в сейф, но сейф был заперт, а шифр знал только Стиг!

Не исключено, что в ноутбуке содержится четвертый том «Миллениума».

Там должно быть чуть более двухсот страниц, потому что во время нашего последнего летнего отпуска Стиг написал около ста шестидесяти. Он тогда вычитывал первый том, заканчивал третий и еще работал в «Экспо», поэтому времени не хватало. Вряд ли за последние недели перед смертью ежедневные обязанности оставили ему возможность написать больше пятидесяти страниц.

Я не собираюсь пересказывать здесь сюжет. Скажу только, что в этой книге Лисбет постепенно избавляется от своих призраков и недругов. Каждый раз, как ей удается физически или психологически отомстить тому, кто причинил ей зло, она ликвидирует одну из своих татуировок, сделанную в память об этом зле. Если пирсинг для Лисбет — дань моде ее поколения, то татуировки — что-то вроде боевой раскраски. Во многих отношениях девушка ведет себя как дикарка в каменных джунглях. Она действует как животное, повинуясь инстинкту и предугадывая опасные ситуации. Я тоже, как и она, оказавшись в незнакомой обстановке с незнакомыми людьми, полагаюсь на интуицию. И Стиг это хорошо знал.

В течение двух лет Стиг написал более двух тысяч страниц, почти не занимаясь сбором материала, за исключением мелких деталей. Как такое возможно? Ответ прост: базу данных для книг составила наша жизнь бок о бок в течение тридцати двух лет. Они — плод жизненного опыта Стига, но также и моего. Опыта его детства, но также и моего. Нашей борьбы, нашей увлеченности, наших путешествий, страстей и страхов… Эти книги — пазлы наших жизней. Потому я и не могу с точностью сказать, что в

«Миллениуме» шло от Стига, а что от меня. Знаю только, что, если кто-нибудь пожелает пуститься в исследования на эту тему, каждый из томов потребует многолетней работы.

Жизнь сложилась так, что не я, а Стиг воспользовался всеми ее составляющими, чтобы создать литературное произведение. И ирония судьбы заключается в том, что если послушать все пересуды, так я не просто этому содействовала, но сама написала все от строчки до строчки. Могу сказать на это, что мы часто писали вместе, поскольку у нас был один общий стиль письма.

В августе 2005 года Пер Эрик Нильссон обратился к Ларссонам и издательству «Норстедт» с предложением о признании за мной авторских прав на литературное наследие Стига. Таким образом, я смогла бы на законном основании работать над его текстами и завершить четвертый том, что вполне способна сделать. По его мнению, это немало помогло бы разрешению напряженной ситуации.

Ларссоны ответили отказом.

Надо уточнить, что по шведским законам никто не обязан принимать наследство вопреки своему желанию. Не запрещено также дарить наследство или его часть. Закон предусматривает и передачу авторского права на произведение.

Случай с нашей семьей — и многих других, о ком я пишу в своей книге о гражданских браках, — когда после смерти одного супруга другой теряет все, показывает, что этот устаревший закон нуждается в пересмотре. Интеллектуальная собственность с официальной точки зрения ничем не отличается от земельного участка или фермы, принадлежащих некой семье. Когда умирает один из супругов, другой полностью лишается возможности распоряжаться всем, что было создано, и дальше развивать совместные проекты. Все отходит тем, кто ничего не создал, и они оказываются в выигрыше, а те, кто создавал, — в проигрыше. Такой закон препятствует развитию общества. Несправедливость ситуации, получившая такой резонанс в моем случае, подтолкнула многих шведов узаконить свои отношения и пожениться.

Без поддержки наших настоящих друзей — тех, что не красуются на телеэкранах, не наводняют прессу и книжные издания небылицами и анекдотами о Стиге, — я бы не выжила в эти страшные годы. Я хочу здесь от души поблагодарить их.

Сегодня я продолжаю бороться за обретение авторского права на «Миллениум», а вместе с ним и на все политические тексты Стига. Я сражаюсь за него, за себя, за нас.

Я не хочу, чтобы его имя становилось брендом индустрии. Если так пойдет и дальше, отчего бы ему не появиться на бутылке

пива, пакете кофе или на рекламе автомобиля? Я не хочу, чтобы марали и эксплуатировали его борьбу и его идеалы. Я знаю, как он отреагировал бы на сложившуюся сегодня ситуацию — он бы бросился в бой.

И я должна сделать, как сделал бы он.

В тот вечер, когда хоронили Стига, я записала, что хочу «пережить хотя бы год». В годовщину его смерти я надеялась «начать жить снова». Сегодня я спокойно могу записать слово «жить»! Моя семья, друзья, профессия, мои увлечения и жизненная позиция это позволяют.

Ради Стига. Он просил меня об этом, как в своем прощальном письме, которое в двадцать два года написал перед отъездом в Африку.

Я буду жить ради нас, ибо это нас объединяло.

Благодарности

Мари Франсуаза Коломбани благодарит:

Еву Габриэльссон за оказанное доверие;

Режис Буаре, специалиста по скандинавской литературе и культуре, и Гуннара Линда, посла Швеции во Франции, за предоставленную ими ценную информацию;

Н. Пуссена за поддержку и за консультации по орнитологии;

Мишель Фитусси, одну из первых читательниц, за ее познания в строительстве;

и Бруно Лафорга за его терпение.

notes

Примечания

1

Афинский философ Платон (427–347 до н. э.) создал рациональное идеалистическое учение, согласно которому материальный мир, окружающий нас, вторичен и является лишь тенью божественного «мира идей». Для иллюстрации своего учения Платон использовал аналогию: люди представлены узниками пещеры, способными видеть лишь тени предметов на стенах своей темницы. *(Прим. ред.)*

2

Сальса — латиноамериканский танец, популярен во всех европейских клубах, очень эмоционален и достаточно несложен по движению. *(Прим. перев.)*

3

Хрустальная ночь (Ночь разбитых витрин) (нем. Kristallnacht) — первая массовая акция прямого физического насилия по отношению к евреям на территории Третьего рейха, произошедшая в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года. *(Прим. ред.)*

4

АБФ (*шв.* Arbetarnas bildningsförbund, ABF) — крупнейшее образовательно-просветительское объединение Швеции, включающее 57 членов-организаций. Занимается в основном политическим народным просвещением. *(Прим. ред.)*

5

Лен — административно-территориальная единица в Швеции. *(Прим. перев.)*

6

Имеется в виду тот факт, что Стиг Ларссон изменил написание своего имени со Stig на Stieg, что не влияло на произношение. *(Прим. ред.)*

НФОЮВ — Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама. *(Прим. ред.)*

8

Киберпанк — поджанр научной фантастики, описывающий антиутопический мир недалекого будущего, в котором высокое технологическое развитие сочетается с глубоким упадком или радикальными переменами в общественном устройстве. *(Прим. перев.)*

9

ТТ, «Тиднингарнас телеграфбюро» — крупнейшее агентство новостей в Швеции. (Прим. ред.)

10

От *шв.* bild — изображение: картина, фотография. *(Прим. ред.)*

11

Система Racism and Xenophobia European Network, находящаяся в ведении Евросоюза. *(Прим. перев.)*

12

Säpo, или Säkerhetspolisen (полиция безопасности) — шведская служба безопасности, относится к Национальному совету шведской полиции. *(Прим. перев.)*

13

От названия организации «Антифашистское действие» (АФА). *(Прим. ред.)*

14

В русском переводе — «Девушка с татуировкой дракона». *(Прим. перев.)*

15

В то время как остальная территория Швеции находилась с XVI века под влиянием лютеранской церкви, приверженцы более строгих протестантских течений к XIX веку сосредоточились в северных районах страны. Среди них выделяется «Религиозное пробуждение» под руководством пастора Ларса Леви Лестадиуса. Эти движения занимались спасением рабочих и крестьян от алкоголизма, их членам были запрещены музыка и танцы, женщины не имели права применять макияж. С приходом индустриального общества, в условиях всеобщей урбанизации к середине XX века эти сепаратистские религиозные движения почти исчезли. *(Прим. авт.)*

16

НДМ — движение под названием «Совместные усилия в области социального обеспечения, образования и освобождения». *(Прим. ред.)*

17

Гик — поперечина треугольного паруса, свободно ходящая над палубой. Если невнимательно манипулировать гиком, он может вырваться из рук и сбросить за борт. *(Прим. перев.)*

18

Амиго *(исп.)* — друг. *(Прим. перев.)*

19

Старый город, по-шведски Гамла Стан, исторический центр Стокгольма. *(Прим. ред.)*

20

«Омега-3» — препарат, содержащий полиненасыщенные жирные кислоты, оказывающие общеукрепляющее, антиоксидантное, противовоспалительное, иммунокорректирующее действие на организм. *(Прим. ред.)*

21

Вторая и третья строфы взяты из «Старшей Эдды», песнь «Речи Высокого», в русском переводе А. Корсуна. *(Прим. ред.)*

22

Перечисляются основные божества и значимые персонажи скандинавской мифологии. Локи — бог огня, трикстер, воплощение лжи и коварства, источник неприятностей. Тор — бог-громовник, защитник мира богов и людей от враждебных сил (великанов). Один — верховное божество, отец и владыка над прочими богами, покровитель правителей, павших, воинов и колдунов. Фрейр и Фрейя — божества плодородия и любви. Бальдр — прекраснейший из богов, возможно, воплощение идеи об умирающем и воскресающем боге. Урд, Верданди, Скульд — три норны, то есть богини судьбы, определяющие жизненные жребии людей. Хугин и Мунин — два ворона, принадлежащие Одину и сообщающие ему обо всем, что происходит в мире. *(Прим. перев.)*

23

Омбудсман — от шв. ombudsman, «представитель», должностное лицо, на которое возлагаются функции контроля за соблюдением законных прав и интересов граждан в деятельности органов исполнительной власти и должностных лиц. Впервые должность парламентского омбудсмана учреждена риксдагом Швеции в 1809 году. *(Прим. ред.)*

Фирма, выпускающая спортивную одежду. *(Прим. перев.)*

25

Современный шведский писатель, тоже родом из Вестерботтена. *(Прим. перев.)*

Данная информация противоречит тем фактам, что Стиг Ларссон в своих работах разоблачал партии правоэкстремистского толка, среди которых «Шведские демократы» занимают видное место, и, таким образом, сомнительно, чтобы его связывали дружеские отношения с кем-то из ее представителей или они сожалели о его смерти. *(Прим. ред.)*

27

Швеция — одна из первых стран, пытавшихся решить вопрос с гражданскими браками, для чего был принят закон в поддержку того из партнеров, кто представлял собой «слабое звено». С 1973 года узаконили раздел жилья, а в 1987-м раздел имущества. С 2003 года закон распространился и на совместно живущие однополые пары. Сегодня этот закон прежде всего применяется к парам, которые расходятся. Если же один из партнеров умирает, не оставив завещания, другой оказывается лишенным всякой поддержки со стороны закона (в отличие от пар, состоявших в зарегистрированном браке, для которых наследование происходит автоматически, если только не обнаруживается завещание, где оговорено другое решение). Тогда наследство делят полюбовно. Или не делят. Во Франции, к примеру, с 1999 года так называемое «Гражданское соглашение о солидарности» регулирует права оставшегося в живых сожителя по завещанию или декларации, сделанной на момент соглашения, если она устанавливает, что нажитое имущество является совместным.

(Ева Габриэльссон, Гуннар фон Зюдов: «Гражданский муж: более одинокий, чем можно подумать», «Blue Publiscing», 2010.) *(Прим. перев.)*